



БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.** Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.** Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.** Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.** Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.** Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.** Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.** Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.** Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.** Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптюнок А. С.** Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.** Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.** Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.** Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Стёпин В. С.** Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Терещенко О. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Фурманов И. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шатравский С. И.** Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.** Академия последипломого образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС «НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ»

THE FIRST BELARUSIAN CONGRESS OF PHILOSOPHY «NATIONAL PHILOSOPHY IN THE GLOBAL WORLD»

УДК 1(476):009

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А. А. ЛАЗАРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Феномен национальной философии рассматривается в четырех аспектах. Во-первых, внимание уделяется дисциплинарному аспекту, где национальная философия предстает как организованная деятельность по производству гуманитарного знания и методологическому обеспечению научно-технической деятельности. Во-вторых, национальная философия интерпретируется сквозь призму философской культуры как совокупности ценностных и познавательных ориентаций, передающихся от поколения к поколению. В-третьих, национальная философия рассматривается в аспекте традиции исследования философской мысли народа, государства на путях его исторического становления. В-четвертых, национальная философия характеризуется в аспекте философских оснований национальной идеи, идеологии государственного и культурного развития. Подчеркивается, что национальная философия

Образец цитирования:

Лазаревич А. А. Национальная философия как феномен культурно-цивилизационного развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 4–9.

For citation:

Lazarevich A. A. National philosophy as phenomenon of cultural-civilizational development. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 4–9 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Аркадьевич Лазаревич – кандидат философских наук, доцент; директор.

Author:

Anatoly A. Lazarevich, PhD (philosophy), docent; director.
a.a.lazarevich@gmail.com

выполняет важнейшую роль в обеспечении культурного многообразия, служит гарантом преемственности духовных традиций социума, является в современном мире источником эвристических средств для поиска эффективных локальных ответов на глобальные проблемы социоприродного развития.

Ключевые слова: нация; государство; национальная философия; национальная культура; философская культура.

NATIONAL PHILOSOPHY AS PHENOMENON OF CULTURAL-CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

A. A. LAZAREVICH^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

In the article, the phenomenon of national philosophy is discussed in four aspects. First, in the disciplinary aspect, where it is presented as an organized activity for production of humanitarian knowledge and methodological support of scientific-technical activity. Second, national philosophy is interpreted through the prism of philosophical culture as a complex of value and cognitive orientations that are transmitted from generation to generation. Third, national philosophy is considered in the aspect of tradition of the study of philosophical thought of people and state on the path to its historical formation. Fourth, national philosophy is characterized in the aspects of philosophical grounds of the national idea, ideology of state and cultural development. It is underlined that national philosophy plays an important role in ensuring cultural diversity, serves as a guarantee of continuity of spiritual traditions of society. In the modern world, it serves as a source of heuristic tools for the search of effective local responses to global problems of social-natural development.

Key words: nation; state; national philosophy; national culture; philosophical culture.

Развитие национальной философии является не только значимой теоретической проблемой, но и одним из приоритетов научно-гуманитарной политики государства. Вместе с тем употребление понятия «национальная философия» и сама фиксация этого феномена оставляют немало вопросов национальной философии.

Во-первых, в политическом и культурологическом дискурсе уже укоренилось понятие «постнациональный мир», связанное с идеей уменьшения роли национального государства в условиях третьей волны цивилизационного развития, высказанной Э. Тоффлером в одноименной книге [1]. В этом плане возникают вопросы: «Как выживать национальной философии в постнациональном мире?» «Может ли она выполнить роль фактора новой национальной идентичности?» «Или в таком качестве она будет только препятствовать позитивному вектору интеграции – вектору реализации принципа всечеловеческой общности в ее кантовском понимании?»

Во-вторых, глобальное технологическое развитие предельно заостряет вопросы о нравственных императивах техногенной культуры, которые далеки от национального своеобразия. Футурологи предсказывают возникновение технологической сингулярности, саморегулируемого искусственного интеллекта, арсенала средств управления телесностью. Перед лицом этих явлений, словно по словам апостола Павла, не будет «ни эллина, ни иудея». В партнерство или противоборство с объектом техносферы вступает не представитель этноса, религии, группы, а просто человек как носитель

предельных критериев человеческого, выразитель потенциалов ценностного и рефлексивного сознания.

Однако, с другой стороны, не то ли единственное отличает людей от машин, грозящих в недалеком будущем радикально превзойти возможности человеческого разума, что именно человек обладает даром неуниверсального, пристрастного, субъективного и творческого сознания? Антропологический кризис глобализации чаще всего связывают именно с тем, что массовая культура возделывает только стандартные формы сознания, простые, клиповые композиции образов и переживаний. В этом отношении просветительский рационализм, некогда мечтавший об одном для всех языке, об аксиосфере, зиждущейся только на универсальных, всем понятных ценностях, рискует предстать в несколько карикатурном обличье предельно политкорректного общества потребления. Драма рационализма в массовом обществе, наглядно показанная еще философами франкфуртской школы [2; 3], напоминает о необходимости сделать своего рода прививку многообразия в социокультурную среду.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Крах политики мультикультурализма в западном обществе, о котором много говорят сегодня, показывает, что форсирование этнического, религиозного сознания чревато рисками для социального мира и даже новыми формами дискриминации: подавление большинства номинальным меньшинством. В этом плане необходимо вспомнить базовое определение. Эстетика – прекрасное,

связанное с представлением об упорядоченном многообразии. Социальное пространство сегодня остро нуждается в нерепрессивном упорядочивающем начале, в качестве которого может выступить система взглядов, связывающая между собой ценность единичного, самоидентичного и понимание универсального. Из всех форм общественного сознания таким началом может служить только философия.

Национальную философию, выступающую сегодня характерной чертой национальной культуры, можно рассматривать по крайней мере в четырех аспектах.

1. В **дисциплинарном аспекте** национальная философия предстает как организованная деятельность по производству гуманитарного знания и методологическому обеспечению научно-технической деятельности, которая на уровне национального государства оформлена определенными институтами, системой воспроизводства кадров, нормами профессионального этикета, эталонами поведения внутри сообщества и широкой социальной среде. Становление этой организованности – длительный процесс. В истории многих стран (в том числе и Беларуси) имеется различие философских и нефилософских эпох. Для последних характерно существование философии в иноприродных формах, обретающих подлинно философское звучание лишь при последующей интерпретации в рамках национальной школы историко-философских исследований. Так, в истории Беларуси имеются философские эпохи барокко, Просвещения, советской и постсоветской гуманитарной культуры, а также реконструктивные эпохи Средневековья, Возрождения, романтизма и народничества, в ракурсе которых непрерывность национальной философской традиции обеспечивается прежде всего современными исследовательскими средствами.

2. Национальная философия интерпретируется **сквозь призму философской культуры** как совокупности ценностных и познавательных ориентаций, передающихся от поколения к поколению. Например, можно вести речь о Логосе древних греков, о христианском подвижничестве философии Средневековья, о гуманизме Возрождения и т. д. Разумеется, нельзя говорить о том, что такие понятия как Логос, дао или, к примеру, «универсалия» – это эксклюзивное достояние греческой, китайской, средневековой культур. Они, обрастая самыми разными логико-символическими контекстами, становятся общим содержанием глобального философского процесса, находят место в дискуссиях самой различной направленности. Однако в то же время сама возможность дискуссии вокруг этих понятий говорит о том, что пути к их интерпретации остаются существенно различными.

Индивидуальность стилистик мышления, которая сохраняется даже в применении к предметам всеобще-абстрактного характера – это постоянная и, видимо, неотъемлемая характеристика способа бытия человека в символическом пространстве. Стилистически различаются не только литература, музыка и театр, но и, например, стили программирования, способы алгоритмизации, применяемые выходцами из стран Востока и Запада, о чем хорошо знают специалисты IT-индустрии. От культуры к культуре изменяются понимания демократии, социальной ответственности и справедливости, гендерных ролей и многого другого. Вполне адекватно это можно транслировать и на сферу философского мышления. Сложное целое, состоящее из особой стилистики работы с философскими универсалиями, с одной стороны, и особых же предметов мысли, отражающих уникальность той или иной социокультурной системы на историческом горизонте – с другой, и есть определение философской культуры.

Именно рассмотрение философской культуры, складывающейся в ту или иную эпоху, дает ключ к адекватному пониманию национальной философской традиции. Однако в то же время философская культура, как и культура вообще, – это не «вещь в себе». Ее феномен раскрывается в определенной исследовательской оптике. Этот необходимый угол зрения формируется прежде всего в деятельности национальной историко-философской школы.

3. Национальную философию, в связи с выше сказанным, можно рассматривать в аспекте **традиции исследования философской мысли народа, государства** на путях его исторического становления. В ряде случаев, учитывая определенный синкретизм философского мышления, в его ареал включаются общественно-политическая, эстетическая, религиозная, экологическая мысли, закрепленные в соответствующих письменных памятниках.

Деятельность историко-философской школы – это всегда та или иная форма синтеза традиций. Так, если говорить сегодня о нарративе белорусской философии, то его составляющие – тексты, произведения – созданы в рамках разных мировоззренческих систем, стилей научного и художественного творчества. Следовательно, история белорусской философии – это не только археографическая, но и в значительной степени конструктивная или, как говорится, положительная дисциплина. Создание общей картины истории философской мысли Беларуси – это показ ее в виде определенной галереи полотен, которые, в сущности, объединены общей темой, но в то же время воплощают разные стили, задачи и интенции философского творчества. Работа по созданию такой картины – самостоятельный творческий акт, в котором исследователь – наш со-

временник – обретает не только понимание традиции, но и практику самопонимания, самопроектирования.

4. В Беларуси, как и во многих других государствах, историко-философская традиция по мере развития как бы возрастает сама над собой, расширяя поле внимания с вопросов внутри дисциплинарного характера на проблемы осмысления архитектуры и динамики всей социокультурной системы. Именно поэтому национальная философия предстает перед нами и в аспекте **философских оснований национальной идеи, идеологии государственного и культурного строительства**. Собственно философской задачей в этом ключе является осмысление опыта построения государственности, раскрытие особенностей социально-политической модели государства в сравнении с другими моделями. В этом смысле Республика Беларусь, как новое независимое государство, представляет собой уникальный в центрально-восточноевропейском регионе случай для изучения. Страна не прошла стадию тотальной десоветизации, в ней не утвердился экстремальный националистический дискурс и была принята многовекторная интеграционная политика с акцентом на евразийскую интеграцию. Для того чтобы понять причины и перспективы такого выбора белорусского общества, необходим особый теоретический и методологический инструментарий социальной науки, не совпадающий с российским, украинским или литовским. Создание этого инструментария само по себе выступает важнейшим фактором спецификации белорусской национальной философии. То же можно сказать и в отношении философских традиций других стран.

Подчеркнем еще раз: национальная философия не должна быть философией национальной исключительности. Восприятие ее в таком качестве противоречит самой логике развития философского знания в истории цивилизации. Национальная философия – это характеристика дисциплинарно и дискурсивно оформленной философской культуры, складывающейся на путях исторического становления того или иного народа и отражающей специфику национально-государственного строительства.

Принято считать, что национальную философию делают возможной *два условия*: прежде всего связь с историей мысли в ареале нациогенеза и затем выражение мысли на национальном языке. Значение этих условий хорошо понимал Г. В. Ф. Гегель, когда писал известному немецкому философу, поэту и переводчику И. Г. Фоссу: «Лютер заставил говорить по-немецки Библию, Вы – Гомера, это величайший дар, который можно дать народу, ибо народ... не может осознавать все то превосходное, что он познает, пока не сможет сделать это

по-настоящему своим собственным и овладеть им на своем собственном языке» [4, с. 248–249]. Об этих же двух критериях говорил и известный китайский философ XX в. Ф. Юлань: «То, что делает национальную философию народной гарантирует, что это не просто философия нации, но национальная философия, это очевидно то, благодаря чему философия излагается в соответствии с историей нации и выражается на языке нации»¹ [5, р. 191].

Сказанное не дает права интерпретировать языковой фактор слишком узко. Он, безусловно, важен, но даже Ф. Юлань ставит его во взаимозависимость с историческим путем нации, который далеко не всегда проложен в колее одного единственного народного языка. Так, Беларусь исторически находилась и продолжает находиться на перекрестке различных культур и систем ценностей, философские взгляды и произведения излагались на многих языках, имеющих в том числе и государственный статус.

Вместе с тем можно с уверенностью говорить о том, что и сам философский процесс является важным условием становления языковой среды культуры. Именно в рамках философского знания отрабатываются понятийные формы, важные как для самопонимания культуры в целом, так и для осуществления конкретных социокультурных практик, например, политических, управленческих, образовательных и др. Философствование на национальном языке – это важный фактор национально-культурного строительства. Однако использование национального языка не может быть сугубо декоративным, оно накладывает на мыслителя определенные обязательства, связанные с вовлечением в орбиту философской рефлексии специфических вопросов сущности и перспектив национально-культурного развития, а также экспликацией черт ментальности нации, как складывающихся на длительном историческом интервале, так и характеризующих современную эпоху. Философ не просто описывает символические миры, он конструирует понятийное пространство культуры. Тем самым его работа имеет долгосрочный эффект для культурной политики, образовательно-воспитательной системы, работы СМИ.

Необходимо сказать несколько слов о том, как именно складывалась философская культура Беларуси. Традиционными координатами ее понимания служит дихотомия Запад – Восток, т. е. Европа – Россия. Мировоззрение той среды, которая в белорусском интеллектуальном пространстве обозначается как «Запад» – это продукт сложного сочетания мировоззрения и ценностей латинской цивилизации, христианства, новоевропейской науки, рационализма социальных проектов Просвещения и иррационалистических установок философии жизни, экзистенциализма XX в. В облике же

¹Перевод наш. – Л. А.

философской мысли России запечатлелись прежде всего черты византийской философской традиции, дискуссии славянофилов и западников середины XIX в., социалистические идеи и богоискательство Серебряного века.

Отличие белорусской философии от названных доминант обусловлено уникальностью культурно-исторических условий ее развития. В этом плане сыграла роль особая геополитическая ситуация Беларуси – ее положение «на рубеже двух миров, двух культур», как характеризовал ее Вацлав Ластовский. На протяжении столетий белорусские земли были местом встречи двух христианских цивилизаций Европы, на них протекали жестокие военные конфликты, вынашивались амбициозные геополитические планы. Однако на белорусских землях формировались и прочные традиции диалога культур, духовного взаимообогащения этносов и конфессий, компромисса, согласия и общечеловеческой солидарности.

Одна из самых ярких страниц интеллектуальной истории Беларуси – культура Возрождения и Реформации. На стыке западноевропейских и русско-византийских идейно-мировоззренческих установок, носителями которых выступали, с одной стороны, католицизм и нарождающееся протестантское движение, а с другой – православная церковь, формировался стиль мышления, характерный для выдающихся просветителей Беларуси Николая Гусовского, Франциска Скорины, Сымона Будного, Льва Сапеги, Симеона Полоцкого и др. В XVII–XVIII вв. полемика в сложном многоугольнике православной, католической, униатской и светско-либеральной идеологий породила оригинальный феномен белорусского просвещения, представленный именами Казимира Нарбута, Мартина Почобута-Одлянцко, Соломона Маймона, Яна Снядецкого, Анёла Довгирда и др.

Влиятельной мировоззренческой матрицей в рамках белорусской мысли XIX в. выступил западнорусизм, концепция которого оформилась в трудах Михаила Кояловича. Одновременно с этим в литературных и политических выступлениях Кастуся Калиновского, Франтишка Богушевича, Яна Борщевского, Янки Лучины и других складывался гуманистический императив, связанный с идеей о политической, социальной и культурной эмансипации белорусского народа, а прежде всего – обездоленных слоев. На этом двусоставном базисе была построена национально-освободительная идеология первой четверти XX в., имевшая не только философско-теоретическое, но и образно-художественное выражение, прослеживаемое в композиции и содержании литературно-философских эссе Владимира Самойло, в программной работе Игната Абдираловича «Адвечным шляхам» [6], произведениях белорусских поэтов-классиков.

Новым этапом в становлении философской традиции Беларуси стало формирование дисципли-

нарно оформленной философской мысли в рамках советской философии, что было связано с работой факультета общественных наук Белорусского государственного университета со времени его открытия в 1921 г., с деятельностью общественных секций Института белорусской культуры в первое десятилетие существования БССР, а также с созданием Белорусской академии наук в 1929 г. и в ее составе – Института философии и права в 1931 г. Последовательно в стране складывались сначала традиция социально-философского анализа, отвечающего задачам государственного строительства Беларуси в составе СССР, а затем – влиятельная философско-методологическая традиция, ярчайшим феноменом которой стало формирование Минской методологической школы под руководством академика В. С. Стёпина и, наконец, система исследований в области истории белорусской и мировой философии.

Что можно считать важнейшим итогом развития белорусской философии в русле профессиональной философской деятельности на сегодняшний день? Это прежде всего формирование комплекса идей, историко-философских знаний и ценностей общественного сознания, связанных с понятием цивилизационно-культурной субъектности Беларуси как нации-государства в современном глобализирующемся мире. Основой данной субъектности выступает неотчуждаемый феномен общественной жизни – национальная культура, а прежде всего ее духовно-культурная составляющая, в сердцевине которой находится национальная философская мысль. Этот лейтмотив четко прослеживается в работе Института философии НАН Беларуси над изданием многотомной «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси» [7].

В опоре на принцип цивилизационно-культурной субъектности актуальным оказывается процесс формирования и роста интеллектуального капитала Беларуси – системы знаний, информации, моделей поведения, моральных принципов и норм, а также механизмов их сохранения и передачи от поколения к поколению, которая обеспечивает развитие общества, его потенциал к инновационному росту, способность адаптироваться к новым глобальным условиям. Раскрытие этой проблематики выводит исследование на более общее понимание гуманитарных основ общественной безопасности, повышение степени социальной интеграции, укрепление гражданского мира, развитие методов социогуманитарной экспертизы новых технологий.

Наконец, важной составляющей философского процесса в стране сегодня является обоснование векторов и путей регионального и глобального сотрудничества, интеграции Беларуси в евразийское и общемировое социокультурное пространство. Это поле философского исследования охватывает проблемы диалога культур и религиозных тради-

ций, формулирования национальных интересов и приоритетов, уточнение принципов сотрудничества государств. Важно отметить, что белорусская философия сегодня сама является важным участником системы международного сотрудничества, проводником того, что называют народной и гуманитарной дипломатией.

Особым достижением белорусской философии в организационной сфере можно признать создание в 2015 г. первой в истории страны кластерной научно-инновационной структуры – Республиканского центра фундаментальной и практической философии. В 2017 г. на национальной конференции философов и ученых было учреждено Белорусское философское общество.

В заключение отметим, что на современном этапе философского процесса в Беларуси апробируется на практике модель функционирования на-

циональной философии как культурогенной среды. В современном мире она служит источником эвристических средств для поиска эффективных локальных ответов на глобальные проблемы социоприродного развития. Велика роль национальной философской школы в формировании гуманитарной культуры личности – субъекта креативного класса и основного проводника экономики знаний, обладающего не только универсальными технологическими компетенциями, но гуманистическим культурным багажом.

Объединяя потенциалы универсалий культуры как аттракторов глобального развития стилистик мышления, укорененных в жизненных мирах локальных общностей, национальная философия выполняет важнейшую роль в обеспечении культурного многообразия, служит гарантом преемственности духовных традиций социума.

Библиографические ссылки

1. Тоффлер Э. Третья волна / пер. С. Баранова [и др.]. М. : АСТ, 2002.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / пер. А. А. Юдина. М. : АСТ, 2003.
3. Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / пер. с англ. А. А. Юдина ; сост. Э. Филберг, У. Лейсс. М. : АСТ, 2011.
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. / пер. Ц. Г. Арзаканьяна, А. В. Михайлова ; сост., общ. ред. А. В. Гулыги. М. : Ин-т философии АН СССР : Мысль, 1971. Т. 2.
5. Chen Lai. Tradition and Modernity: A Humanist View / transl. by E. Ryden. Leiden ; Boston : Brill, 2009.
6. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам. Менск : Навука і тэхніка, 1993.
7. Евароўскі В. Б., Майхровіч А. С., Новікаў В. Н. і інш. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. В. Б. Свароўскі [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2017. Т. 4 : Асветніцтва.

References

1. Toffler A. The Third Wave: the classic Study of Tomorrow. New York : Random House Publ. Group, 1984. Russ. ed.: Toffler A. Tret'ya volna. Moscow : AST, 2002 (in Russ.).
2. Marcuse H. Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek [Eros and Civilization. One-Dimensional Man]. Moscow : AST, 2003 (in Russ.).
3. Feednberg A., Leiss W. (eds). The essential Marcuse: selected writings of Philosopher and Social Gitic Herbert Marcuse. Boston : Beacon Press, 2007. Russ. ed.: Markuze G. Kriticheskaya teoriya obshchestva: izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noi kritike. Moscow : AST, 2011 (in Russ.).
4. Gegel G. V. F. Raboty raznykh let [Works of different years] : in 2 vols. Moscow : Inst. Philos. Acad. of sci. USSR : Mysl', 1971. Vol. 1 (in Russ.).
5. Chen Lai. Tradition and Modernity: a Humanist. Leiden ; Boston, 2009.
6. Abdziralovich I. Advechnym shljaham [By eternal way]. Minsk : Navyka i Tehnika, 1993 (in Belarus.).
7. Evarowski A. S., Majhrovich V. M., Novikaw V. M. Gistoryja filasofskaj i gramadska-palitychnaj dumki Belarusi [History of philosophical and political thought of Belarus] : in 6 vols. Minsk : Belarus. navuka, 2017. Vol. 4. Asvetnictva [Education] (in Belarus.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2017.
Received by editorial board 20.12.2017.

УДК 1(476)(091)

ТОЛЬКО ВЕРОЙ (религиозно-реформаторские воззрения Франциска Скорины)

В. П. ОРГИШ¹⁾

¹⁾БИП – Институт правоведения, ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются некоторые аспекты скориноведения, требующие современной реконструкции и интерпретации, среди них деятельность переводчика, толкователя и издателя библейских текстов Ф. Скорины, как необходимая предпосылка белорусской Реформации, ее интеллектуальная антиципация. Обосновывается тезис, согласно которому доминирующая установка на ренессансно-гуманистическую подоплеку скорининского мироотношения сужает понимание культурно-исторической миссии белорусского мыслителя. Результаты исследования дают основание усматривать в мировоззрении Ф. Скорины параллелизм, а местами и совпадение с идеями немецкого реформатора М. Лютера. Утверждается, что Ф. Скорина был первым среди белорусских интеллектуалов и культурных деятелей, кто начал осмысливать христианство с неортодоксальных позиций, в Беларуси именно он сообщил направление процессу толкования христианской религии в духе Реформации. На основе изучения предисловий и послесловий Ф. Скорины к библейским книгам анализируются его религиозно-реформаторские взгляды.

Ключевые слова: Реформация; Возрождение; протестантизм; номинализм; томизм; вера; христианство; католицизм; индульгенция; первосвященник; Библия; Евангелие; христология.

ONLY BY FAITH (religious reformist views by Francysk Skaryna)

V. P. ORGISH^a

^aBIP – Institute of Law, 3 Karalja Street, Minsk 220004, Belarus

There are some aspects in Modern Studies on Francysk Skaryna that are the subject to reconstruction and new interpretation. Among them we can note the activity of Francysk Skaryna as a translator, an interpreter, and a publisher of the biblical texts that became a necessary precondition and intellectual anticipation of the Belarusian Reformation. The dominant view of the researchers on the Renaissance-humanistic aspect of his worldview can narrow down the understanding of his cultural and historical mission. The analysis of Skaryna's outlook suggests a well-known parallelism, closeness and in some cases a convergence with the ideas of the German reformer Martin Luther. Skaryna was the first one among Belarusian intellectuals and cultural figures who began to interpret Christianity from an unorthodox point of view. In Belarus it was him who started to interpret the Christianity through the prism of Reformation. Based on F. Skaryna's Introductions and Epilogues to Biblical books this article reveals his religious and reformist views.

Key words: Reformation; Revival; Protestantism; nominalism; tomism; faith; Christianity; Catholicism; indulgence; high priest; Bible; Gospel; Christology.

Образец цитирования:

Оргиш В. П. Только верой (религиозно-реформаторские воззрения Франциска Скорины) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 10–16.

For citation:

Orgish V. P. Only by faith (religious reformist views by Francysk Skaryna). *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 10–16 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Петрович Оргиш – доктор философских наук; профессор кафедры философии и политологии факультета международного права и юридической психологии.

Author:

Viachaslau P. Orgish, doctor of science (philosophy); professor at the department of philosophy and political science, faculty of international law and legal psychology. perikl2003@list.ru

Предвестия белорусской реформации

Отечественные и зарубежные исследователи заслуженно считают Франциска Скорину выдающимся восточнославянским мыслителем-гуманистом эпохи Возрождения. Его просветительский труд, книги, идеи сыграли значимую роль в духовном развитии белорусского народа. Однако Ф. Скорина является фигурой не только эпохи Возрождения. В современном скориноведении есть аспекты, требующие дальнейшей реконструкции и углубленной разработки. Один из них – деятельность белорусского просветителя как необходимая предпосылка белорусской реформации [1, с. 69], как ее философское предвосхищение [2, с. 10–11].

Преобладающая у отечественных исследователей ориентация главным образом на ренессансно-гуманистическую основу скорининского видения мира ограничивает понимание культурно-исторической роли Ф. Скорины. Более того, без анализа идейных оснований реформаторских взглядов мыслителя трудно понять, почему он, не отвергая традиционные христианские конфессии и их сосредоточенность на горнем, не отказывался и от воззрений, акцентирующих внимание на земном. В мировоззрении Ф. Скорины усматривается известный параллелизм, близость, а иногда и совпадение с лютеровскими религиозно-реформаторскими идеями. Однако это обстоятельство было обусловлено отнюдь не прямыми заимствованиями,

а прежде всего культурно-типологическими особенностями, которые сформировались в общую для этих идей эпоху и стимулировали их автономную деятельность в сходных направлениях.

Религиозные взгляды Ф. Скорины не следует однозначно отождествлять с тем, что исторически ассоциируется с протестантской религией и свойственными ей догматикой, политикой и прочему. Ему, в отличие от западных идеологов протестантизма, не были присущи конфессиональная ограниченность и фанатизм [3, с. 88].

Белорусский мыслитель способствовал возникновению в стране секуляризации [4, с. 21–33]. На родине он, как и М. Лютер в Германии, развернул работу, ослаблявшую устои традиционной христианской церкви. Первая скорининская книга «Псалтырь» увидела свет в 1517 г., в том же году немецкий реформатор обнародовал свою знаменитую работу «95 тезисов».

Из выше перечисленного можно сделать вывод о том, что исследовательская установка на ренессансно-гуманистическую основу скорининского миропонимания представляется односторонней. Не реконструируя реформационные аспекты мировоззрения белорусского мыслителя, сложно понять, почему оно сочетало в себе элементы средневековой философии, ренессансного гуманизма и неканонических богословских представлений.

Между Богом и человеком нет посредников

Важную роль в формировании реформаторских взглядов Ф. Скорины (как и всей европейской реформаторской мысли) сыграла появившаяся еще в XIII в. философия номинализма. Теологической опорой католицизма в это время стал схоластически препарированный Фомой Аквинским аристотелизм (так называемый томизм). Фома Аквинский руководствовался предположением о том, что в основе Божественного и человеческого действий лежит постулированный еще древнегреческими философами универсальный разум, связывающий воедино конечное и бесконечное, человеческое и Божественное.

Родоначальник номинализма Иоанн Дунс Скот выдвинул решительный контртезис, гласивший, что между Божественным и человеческим разумениями нет связи. По его мнению, познание Бога возможно только через откровение, ведущую роль в постижении истины играет благодать. Откровение и разум при этом только сосуществуют, но не дополняют друг друга, у каждого из них своя истина. Творческую субстанцию мира, по Скоту, составляет одна Божественная воля, а не интеллект и воля, как можно заключить из томистской доктрины.

Очевидно, что номиналистский волюнтаризм оказал серьезное воздействие на идейно-философскую переориентацию человеческого поведения, получившего в качестве первой предписывающей инстанции не разум, а волю. Наметилась концепция бытия, которая освещала дороги, возвращавшие культуру к земному, и побуждала человека к мирской активности. Дореформационное христианство, в особенности представленное католицизмом, являлось системой объективно-количественных, опосредованных связей между Божеством и человеком. Структура этой системы не предусматривала личные отношения одного и другого, но обязательно включала в себя среднее звено – церковь. Считалось, что только церковь может помочь человеку обрести вечное блаженство и избавить от наказания за грехи. Без церкви верующий рисковал найти только муки ада. Исполняя же церковные таинства, он приобретал благодать и нравственную свободу, открывавшую ему путь к заслугам как средству приобретения спасения. Таким образом, церковь с ее установлениями всегда стояла на пути верующего к Богу.

Вера – единственный мостик

Знакомство Ф. Скорины во время пребывания в Кракове, Падуе, Праге с неортодоксальными учениями реформаторской направленности (Дж. Уиклифа, учением гуситов и др.) склонило его к мысли о том, что традиционное христианское понимание отношений между Богом и верующим, основанное на идее об универсальном единстве бытия, является достаточно сомнительным. Если между Божественным и человеческим нет объективно выраженной непрерывности, то нет и того общего, которое позволило бы перебросить количественный мостик от земного к небесному. Связь с Богом может быть установлена не только посредством церкви, но и на личном уровне. Такая связь не нуждается в посредниках, потому что она – прямой диалог «я – ты», предваряемый принятием благовестия, целиком заключенного в Библии.

В предисловии ко всей Библии Ф. Скорина писал: «В сей книзе всее прироженое мудрости зачало и конец; Бог вседержитель познаван бывает» [5, с. 62]. Ф. Скорина считал, что если у человека нет веры в библейское откровение, то никакие усилия сами по себе не в состоянии сблизить его с Богом. Идея абсолютного приоритета веры, по сути, центральная в протестантском богословии, лейтмотив размышлений Ф. Скорины о религии. Он также делает вывод о том, что вера одновременно является и надеждой [5, с. 132], т. е. в духе стихийного протестанта заключает, что только вера как непосредственная связь с абсолютным позволяет надеяться на спасение. Вольно или не вольно напрашивалась мысль о том, что обрядово-ритуальный элемент культа, его сакраментальная сторона должны отойти на второй план.

Возвращение к евангельским идеалам

Одну из важнейших задач религиозной реформы Ф. Скорина видел в возвращении к идеалам евангельского христианства, открытии вновь для всех религиозной силы Нового Завета. Эту мысль он весьма энергично подчеркивал в сказании ко Второму посланию апостола Павла, когда писал, что «не во оправданиях бо закона душное спасение залежит, но во наследовании Евангелия Христова» [5, с. 133]. Руководствуясь сознанием исключительной важности новозаветных текстов, Ф. Скорина в предисловиях уделяет им особое внимание, но не всем, а преимущественно посланиям апостола Павла. В них он, как и М. Лютер, находит подтверждение своему пониманию религии. Учение об оправдании верой, которым автор посланий намеревался

отделить новую религию от одного из ее истоков – иудаизма, Ф. Скорина стремился применить к ситуации реформационного начинания. Комментируя «Послание к римлянам», мыслитель заостряет внимание читателя на ветхозаветной истории об Аврааме, которого перед лицом страшного испытания (Яхве потребовал принести в жертву первенца, Исаака, и тем самым подтвердить религиозное благочестие) спасла только вера (Бог, убедившись в вероисповедной преданности библейского праотца, в последний момент разрешил положить на алтарь вместо сына агнца): «Все оправдываются верою сына Божия. Занеже и Авраам не от дел, но от веры оправдася и прежде закона обрезания принял обетования» [5, с. 127].

Дела удовлетворения мало что решают

Задуматься над идеей реформы религии Ф. Скорину среди прочего побудило то, что средневековая система церковной регламентации отношений между верующим и Богом, опирающаяся на страх перед вечным наказанием, во многом себя дискредитировала. Грех, учила католическая церковь, неминуемо влечет за собой наказание, избавиться от которого возможно только при условии исполнения дел удовлетворения, предписываемых священником. Если же грешник хочет избежать исправительной деятельности, то он может принести жертву в виде некоторой суммы денег, т. е. купить индульгенцию. Дело дошло до того, что церковь стала продавать отпущение грехов не только на земле, но и в чистилище.

Не ставя целью отмену религии или выдвижение новой доктрины, Ф. Скорина тем не менее стремился укоренить в религиозной практике сво-

бодное общение между Богом и человеком, т. е. без посредничества церкви, лишая ее тем самым возможности злоупотреблять властью. Прощение грешник может снискать только у Бога. Право квалифицировать грех и отпустить его, присвоенное церковью, в действительности принадлежит каждому верующему. Ф. Скорина отмечал, что «благодатию Божеею спасени бо суть от веры Иисус Христовы, а не от своих дел» [5, с. 139], т. е. спасение дается благодатью Божией через веру в Иисуса Христа, независимо от дел удовлетворения.

Из всего этого следовало вполне протестантское заключение о том, что таинство покаяния должно быть изъято из монопольного владения церкви и передано в сферу непосредственного диалога человека с Богом. Такая постановка вопроса стала одним из самых сильных моментов критики церкви в учении Ф. Скорины.

Единственный первосвященник – Иисус Христос

Мерилом религиозного благочестия, убежден Ф. Скорина, может быть только отношение к евангельскому благовестию, священник же – человек и может ошибиться. Явления, которые священнослужителю представляются благом, возможно, вовсе не являются таковым на самом деле. Критерии церкви по сути своей – человеческие установления и отнюдь не дают оснований на наследование Божественной власти. Единственный высший первосвященник [5, с. 151], имеющий право на верховенство, – это Иисус Христос, абсолютным критерием понимания которого выступает Евангелие. В связи с этим Ф. Скорина призывает читателей: «Чтимы ж уставичне светое Еувангелие, а чтучи е, наследуимы дела нашего избавителя Иисуса Христа» [5, с. 63].

При таком подходе критика церкви носила уже не эпизодичный характер и была направлена не только на отдельных ее представителей. Ф. Скори-

на ставил под сомнение притязания церковных институтов на обладание истиной. Онтологически все люди равны, нет людей более или менее близких к Богу. Ф. Скорина замечает: «А тако прежде всех законов или прав писаных закон прироженный всем людям от господа Бога дан есть и весь во едином словеси скончевается: “Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе”» [5, с. 94]. Ни церковь, ни монахи, по мнению Ф. Скорины, не наделены властью распорядиться Божественной благодатью, поскольку их закон «от людей установленный, яко суть правила светых отец, на сборех пописанные...» [5, с. 95]. Добрая воля – исходный критерий нравственной ценности личности. Однако слова, добрые намерения только тогда получают окончательную ценность, когда завершаются добровольным их осуществлением. Ф. Скорина пишет: «Затым не толико словом, але и делом показати веру христианскую...» [5, с. 121].

Религиозное отношение безусловно первое

Идея приоритета воли (намерения), которая имплицитно присутствует у Ф. Скорины, сформировалась в ходе средневековой полемики по вопросу о соотношении разума и воли. Для приверженцев номинализма, как уже отмечалось, главной силой бытия была воля. С их точки зрения, именно она дает возможность и Богу, и человеку поддерживать индивидуальную самобытность. Волей, а не интеллектом творится мир, на ее основе совершается все плохое и хорошее.

Применительно к реформаторским воззрениям Ф. Скорины это означало, что нравственное действие является вторичным, но не в том смысле, что им можно пренебречь, а в том, что религиозное отношение, выражающееся в непосредственной и открытой вере, получает у него значение безусловно первого. Религиозный аспект по отношению к этическому становится ведущим. Интеллект, решавший, например, на каких основаниях, за какие поступки Бог должен ниспослать человеку благо-

дать, теряет силу. Прежняя формула: «Я делаю добрые дела, и Бог в награду посылает мне свое расположение» (т. е. сначала этика, а потом религия) заменяется принципом, утверждающим приоритет религиозного элемента, центром понимания религии становится вера. Ф. Скорина не единожды подчеркивал, что только вера может оправдать человека перед Богом, она, а не дела, которые возбуждают нравственное сомнение, дает человеку Божественное спасение. Мыслитель пишет: «Вси оправдаются верою» [5, с. 127]. Это означает, что, веруя, каждый получит благодать, и в этом случае человек не может не быть нравственным, ибо в благодати ему открывается, что Бог есть любовь, и в ней, следовательно, заключается исполнение высшего нравственного требования. Евангельскую заповедь Ф. Скорина формулирует так: «Каждый христианин..., наиболее любовь ко всем да соблюдает, еже ест совершенна над все иныя дарования, без нея же ничто prospeshно ест» [5, с. 132].

Бог среди верующих

В рассматриваемую эпоху возникла небывалая ситуация. Причиной добра признавалось не моральное отношение, а религиозное. Таинство, совершавшееся прежде лишь церковной иерархией, теперь требовало не переменного личного участия, поскольку только верой, а не делами было возможно получить на свою сторону благодать. Присутствие Бога, изображавшееся церковью как присутствие только в стенах храма и непременно в сопровождении священников, превращалось

в пребывание его не в определенном месте, а среди верующих.

Отказ от идеи присутствия Бога в храме был одним из самых кардинальных моментов реформационного отрицания церкви и существенной предпосылкой секуляризации. Этот отказ требовал поставить церковь на второе место после веры, он отнимал у церкви статус Божественного установления. Ф. Скорина в комментарии по поводу «Послания к Титу» разъясняет данный вопрос следующим

образом: «Наипервей поведаеть (апостол. – В. О.) веру Христову не нову быти, но прежде век обетовану от Бога. Потом велить поставляти попы и епископы...» [5, с. 149].

Одним из руководящих принципов Ф. Скорины был так называемый библейский принцип, трактованный Священным Писанием как исключительное средоточие слова Божия, благовествующего о Христе, его искупительной миссии, прощении грехов, спасении. В предисловии ко всей Библии Ф. Скорина утверждает, что библейские книги открывают любому человеку, почитающему их и слушающему, «что ест потребно к душному спасению его...» [5, с. 62]. Толкование Священного Писания как эта-

лона религиозной истины, центром которой является Христос, умаляло значение церкви как судьи в вопросах религиозной жизни.

В своих суждениях Ф. Скорина обнаруживал очень смелую и по тем временам еретическую мысль о том, что и в самой Библии не все равнозначно. Книги, которые непосредственно повествуют о Христе и его делах, заключают в себе наиболее значимое религиозное содержание. Он писал: «Закон Моисеов до часу толико дан бысть и все обетования во Христе наполнено суть. Ветхий закон ест телесный, а Новый – духовный. Во Ветхом – стень, а во Евангелии – истина. Во Ветхом – неволя, а во благовествовании Христове – свобода» [5, с. 136].

Реформаторски настроенный христианин

Интерпретация Библии неизбежно открывала путь исторической критике, ибо степень ценности и силы той или иной книги должна была определяться степенью ее приближенности к духовному центру религии. Одно из радикальных предположений заключалось в том, что не все библейские книги написаны под диктовку Бога, как утверждали церковные ортодоксы.

Установка Ф. Скорины на религиозный субъективизм была проявлением существенных социокультурных перемен, происходивших в жизни белорусского общества XVI в. Обозначившийся поворот от средневековых форм мировоззрения потребовал свободного от конфессиональных рамок религиозного мышления. Нельзя не согласиться с теми, кто считает связь Ф. Скорины с гусизмом или лютеранством гипотетической. Хотя существует версия о том, что в 1525 г. он посетил Виттенберг, где встречался с М. Лютером. Точно также деятельность великого белорусского

просветителя сложно отождествить с вероучением католической или православной церкви. Он не стал церковным реформатором в том смысле, в каком был М. Лютер или Ж. Кальвин. Тем не менее Ф. Скорина был реформаторски настроенным христианином, глубоко осознающим противоречивую сложность христианского вероучения. Широкое распространение в XVI в. на белорусских землях. Реформации – историческое явление, в подготовке которого не последнюю роль сыграли просветительские труды белорусского мыслителя.

Как представитель новой культуры, новой исторической формации Ф. Скорина искал способы и формы выражения духа своего времени. Поскольку глубоко укоренившаяся религиозная идеология не могла быть отброшена, следовало находить пути ее преобразования. Деятельность и мировоззрение Ф. Скорины служили осуществлению этой исторической потребности.

Вера оправдывает даже равнодушие к церкви

Стоит еще раз подчеркнуть, что Ф. Скорина не был ни протестантом в узком (конфессиональном) смысле этого слова, ни религиозным деятелем, основавшим реформированную церковь, подобную тем, которые были созданы вождями западной реформации. Ф. Скорина обладал реформаторским мышлением, отвечавшим духу и потребностям времени. Комментируя «Послание к римлянам» апостола Павла, он в который раз в духе протестантского дискурса о примате веры подчеркивает, что «все народы, буди иудеи или еллини, уклонишесь на зло и под грехом быща, и все оправдаются верою сына Божия» [5, с. 127]. По мнению Ф. Скорины, вера оправдывает даже такой грех, как равнодушие к церкви. Самый тяжкий грех, по его мнению, – неверие, в связи с чем в одном из предисловий мыслитель обращает внимание на предостережение евангельского автора коринфянам, чтобы те «вы-

стерегались от неверия...» [5, с. 130]. Христианин свободен, поэтому если у человека имеется вера, то совершенно неважно, связана ли она с тем или иным вероисповедным комплексом. Зло появляется тогда, когда человек злоупотребляет дарованной ему свободой, начинает уклоняться от любви к Богу, пытается строить свои отношения с ним на законнической основе. Христианская свобода, комментировал Ф. Скорина в одном из сказаний, «не во грехочинение дана ест, но во друголюбие, иже не законом, но верою Христовою совершается» [5, с. 136]. Отсутствие веры нельзя заменить исполнением некоторых установленных церковью процедурных предписаний. Последние не в состоянии раскрыть любовь как Божественную основу бытия. Только акт веры раскрывает любовь. Когда же это случается, возникает живой контакт с абсолютным, т. е. человек обретает Бога.

Христос – спаситель и нравственный идеал

Христос предстает у Ф. Скорины в образе совершенного бытия, экзистенциальная задача которого не столько репрезентация личной ипостаси Бога на земле (так думали богословы традиционного вероисповедания, ставившие дело спасения на второе место), сколько служение людям, подвиг во имя милости Божьей ко всем падшим. Личность и природа Спасителя наполняются для Ф. Скорины смыслом в первую очередь в свете того, что «Исус Христос, сын Бога живого, пострадал во исходе за нас грешных и кровь свою пресвятую вылил...» [5, с. 53].

Божественность Христа, следовательно, должна рассматриваться не иначе, как в связи с человеком и его жизнью. Стремление к переосмыслению христологии в духе не только ренессансно-гуманистических, но и реформаторских интенций – один из самых устойчивых мотивов скорининских размышлений на темы из Ветхого Завета и Нового Завета. Для мыслителя Христос есть Бог, поскольку он обладает спасительным действием, связанным с прощением грехов. В этом состоит основное измерение и бытийная задача Бога. Вторя евангельскому автору, Ф. Скорина писал: «Грех познан ест, но воплощением сына Божия да себе привед на смерть, всех освободить от смерти. Яко бо единым человеком грех в мир вниде, тако и единым человеком благодать умножится» [5, с. 128].

Новый формат религиозного отношения

В XVI в. на белорусских землях изменились общественно-исторические условия. Господствующий курс традиционной христианской церкви, сдерживавший интеллектуальное приспособление масс к новой социально-экономической ситуации, стал испытывать критическое отношение. Увлеченность христианской идеологии абстрактно-спиритуалистическим изображением жизни, утверждавшееся в Средние века, безразличие к внешним сторонам существования человека начали осознаваться как неоправданные мировоззренческие допущения. Ф. Скорина был первым среди белорусских интеллектуалов и культурных деятелей, начавшим осмысливать христианство с неортодоксальных позиций. Как показывает анализ, в Беларуси именно он сообщил направление процессу истолкования христианской религии в духе Реформации.

Стремление усилить индивидуальную деятельность, добиться ее интеллектуального и морального оправдания, подкрепить ее более высоким общим уровнем понимания реальности стало основной мотивировкой религиозно-просветительских усилий Ф. Скорины.

Христос, считал Ф. Скорина, – добровольная и невинная жертва, на которую «положил... господь неправды всех нас» [5, с. 85]. Бытие Спасителя определяется не столько через Божественность, сколько через нравственную деятельность. Образ Иисуса предстает как нравственный идеал, имеющий силу императива, исполнение которого является задачей и корнем жизни отдельного человека.

Свою мысль Ф. Скорина разъясняет в предисловии к Второзаконию: «Спаситель Исус Христос обещует полнящим закон Новый, светое Евангелие, отпущение грехов, ласку Божию, дары духа святого, живот вечный, царство небесное...» [5, с. 98]. Иначе говоря, религиозный долг христианин может реализовать не только в церковной сфере. Для этого надо сострадать Иисусу Христу, верить в его воскресение и хранить его нравственную заповедь любви к ближнему.

Реформаторские идеи Ф. Скорины вольно или невольно ставили вопрос о том, нужны ли церковные институты, если религия может осуществляться в иной плоскости. Нельзя ли, по крайней мере, отбросить их иерархическую, бюрократизированную систему и ограничиться понятием церкви как общины единомышленников. Мысль Ф. Скорины склоняется к последнему постулату. Церковь, писал мыслитель, «есть собрание христианское» [5, с. 140], тем самым он подчеркивал, что в ней нет другого смысла, кроме связанного с идеей общения единоверцев.

Обращение к Библии как к первоисточнику христианского вероучения, распространение ее среди белорусского народа оказались возможными благодаря скорининскому печатному слову. Переводчик, первопечатник и реформатор Ф. Скорина сломал многие барьеры, разделявшие просвещенное духовенство и простых людей. Толкование библейских текстов перестало быть исключительной привилегией священнослужителей. Переводя книги Священного Писания на старобелорусский язык и издавая их большими тиражами, Ф. Скорина, подобно М. Лютеру в Германии, осуществившему перевод Библии с латыни на немецкий, обнаружил возможность существования нового формата религиозного отношения между Богом и человеком, в котором посредническая роль церкви и духовенства теряла прежнее значение.

Для своего времени скорининская интерпретация важнейших положений христианства представляла собой наиболее авангардный и смелый опыт критического осмысления принципов господствующей идеологии.

Библиографические ссылки

1. Копреева Т. Н. Франциск Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве / под ред. А. А. Сидорова [и др.]. М., 1979.
2. Подокшин С. А. Скорина и Будный. Очерк философских взглядов. Минск : Наука и техника, 1974. [Электронный ресурс]. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/podokshin-skorina-budnyj-ocherk-filosofskikh-vzglyadov (дата обращения: 25.01.2018).
3. Подокшин С. А. Франциск Скорина. М. : Мысль, 1981 [Электронный ресурс]. URL: http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/padokshun/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%88%D0%B8%D0%BD_C._A._%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA_%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0.html (дата обращения: 28.01.2018).
4. Перцев В. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Георгия Скарини // Изв. Акад. наук БССР. 1948. № 6. С. 21–33.
5. Скариня Ф. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969.

References

1. Kopreeva T. N. [Francis Skaryna and the Russian hand-written book tradition of the 15th century]. In: *Belorusskii prosvetitel' Frantsisk Skorina i nachalo knigopechataniya v Belorussii i Litve* [Belarusian educator Francysk Skaryna and the beginning of printing in Belarus and Lithuania]. Moscow, 1979 (in Russ.).
2. Podokshin S. A. Skorina i Budnyi. Ocherk filosofskikh vzglyadov [Skaryna and Budny. Essay on philosophical views]. Minsk : Nauka i tekhnika, 1974. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/podokshin-skorina-budnyj-ocherk-filosofskikh-vzglyadov (date of access: 25.01.2018) (in Russ.).
3. Podokshin S. A. Francisk Skorina. Moscow : Mysl', 1981. URL: http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/padokshun/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%88%D0%B8%D0%BD_C._A._%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA_%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0.html (date of access: 01.28.2018) (in Russ.).
4. Pertsev V. N. [Social activities and world view Georgia Skarina]. *Izv. Akad. nauk BSSR* [Proc. Acad. Sci. BSSR], 1948. No. 6. P. 21–33 (in Russ.).
5. Skaryna F. Pradmovy i pasljaslowi [Pradmovy and the Passover]. Minsk, 1969 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 06.02.2018.
Received by editorial board 06.02.2018.

УДК 740.16.168.5

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Систематизированы основные направления в реконструкции кросс-культурных оснований тенденций цивилизационного развития. Раскрыто методологическое значение культурно-центрической парадигмы и принципа двойственности. Определены условия кросс-культурного моделирования цивилизационной идентичности в контексте онтологических и гносеологических ортогональных факторов. Объяснена специфика конструктивных интерпретаций культурного континуума. Намечены пути обоснования формальных свойств тенденций цивилизационного развития: поиск релевантных условий, разграничение онтологических ситуаций как состояний и процессов.

Ключевые слова: кросс-культурные основания; культурно-центрическая парадигма; принцип двойственности; цивилизационная идентичность; культурный континуум; конструктивный континуум; релевантность; состояния; процессы.

CROSS-CULTURAL BASES OF TENDENCIES OF CIVILIZATION DEVELOPMENT

S. V. VOROBYOVA^a, A. A. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

The main trends in the reconstruction of cross-cultural bases of tendencies of civilizational development are systematized. The methodological significance of the cultural-centric paradigm and the duality principle is revealed. The conditions of cross-cultural modeling of civilizational identity in the context of ontological and epistemological orthogonal factors are determined. The specifics of constructive interpretations of the cultural continuum are explained. The ways of substantiating the formal properties of tendencies of civilizational development are outlined: the search for relevant conditions; differentiation of ontological situations as states and processes.

Key words: cross-cultural grounds; cultural-centric paradigm; duality principle; civilizational identity; cultural continuum; constructive continuum; relevance; conditions; processes.

Актуальность реконструкции кросс-культурных оснований тенденций цивилизационного развития обусловлена реальными процессами форми-

рования нового мироустройства и множеством концепций и теорий, раскрывающих суть происходящего и прогнозирующих будущее. Построение

Образец цитирования:

Воробьева С. В., Легчилин А. А. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 17–22.

For citation:

Vorobyova S. V., Liahchylin A. A. Cross-cultural bases of tendencies of civilization development. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 17–22 (in Russ.).

Авторы:

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.

Anatolii A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.
liahchylin@bsu.by

содержательных моделей возможных сценариев затрудняют противоречивость и конфликтность, характеризующие онтологии происходящего. В таких случаях конструктивно-эвристические функции выполняют методологии, целесообразность которых детерминирована миром возможностей и тенденций, отличающимся от предметного мира и мира фактов. Сегодня можно обозначить четыре тематических поля, которые определяют методологию исследовательского поиска тенденций цивилизационного развития:

1) культурно-центрическая парадигма в постановке и решении проблем цивилизационного развития;

2) кросс-культурное моделирование цивилизационной идентичности;

3) логические интерпретации культурного континуума;

4) обоснование формальных свойств тенденций цивилизационной динамики.

Кратко эксплицируем данные концепты. Культурно-центрическая парадигма цивилизационного развития акцентирует внимание на методах раскрытия неопределенностей, обусловленных культурой. Методы разрабатываются как альтернатива и как комплемент эволюционистской методологии. В первом случае культурно-центрическая парадигма преодолевает ограниченность формационной методологии, базирующейся на объективности законов развития общества и гиперболизации экономической основы в его развитии [1; 2], разрабатывая стадийные и циклические модели [3], во втором – является дополнением эволюционистской модели объяснения, преодолевая недостаточное отражение и учет социально-культурной динамики в развитии общества. Стадийные модели ориентированы на глобальную интерпретацию истории и технократический или информационный универсализм в методологии. Например, согласно Д. Беллу базовым институтом в постиндустриальной цивилизации выступает университет, так как «знание должно управлять экономикой» [4, с. 450]. Ключевыми в стадийных моделях как комплементе линейной модели являются следующие кросс-культурные вопросы: «Сдвиги каких универсальных значений приводят к цивилизационным изменениям, влекущим проблемы?»; «Каким образом следует эти проблемы решать?». В частности, факторы влияния множества культур оказываются более значимыми по сравнению с материальными критериями цивилизационного развития [5, с. 475]. В циклических моделях цивилизация интерпретируется как множество локальных культурно-специфических процессов. Ключевыми в них как в комплементе линейной модели являются кросс-культурные вопросы разграничения множества трендов (ключевых тенденций) в каче-

стве «времен большой длительности» (по Броделю) и циклов с их пространственно-временными характеристиками. Если в стадийных моделях выявляются существенные для самих цивилизаций изменения, то в циклических изменения существенные в их локальных контекстах. Например, локализуются изменения в социальных системах в зависимости от сферы, в которой они происходят, или изменения с позитивным/негативным результатом для самой социальной системы [6, с. 23].

Согласно культурно-центрической парадигме неопределенности являются следствиями описания реальности в терминах несоизмеримых с ней языков, что преодолевается в контексте двойственного подхода в пределах устойчивой или стабилизированной целостности (универсума). Двойственность обусловлена основными формально-логическими свойствами культурно-центрической парадигмы – релятивизмом и изменчивостью. Релятивизм исключает любые формы абсолютизации (истину, мораль, власть и др.), изменчивость предполагает трансформации, осуществимые лишь в непротиворечивых условиях. В противном случае оба свойства становятся тривиальными. В частности, целостный подход в рамках «времени большой длительности» реализуется в пределах стадийного и циклического. Длительная целостность распадается на множество других биполярных кросс-культурных конструктов, например универсальное/уникальное, сингулярное/плюралистическое, массовое/индивидуальное, монологическое/диалогическое, самобытность культуры/самобытность личности, своя культура / чужая культура. Подобные конструкты позволяют, например, обосновать идею множественности центров силы посредством выявления и обоснования культурных и религиозных различий в «противостоянии цивилизаций» [7]. Различия в двойственной целостности не интерпретируются как неправильное восприятие истины или как ее искажение, а раскрываются в кросс-культурном соотношении смысловых неопределенностей. Так, например, национальный характер может быть раскрыт как соотносительность идеально-типических биполярных признаков (индивидуализм/коллективизм, трудолюбие/леность, свободолюбие/раболепие, смирение/бунт и др.) вокруг некоторого организующего центра (точки устойчивости), уравновешивающего противоположные тенденции.

Значимым результатом центризма культуры является операционализация обусловленных ею неопределенностей. На сложности операционализации указал И. Валлерстайн. Согласно его рассуждениям «функционирование социального капитала происходит одновременно в трех сферах – экономической, политической и социально-культурной» [8, с. 368], которые, как следствие, не имеют отдельных логик, обозначая лишь тренд глобального

развития – противоречия и конфликты, обусловленные культурно, а не экономически или идеологически. Из кросс-культурного переплетения связей, условий, решений, норм И. Валлерстайн сделал поспешный вывод о том, что ни одна исследовательская модель не может изолировать факторы, совместимые или согласующиеся с категориями из соседних областей. В действительности задача изоляции факторов, образующих изменяющийся, но не противоречивый мир, решается в релевантной логике, формализующей рассуждения об изменениях, существенных в локальном культурном контексте, т. е. в системе релевантных условий.

Для результативности преодоления неопределенностей важно понять, чем является сущность – изменчивостью или постоянством. Сущность в Античности и Средневековье искали в постоянстве, а в современной кросс-культурной методологии она и изменчива, и постоянна. Это означает, что ответы на вопросы о сущности и тенденциях цивилизационного развития строго не регламентированы в научном или идеологическом смысле. В частности, цивилизационная идентичность представляет собой холизм изменчивости и постоянства. Поиски идентичности осуществляются между глобальной однородностью и провинциальной изоляцией в контексте культурной динамики цивилизаций [9, с. 8].

Кросс-культурное моделирование цивилизационной идентичности осуществляется в сингулярных и плюралистических теориях в эссенциалистском (онтологическом) или конструктивистском (гносеологическом) направлениях. Сингулярные модели выявляют универсальные критерии цивилизации и разрабатывают ее единый эталон, например европоцентристский. Так, Ф. Фукуяма убежден, что «идеал либеральной демократии с точки зрения принципов улучшить нельзя» [10, с. 9]. Ж. Деррида, полемизируя с ним, подчеркнул, что либеральная демократия реализуется тогда, когда отличается от себя, отсылает к иному месту и времени, содержит в себе другой опыт, но в действительности «демократия изначально не тождественна сама себе», значит, «не существует демократии без этого различия с самой собой» [11, р. 27; 12, р. 63].

Плюралистические модели интерпретируют цивилизации в контексте культурного полиморфизма, например как самобытные гомогенные образования, превосходящие нации, но не охватывающие все человечество (А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон), как транснациональные образования, имеющие символические границы (Э. Дюркгейм, М. Мосс), или как сетевые структуры (М. Кастельс, Р. Коллинз). В частности, механизм вызовов и ответов А. Тойнби позволяет воспроизводить вариативный характер возможных способов реагирования (ответов) на внешние и внутренние воздействия

(вызовы), репрезентирующие особенности формирования локальных культур и цивилизаций и объясняющие социально-культурную специфику отдельных регионов.

Эссенциализм исследует формы организации и социального устройства как проекции, интернированные индивидами. Идентичность интерпретируется как стабильная и неизменная, независимая от дискурсивных практик. Константный характер идентичности обусловлен наличием объективно существующих качеств носителя идентичности (нации, расы, гендера и др.). Конструктивизм исследует социально-культурный контекст и исторические условия формирования идентичности. Последняя интерпретируется как нестабильная и изменяющаяся, зависимая от дискурсивных практик. Динамичный характер идентичности обусловлен субъективным оспариванием и пересмотром границ.

Эмерджентная сущность цивилизационной идентичности моделируется на пересечении ортогональных факторов. Эссенциализм/сингулярность означает формирование идентичности через соответствие универсальным стандартам и характеристикам, исключая культурный полиморфизм. Целью является поиск общезначимых стабилизирующих факторов, связанных с разрешением фундаментальных противоречий социального бытия, т. е. структурных регулярностей, социальных стратификаций [13]. Эссенциализм/плюрализм означает формирование идентичности в процессе рефлексии существующих культурных структур цивилизации. Его цель – раскрыть ментальные структуры идентичности как «структуры сознания» (Б. Нельсон), «габитус» (П. Бурдьё) или «организационную культуру» (Р. Коллинз). Например, габитус воспроизводит структуру совокупности условий существования, формирующих идентичность агента социального действия [14].

Конструктивизм/сингулярность означает формирование идентичности посредством эталонных идей и представлений о норме. Его цель заключается в фиксировании первичных границ идентичности, например структуры повседневности с цепочками взаимозависимостей и радиусами общения [15, с. 20]. Конструктивизм/плюрализм означает формирование идентичности в условиях культурной самобытности, несовместимой и несоизмеримой с иными культурами. Цель – поиск условий интеграции и аккультурации в диалоговом взаимодействии. Аксиомой взаимодействия является определение контакта цивилизаций как диалога о мировоззрении, первичных символах, вокруг которых объединяются сложные социально-культурные системы [16, с. 56–59].

Кросс-культурное моделирование цивилизационной идентичности обусловлено логическими

интерпретациями культурного континуума. Если при этом не возникают непреодолимые логические трудности, то следует усомниться в постановке проблемы, способе ее решения или аргументах. Методологические затруднения обусловлены неразличимостью логического реализма и номинализма, или антипсихологических и психологических связей с культурой. В реалистических умозрительных рассуждениях устраняется различие сущности и существования, так как обсуждается самостоятельное существование сущностей. В них речь идет о возможности понимания имен сходных предметов как общих и выявлении объективно-логических аспектов реальности. В номиналистических рассуждениях делается акцент на различении сущности и существования, для этого рациональное осмысление распространяется на чувственные данные, обозначая сдвиг к атомизму психологии или антропологии, а также на выявлении субъективно-логических аспектов реальности.

Согласно логическому реализму развитие цивилизаций характеризуется не взаимодействием составляющих его эмпирических объектов, напротив, эти объекты приобретают качества под влиянием развития цивилизаций. Ключевыми являются вопросы о том, каким образом осуществляется воспроизводство целостности в контексте диахронии и какую роль в нем выполняют надындивидуальные формы бытия. К последним относятся агрегатные состояния и процессы (традиции, кооперация, партнерство и др.) и ансамблевые конструкции (коллективы, союзы, организации и др.). В логическом номинализме развитие цивилизаций детерминировано не сущностью, а существованием, поэтому диахронический контекст воспроизводства целостности исключается. Ключевым является вопрос о том, каким образом возможно индивидуальное существование.

Логические интерпретации культурного континуума обусловлены абстракциями актуальной бесконечности (отвлечением от невозможности зафиксировать каждый элемент континуума) и конструктивности (континуум не является счетным ни в одном смысле, но допускает любое конечное число операций). В первом случае имеет место теоретико-множественная концепция смысла (смысл как часть многого), во втором – холизм смысла (смысл как часть целого). В абстракциях конструктивности континуум образует совокупность совместимых частей культурной целостности, каждая из которых непрерывна, например синхронические (схемы «Я – Другой», «Свой – Чужой») и диахронические (вертикальное взаимодействие темпорально различных слоев этнической, национальной и цивилизационной идентичностей) структуры идентичности.

Формальные свойства тенденций цивилизационного развития адекватно раскрываются в релевантной и темпоральной логике, которые применимы к анализу качественно неоднородных и изменяющихся объектов. Как утверждал Я. Лукасевич, «все логические системы, создаваемые нами, являются необходимо истинными при тех допущениях, при которых мы их создаем.<...> Если мы хотим следствия данных допущений проверить как-то на фактах, – нужно осознавать, что подтверждения онтологических допущений скрыты в основаниях логики» (цит. по [17, с. 24]). Релевантная логика обосновывает условия, при которых большое количество переменных можно свести к значительно меньшему числу факторов, каждый из которых объединяет вводные переменные, имеющие сходный смысл. Для этого устанавливаются общезначимые границы релевантных выводов, определяются формулы, не являющиеся общезначимыми, задаются способы интерпретации формул на множестве кортежей значений, детерминирующих культурно ориентированное взаимодействие [18, с. 215; 19, с. 139–141].

Объектом релевантной логики выступает изменяющийся, но непротиворечивый мир, поэтому в релевантной логике не имеет места принцип, позволяющий из противоречия выводить любое высказывание [20, с. 39–40]. Противоречие должно быть локализовано по принципу комплементов. Так, например, невозможно непротиворечиво ответить на вопрос о том, голодают ли люди, согласовать идеи экономического процветания во всем мире, социальной справедливости для всех граждан и геополитические контраргументы о конфликте региональных цивилизаций или о том, что «золотому миллиарду» противостоят 80 % населения.

Темпоральная логика решает проблемы условий истинности и выводимости высказываний о динамических характеристиках реальности. Их свойства – «особенный момент времени», «особенная ситуация», «точка зрения», «человеческие интересы» (цит. по [21, с. 62]). Темпоральная логика отвечает на вопрос: «Какую идентичность выбрать в условиях небезопасности любого выбора?» [22, с. 23]. Разграничению подлежат два типа исходных онтологических ситуаций: состояния и процессы, имеющие разную референцию. В соответствии с ними различаются статистические и динамические предикаты, позволяющие обнаруживать связи нового типа, в частности когерентные, характеризующиеся пониженной энтропией, например сотрудничество. Когерентными являются кооперативная система взаимодействия П. Грайса, опирающаяся преимущественно на статистические предикаты, и система неформального аргументирования

Х. Перельмана, основанная на динамическом конструировании реальности. В результате сотрудничество репрезентируется как состояние или как процесс, при этом они различаются презумпциями соблюдения в первом случае правил, во втором – согласия.

Состояния, сохраняя конструктивные характеристики, не зависят от возможных изменений в любой другой момент времени. Процессы – стадийные и циклические – сами являются шкалами времени, определяя длящееся бытие [23]. В его пределах состояния и процессы распознаются как паритет и границы устойчивости и изменчивости, как континуальность и дискретность. Для этого в онтологически устойчивых состояниях и процессах предикаты задаются по сходству, а в онтологически неустойчивых – по различиям. В гносеологических, независимых от дискурсивных практик структурах предикаты задаются по сходству, а в зависимых – по различиям. Например, онтологические и гносеологические аспекты становления идентичности различаются в контексте разграничения гомогенных (изолированность) и гетерогенных (диалог) структур, закрытых и открытых сообществ, номиналистической предопределенности сознания самим себя (состояния) и реалистическим взаимодействием с Другими (процессы) [24].

Таким образом, в реконструкции кросс-культурных оснований тенденций цивилизационного развития следует учитывать четыре направления. Культурно-центрическая парадигма ориентирует методологию на двойственный подход, предусматривающий согласование в пределах

целостности несовместимых тенденций, образующих устойчивую тождественную структуру в изменениях, и альтернатив, составляющих универсум. В контексте двойственности выявляются универсальные и уникальные критерии цивилизационного развития как культурно зависимые переменные, релятивность и изменчивость которых исключает из исследований абсолютизацию и противоречивость.

Кросс-культурное моделирование цивилизационной идентичности основано на разграничении неопределенностей, обусловленных культурой, по онтологическому признаку устойчивости (сингулярность/плюрализм) и гносеологическому признаку зависимости от дискурсивных практик (эссенциализм/конструктивизм).

Процесс разграничения неопределенностей не только зависит от логической интерпретации многообразия культурного континуума, но и влияет на нее. Оптимальной формой интерпретации является конструктивизм. Конструктивный культурный континуум, как целостность, совмещает в себе дискретные и континуальные структуры, синхронию и диахронию.

Формальные свойства тенденций цивилизационной динамики обусловлены изменяющимися и непротиворечивыми условиями онтологических ситуаций (релевантная логика), а также разграничением данных ситуаций как состояний и процессов (темпоральная логика). Поэтому определение релевантных условий и распознавание на их основе состояний и процессов детерминируют базовые схемы выявления тенденций и их интерпретаций.

Библиографические ссылки

1. Бузгалин А. В. Цивилизационный подход и «провалы» марксизма: человек и культура // *Вопр. философии*. 2014. № 11. С. 3–13.
2. Колганов А. И. Цивилизационный подход и «белые пятна» марксизма: Восток, Запад и «рынок как общечеловеческая ценность» // *Вопр. философии*. 2014. № 11. С. 14–24.
3. Глинчикова А. Г. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и «постэкономическое» общество (материалы круглого стола) // *Вопр. философии*. 2000. № 1. С. 3–32.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. В. Л. Иноземцева. М. : Академия, 1999.
5. Тоффлер Э. Третья волна / пер. С. Барабанова [и др.]. М. : АСТ, 2004.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. П. М. Кудюкина ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Унив. книга, 2001.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. Ю. Новикова ; под ред. Е. Кравцовой [и др.]. М. : АСТ, 2003.
8. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века : пер. с англ. / под ред. В. И. Иноземцева. М. : Логос, 2004.
9. Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // *Многоликая глобализация* / пер. В. В. Сапова ; под ред. П. Л. Бергера [и др.]. М., 2004. С. 8–26.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. М. Левина. М. : АСТ, 2004.
11. Derrida J. *Liber té au present: la démocratie a journée* // *Le Monde de la Révolution Française*. Paris, 1989. P. 19–55.
12. Derrida J. *La Raison du plus fort (Y-t-il des états voyous)* // *Voyous. Deuxessais sur la raison*. Paris, 2003. P. 9–161.
13. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. / пер. И. Тюриной. М. : Акад. проект, 2005.
14. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. ; СПб. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации : в 2 т. / пер. А. Руткевич. М. ; СПб. : Унив. книга, 2001. Т. 1 : Социогенетические и психогенетические исследования.
16. Легчилин А. А. Диалог культур в контексте глобализирующегося мира // *Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 22–23 окт. 2009 г.)*. Минск, 2009. С. 56–59.

17. Васюков В. Л. Последствия логического плюрализма: глобальный и локальный аспекты // Лог. исслед. 2003. Вып. 10. С. 23–34.
18. Шалак В. И. Многозначная слабая релевантная логика RS (relevant scaled) // Лог. исслед. 2003. Вып. 10. С. 212–217.
19. Быстров П. Н. Релевантные системы с глобальными правилами вывода // Лог. исслед. 1996. Вып. 2. С. 139–152.
20. Зайцев Д. В. Теория релевантного следования III: комбинаторная семантика TE // Лог. исслед. 2001. Вып. 8. С. 38–49.
21. Тягло А. В., Воронай Т. С. Критическое мышление: проблема мирового образования XXI века. Харьков : Ун-т внутр. дел, 1999.
22. Бауман З. Текучая современность : пер. с англ. / под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008.
23. Lévinas E. Totalitéetinfini. Essai sur L'Extériorité. Dordrecht : Kluwer Acad., 1991.
24. Lévinas E. Diachronie et représentation // Rev. l'Univ. Ottava. 1985. Vol. 55. P. 85–98.

References

1. Buzgalin A. V. Civilization Approach and Failures of Marxism: man and culture. *Vopr. filos.* [Issues Philos.]. 2014. No. 11. P. 3–13 (in Russ.).
2. Kolganov A. I. Civilization approach and white spots of Marxism: East, West and market as a universal value. *Vopr. filos.* [Issues Philos.]. 2014. No. 11. P. 14–24 (in Russ.).
3. Glinchikova A. G. [Transformations in modern civilization: post-industrial and posteconomic society (materials of the round table)]. *Vopr. filos.* [Issues Philos.]. 2000. No. 1. P. 3–32 (in Russ.).
4. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The Future Post-Industrial Society. Experience of social forecasting]. Moscow : Academia, 1999 (in Russ.).
5. Toffler A. The Third Wave: The Classic Study of to Tomorrow. New York : Morrow, 1980. Russ. ed.: Toffler A. Tret'ya volna. Moscow : AST, 2004 (in Russ.).
6. Wallerstein I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint Petersburg : Univ. Book, 2001 (in Russ.).
7. Huntington S. The Clash of Civilizations and remarking of world order. New York : Simon and Schuster, 1986. Russ. ed.: Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. Moscow : AST, 2003 (in Russ.).
8. Wallerstein I. The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis ; London : Univ. Minn. Press, 1999. Russ. ed.: Wallerstein I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka. Moscow : Logos, 2004 (in Russ.).
9. Berger P. L. The Cultural Dynamics of Globalization. In: *Many globalizations: Cultural Diversity in the contemporary world*. Oxford, 2002. Russ. ed.: Berger P. L. Kul'turnaya dinamika globalizatsii. In: *Mnogolikaya globalizatsiya*. Moscow, 2004. P. 8–26 (in Russ.).
10. Fukuyama F. The end of history and the last man. New York : Macmillan, 1992. Russ. ed.: Fukuyama F. Konets istorii i poslednii chelovek. Moscow : AST, 2004 (in Russ.).
11. Derrida J. Liber té au present: La démocratie a journée. In: *Le Monde de la Révolution Francaise*. Paris, 1989. P. 19–55 (in Fr.).
12. Derrida J. La Raison du plus fort (Y-t-il des etats voyous). In: *Voyous. Deuxessais sur la raison*. Paris, 2003. P. 9–161 (in Fr.).
13. Giddens A. Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii [The organization of society: An outline of the theory of structure]. Moscow : Acad. Project, 2005 (in Russ.).
14. Bourdieu P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. Moscow ; Saint Petersburg : Inst. Experimental Soc. : Aleteya, 2005 (in Russ.).
15. Elias N. Über den Prozess der Zivilisation : in 2 band. Basel : Verlag Haus zum Falken, 1939. Band. 1 : Soziogenetische und psychogenetische untersuchungen [Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes]. Russ. ed.: Elias N. O protsesse tsivilizatsii : in 2 books. Moscow ; Saint Petersburg : Univ. Book, 2001. Book 1 : Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya (in Russ.).
16. Legchilin A. A. [Dialogue of Cultures in the Context of a Globalizing World]. *Filosofiya i ratsional'nost' v kul'ture globaliziruyushchegosya mira* [Philosophy and rationality in the culture of the globalizing world] : mater. of Int. sci. conf. (Minsk, 22–23 Oct., 2009). Minsk, 2009. P. 56–59 (in Russ.).
17. Vasyukov V. L. [Consequences of logical pluralism: global and local aspects]. *Logicheskie issled.* [Log. Res.]. 2003. Issue 10. P. 23–34 (in Russ.).
18. Shalak V. I. [Multivalued weak relevant RS (relevant scaled)]. *Logicheskie issled.* [Log. Res.]. 2003. Issue 10. P. 212–217 (in Russ.).
19. Bystrov P. N. [Relevant systems with global rules of inference]. *Logicheskie issled.* [Log. Res.]. 1996. Issue 2. P. 139–152 (in Russ.).
20. Zaitsev D. V. [Theory of the relevant sequence III: combinatorial semantics TE]. *Logicheskie issled.* [Log. Res.]. 2001. Issue 8. P. 38–49 (in Russ.).
21. Tyaglo A. V., Voropay T. S. Kriticheskoe myshlenie: problema mirovogo obrazovaniya XXI veka [Critical Thinking: The Problem of World Education in the 21st Century The tax]. Kharkiv : Univ. int. Affairs, 1999 (in Russ.).
22. Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge : Polity press, 2000. Russ. ed.: Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Saint Petersburg : Piter, 2008 (in Russ.).
23. Levinas E. Totalitéetinfini. Essai sur L'Extériorité. Dordrecht : Kluwer Acad., 1991 (in Fr.).
24. Lévinas E. Diachronie et représentation. *Rev. l'Univ. Ottava*. 1985. Vol. 55. P. 85–98 (in Fr.).

Статья поступила в редакцию 19.02.2018.
Received by editorial board 19.02.2018.

УДК 316.7:004.738.5

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется проблема осмысления феномена интернета со стороны философии и других наук. Описывается становление сети Интернет с момента появления первой компьютерной сети ARPANET до момента ее массового распространения и использования. Выявлено уникальное сочетание социокультурных условий и факторов, позволивших сначала появиться данной технологии, а затем обрести всеобщее признание. К ним относятся политические (ситуация холодной войны, демократические институты), экономические (становление глобальной рыночной экономики, новая генерация предпринимателей), технико-технологические (микроспроцессорная революция), аксиологические (ценности научного творчества и свободы коммуникации) факторы. Определены важнейшие характеристики интернета, обусловившие его популярность среди пользователей, и их связь с изменениями на уровне общества и культуры в целом.

Ключевые слова: философия техники; философия интернета; эволюция сети Интернет; социокультурные условия и факторы становления интернета; культура интернета.

SOCIO-CULTURAL CONDITIONS OF THE INTERNET NETWORK BECOMING

D. G. DABRARODNI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is dealt the problem of comprehension the phenomenon of the Internet by philosophy and other sciences. The article describes the Internet becoming since the first computer network ARPANET has appeared until its mass distribution and use. The author has revealed a unique combination of socio-cultural conditions and factors that enabled the first appearing of this technology and then to gain universal acceptance. These are political (the situation of the Cold War, democratic institutions), economic (the emergence of a global market economy, a new generation of entrepreneurs), technical and technological (microprocessor revolution), axiological (the values of scientific creativity and freedom of communication) factors. The author defined the most important characteristics of the Internet, which determined his popularity among users, and their connection with changes in society and culture in general.

Key words: philosophy of technology; philosophy of Internet; Internet evolution; socio-cultural conditions and factors of the Internet becoming; Internet culture.

Интернет является предметом активных исследований со стороны множества как технических, так и социально-гуманитарных наук. Совокупность таких исследований получила название *Internet-studies*, что можно определить как «меж-

дисциплинарное и мультидисциплинарное поле фундаментальных и прикладных исследований, объединяющее различные научные дисциплины, общим объектом исследования которых является Интернет» [1, с. 366]. Популярность, а вместе с ней

Образец цитирования:

Добродордний Д. Г. Социокультурные условия становления сети Интернет // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 23–28.

For citation:

Dabrarodni D. G. Socio-cultural conditions of the Internet network becoming. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 23–28 (in Russ.).

Автор:

Данила Григорьевич Добродордний – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science. danila_dobr@mail.ru

и технические возможности интернета с начала 1990-х гг. росли рекордными темпами, что обуславливает постоянный интерес к этой технологии со стороны технических специалистов. Интерес ученых-гуманитариев обусловлен тем, что в интернете или с помощью него осуществляется социальная коммуникация, складываются общественные отношения экономического и политического характера, формируются социальные группы и субкультуры со специфическими языковыми формами, нормами поведения и основами идентичности. В результате интернет, как часть культурной, общественной и индивидуальной жизни, активно изучается социологами, экономистами, психологами, политологами, лингвистами, культурологами и другими специалистами.

Существует исследовательский интерес к феномену интернета и со стороны философии. Например, венгерский философ Л. Ропольи в работе «Философия интернета» [2] анализирует интернет в контексте глобальных трансформаций современного общества, проводя аналогию с процессами в средневековой Европе XV–XVI вв. Он рассматривает сущность интернета в духе аристотелевской метафизики, согласно которой любой предмет определяется четырьмя причинами: материей, формой, движением и целью. Интернет в таком случае должен быть осмыслен как технология, коммуникация, культура и организм. Итальянский философ Л. Флориди анализирует интернет в более широком контексте философии информационных технологий [3; 4]. Он называет современных людей информационными организмами, или инфоргами, которые окружают себя гаджетами, осознают и представляют себя через профиль в *Facebook*, *Instagram*, *LinkedIn*. Инфорги проводят много времени онлайн, поэтому Л. Флориди использует понятие *on-life* для характеристики жизни современного человека, который в интернете конструирует свою идентичность, получает опыт, знания, строит отношения, работает, проводит досуг [5].

На современном этапе глобальность и значимость интернета не вызывает сомнения, половина населения Земли имеет доступ к интернету, а ООН приняла резолюцию, приравнивающую права человека в интернете (право на доступ, право на свободу выражения) к традиционным правам на свободу слова и вероисповедания. Интернет становится технологией, меняющей жизнь людей на всех уровнях, трансформирующей облик человеческой цивилизации, что дает основание исследователям считать ее столь же эпохальной как колесо, печатный станок или электричество [6].

Однако существует определенная сложность в плане осмысления феномена интернета, обусловленная его глобальностью и одновременной

повседневностью, отсутствием дистанции для наблюдателя и непрерывной изменчивостью объекта исследования. Интернет глобален и вездесущ, он стал частью жизни каждого человека, составляющей экономики, политики, культуры. Практически невозможно обозреть его как нечто целостное, это не под силу ни одной из наук. Сложно это сделать и философии, поскольку интернет растворяется в многообразии повседневных практик его использования, при этом он постоянно развивается, предлагая новые возможности и порождая проблемы. Человечеству еще только предстоит осознать, насколько меняется жизнь вместе с развитием интернета.

В связи с этим в настоящей статье предлагается обратить внимание на проблему социокультурных условий становления интернета как компьютерной сети и технологии работы с информацией. Становление и развитие интернета представляются как различные стадии единого процесса, становление описывает появление (происхождение) феномена в культуре, а развитие – его последующие изменения под влиянием внешних и внутренних факторов [7, с. 11]. Интернет, прежде чем стал активно набирать популярность среди пользователей и бурно развиваться, прошел долгий путь становления. Примерный рубеж, разделяющий становление и развитие, – появление в 1991 г. первого веб-сайта. Интернет продолжает активно развиваться и сегодня, однако процесс его становления можно рассматривать как заверченный, при этом уже существует определенная временная дистанция для более объективной оценки происшедших событий.

Возникает вопрос: что может дать философское исследование становления интернета? Возвращение к истокам – традиционный для философии способ упорядочить картину мира, особенно в эпоху бурных трансформаций. Возвращение к началу подобно обращению к сути вещей, чему-то неизменному в непостоянном мире. Однако прежде всего анализ становления интернета – это понимание взаимосвязи данной технологии с социокультурным контекстом, поиск ответов на следующие вопросы. Почему интернет возникает именно в этот период и в таком виде? Какие характеристики общества и культуры нашли выражение в этой технологии? Почему интернет так быстро охватил весь мир? Наивно полагать, что технология может с такой скоростью распространиться сама по себе в силу своих особенностей. Философское осмысление истоков интернета может помочь в понимании того, чего следует ждать от его дальнейшего развития.

Начальный этап становления интернета описан достаточно детально. Этим занимались в том числе и имеющие непосредственное отношение к воз-

никновению и формированию всемирной сети люди [8]. Весь процесс становления интернета охватывает период с 1960-х гг. – появления агентства *ARPA* и первой компьютерной сети *ARPANET* – до 1990-х гг., когда интернет начинает стремительно набирать популярность среди обычных пользователей персональных компьютеров. Агентство *ARPA* (*advanced research projects agency*) – было основано в 1958 г. Министерством обороны США, которое было впечатлено успехами СССР в космонавтике, в частности запуском искусственного спутника Земли, и активно финансировало научные разработки. *ARPA* создавалось как финансирующая и управляющая научно-исследовательская организация: «Без *ARPA* не было бы *ARPANET*, а без *ARPANET* не появился бы *INTERNET*» [6, с. 36].

Основные задачи агентства, по словам его руководителя Дж. Ликлайдера, были связаны с необходимостью распределения вычислительных ресурсов между различными исследовательскими центрами и группами, работавшими на агентство, а также со стимулированием исследований в области интерактивного взаимодействия с компьютерной техникой. Замысел построения компьютерной сети был обусловлен и непосредственной угрозой ядерной атаки. При уничтожении одного из центров управления остальные должны были продолжить работу без потери производительности.

В 1969 г. первыми узлами связи компьютерной сети *ARPANET* стали три университета: в Калифорнии, Санта-Барбаре и Юте. В 1971 г. насчитывалось уже 15 таких узлов, большинство из которых были университетскими научно-исследовательскими центрами. С 1972 г. *ARPANET* начинает объединяться с другими компьютерными сетями, появляется идея сети сетей – базовая архитектура интернета. В 1978 г. был разработан стандартизированный межсетевой протокол передачи данных *TCP/IP* – основа современного интернета.

В 1980-х гг. происходит ряд важных событий для дальнейшего становления сети Интернет. В 1983 г. Министерство обороны США, опасаясь утечки секретных данных, создало отдельную сеть *MILNET*, с этого момента *ARPA-INTERNET* служит научно-исследовательским целям. Параллельно происходит коммерциализация технологии, частные компании, занимающиеся производством компьютерной техники, получили возможность использовать стандартизированный протокол передачи данных. В результате в 1980-х гг. стали расти частные компьютерные сети, которые в последующем объединились в интернет – глобальную сеть компьютерных сетей.

На становление интернета, безусловно, повлияли и другие открытия и достижения. Так, в конце 1970-х гг. появились программа *MODEM* для передачи данных, система *BBS* (*bulletin board system*),

технология хранения и передачи файлов между персональными компьютерами, операционная система *UNIX*, а затем *LINUX*, которые распространялись бесплатно и с открытым кодом, позволяя пользователям их преобразовывать и совершенствовать. Следует отметить и вклад Т. Бернерса-Ли, создавшего в 1990 г. программное обеспечение по работе с информацией подключенных к сети компьютеров, получившее название *World Wide Web* (*www*). Благодаря работе Т. Бернерса-Ли была принята клиент-серверная организация, предусматривающая разделение вычислительной нагрузки между включенными в состав сети компьютерами и центральным сервером, а также мультимедийная, гипертекстовая ориентация. В августе 1991 г. в интернете появился первый веб-сайт, на котором описывалось, что такое Всемирная паутина, как установить веб-сервер, получить браузер и т. д. Интернет стал называться Всемирной паутиной [9, с. 73]. В 1994 г. появляется первый коммерческий браузер *Netscape Navigator*, а в 1995 г. компания *Microsoft* создает *Internet Explorer*.

Таким образом, *ARPANET*, основанный на многоуровневой децентрализованной архитектуре и открытых коммуникационных протоколах, стал прообразом и основой формирования глобальной сети Интернет. *ARPANET* возникает в результате совпадения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской субкультуры инженеров-разработчиков [6]. Военные, чтобы противостоять ядерной атаке, нуждались в гибкой, децентрализованной системе, помимо этого им необходима была отдача от ученых в виде научно-технических инноваций, в связи с чем они стремились объединить усилия научно-исследовательских центров и университетов. Большая наука была заинтересована в увеличении вычислительных мощностей, наличии эффективной научной коммуникации (электронная почта), открытости баз данных для исследований. Нахождение в ситуации холодной войны способствовало тому, что на проекты Министерства обороны США выделялись значительные финансовые средства, без которых было невозможно создать материальную базу для компьютерных сетей. Первоначальные инвестиции на развитие сетей шли со стороны государства, это является важным фактом в истории Всемирной паутины. Интернет представлял собой «чересчур смелую технологию, чересчур дорогостоящий проект и чересчур рискованную инициативу» [6, с. 37], чтобы им могли заинтересоваться коммерческие организации, ориентированные на быструю прибыль. Дополнялось это новаторским духом ученых и инженеров, альтруистические усилия которых помогали сети быстро расти и развиваться даже после того, как она утратила финансовую поддержку со стороны государства.

Для понимания важности социокультурных условий становления интернета можно провести сравнение с историей развития подобной технологии в СССР – Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), инициатором и главным идеологом разработки и внедрения которой был В. М. Глушаков [10]. В условиях планово-административной системы огромной страны актуальной была задача по совершенствованию взаимодействия между управленческим центром и территориально удаленными регионами. В 1962–1964 гг. В. М. Глушаков совместно с академиком Н. П. Федоренко разработал проект компьютерной сети – Единую государственную сеть вычислительных центров (ЕГС ВЦ). Она позволила бы собирать, передавать и использовать экономическую, научно-техническую и другую информацию. Однако правительство не одобрило этот проект, а приняло решение сосредоточиться на разработке локальных автоматизированных систем управления (АСУ) [9, с. 66].

Через каналы дистанционной связи АСУ (от Совета Министров СССР и Государственного планового комитета Совета Министров СССР до регионов и предприятий на местах) объединялись в иерархическую сеть ОГАС. Сеть должна была обеспечивать непрерывную и оперативную доставку информации с низовых терминалов в высшие звенья, обобщение и обработку информации, а также передачу принятых решений на места. Однако начавшееся в 1960–70-х гг. массовое построение АСУ застыло в 1980-х гг. Негативную роль сыграли несколько факторов: некомпетентность чиновников разного уровня в научной и инженерной области, отсутствие подготовленных кадров, несовершенство существовавших на тот момент технических средств, непонимание и противодействие новым методам управления [9, с. 67]. Проект не смог реализоваться даже при наличии на начальной стадии мощной финансовой и командно-административной поддержки со стороны государства. Позднее, когда финансирование сократилось и кризисные процессы парализовали политическую систему, проект АСУ закрылся. Эта сеть осталась нежизнеспособной, поскольку не объединила энтузиастов-разработчиков с их общими творческими интересами, а служила исключительно административным целям управления. Когда АСУ утратила управленческое значение, она уже не могла заинтересовать предпринимательство своими коммерческими возможностями, поскольку рыночные отношения и бизнес на территории бывшего СССР находились на начальном этапе развития. Слишком большое влияние государства, бюрократизм, секретность большинства разработок, закрытость научно-исследовательских центров – все это в совокупности не позволило появиться интернету в СССР, даже

при наличии высококвалифицированных ученых и инженеров.

Таким образом, становление интернета происходит при следующих социокультурных условиях, которые представил М. Кастельс:

1) меритократия, заключающаяся в том, что создатели *ARPANET* – это авторитетные ученые и инженеры, а также их молодые и талантливые ученики и последователи из ведущих университетов и научно-исследовательских центров, которые определили базовые ценности для новой сетевой организации: важность инноваций и творчества в целом, уважение авторитета (академического и профессионального), совместное, коллективное решение задач, открытость коммуникации;

2) «хакерская» субкультура, в первоначальном смысле хакеры – это первые пользователи-разработчики компьютерных сетей, все технические достижения и знания они считали общим благом, т. е. доступным для всех. Программное обеспечение и другие новаторские разработки хакеры распространяли свободно и бесплатно, только в таком случае, по их мнению, возможно эффективное использование и развитие новой технологии;

3) община первых пользователей – разработчиков компьютерных сетей. Все ее члены были принципиально равны между собой, их объединяло общее дело, интерес, идеалы (ценность горизонтальной свободной коммуникации, глобальная свобода слова, самоуправление, возможность для каждого найти свое место при помощи новой технологии);

4) предприниматели, во многом благодаря которым интернет завоевал мир. Они считали возможным превратить новые интеллектуальные технологии в средство получения прибыли. Можно привести в пример Дж. Безоса (основателя компании *Amazon.com*) или Б. Гейтса (создателя *Microsoft*) – предпринимателей, которые стали богатыми людьми мира благодаря коммерциализации новых информационных технологий и, в частности, интернета [6].

Однако для превращения интернета в планетарное явление данных условий недостаточно. Популярность и скорость распространения интернета обусловлена также и следующими объективными факторами:

- становление глобальной экономики, рост сектора услуг, а затем информационного сектора, поскольку глобальная информационная сеть наилучшим образом подходит для новых ориентиров экономики – гибкости и глобальности производства и торговли, мобильности капитала, спекулятивности;

- стремление к построению общества, в котором будут господствовать ценности свободы личности и открытой коммуникации. Это было вызвано тем,

что к концу XX в. либеральные ценности демократического общества казались абсолютно несомненными и навсегда победившими в сознании большинства жителей Земли;

- научно-технический прогресс, революция в микроэлектронике сделала компьютерную технику массовой и доступной, а на современном этапе позволяет наделить каждую вещь в человеческом окружении функциями искусственного интеллекта и выходом в интернет.

Интернет оказался технологией, наиболее подходящей для той исторической эпохи человечества, в которой он появился, на это обращает внимание большинство исследователей. Так, В. М. Розин отмечает, что интернет почти идеально ответил на вызовы современности (модернити): в условиях формирования планетарной общности он удовлетворил потребность человека в общении, новых формах взаимодействия, создании новых видов деятельности и занятости [11, с. 5]. Кризис техногенной цивилизации влечет за собой распад социальных структур, но жизнь поддерживается за счет создания нового «социально-технического тела». Интернет, подобно греческой агоре, становится площадкой для свободного высказывания мыслей, мнений, обсуждения актуальных для общества проблем, совместного принятия решений по важным вопросам: «В Интернете мы можем продолжать действовать, общаться, бороться, предлагать решения, совершать поступки, несмотря на крах и паралич основных социальных норм и регулятивов (права, морали, нравственности, авторитета и прочего)» [7, с. 244–245].

По мнению М. Кастельса, «Интернет – это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи» [6, с. 5]. Интернет является технологической основой нового сетевого общества. Преимущество сетей – гибкость и адаптивность, они конкурируют и во многом превосходят вертикально организованные корпорации и централизованные бюрократические структуры, но всегда уступают им в координации функций при достижении определенной цели. Интернет упрощает координацию функций и комплексное управление при сетевой организации, в результате возникает беспрецедентное сочетание гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации. Однако главной характеристикой интернета для М. Кастельса является свобода. Интернет – это инструмент для осуществления личной свободы и свободы общественных групп, это универсальное социаль-

ное пространство свободной коммуникации, «не просто метафора, это технология и мощное орудие деятельности. Но также и метафора – метафора свободы и творчества как образа жизни» [6, с. 9].

Можно согласиться с некоторыми позитивными оценками социокультурного потенциала интернета как технологии нового общества, поскольку он представляет собой глобальный коммуникационный канал, обеспечивающий во всемирном масштабе передачу мультимедийных сообщений, и вместе с тем является доступным для всех хранилищем общечеловеческого культурного наследия (библиотеки, архивы, информационные агентства). Интернет обладает очевидными преимуществами – простотой доступа, демократичностью, децентрализацией, интерактивностью и индивидуализацией [9, с. 78], которые определились и сформировались на самых ранних этапах его становления и были обусловлены социокультурной средой, питавшей новую технологию.

Тем не менее надо признать, что на данный момент очевидным стало и отрицательное влияние интернета на жизнь людей. Простота доступа имеет негативные последствия, когда полученная информация может навредить человеку, это касается и несовершеннолетних, и лиц, планирующих преступления. Открытость информационного пространства оборачивается хищением персональных данных, коммерческих и государственных тайн, нарушением функционирования информационных систем, что делает проблему кибербезопасности одной из самых актуальных. Демократичность и децентрализация максимально релятивизируют информационное пространство, размывают систему ценностей и авторитетов, открывая новые возможности для манипулирования общественным мнением и сокрытия правды. Интерактивность и индивидуализация приводят к изоляции личности в виртуальной реальности, формированию зависимости и прочим трудностям в жизни офлайн. Свобода оборачивается худшими проявлениями экстремизма, ненависти и жестокости. Однако все эти негативные проявления использования интернета имеют такие же социокультурные корни, как и сама эта технология. Развитие интернета, его функций и возможностей определяется тем, как человечество его использует. Следовательно, и перспективы интернета будут определяться общими тенденциями развития цивилизации. Интернет может стать орудием тотального контроля или основой открытого общества, причиной более глубокого социального неравенства или сферой безграничных возможностей для каждого. Осознанное отношение человечества к этой технологии и понимание ее неразрывной связи с бытием человека, общества и культуры станет определяющим фактором глобальной цивилизационной динамики.

Библиографические ссылки

1. Рыков Ю. Г., Нагорный О. С. Область интернет-исследований в социальных науках // Социол. обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 366–394.
2. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet [Electronic resource] / transl. by Z. Wagner. URL: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (date of access: 06.12.2017).
3. Floridi L. What is the Philosophy of Information? // *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33, issue 1–2. P. 123–145.
4. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35, issue 4. P. 554–582.
5. Доброродный Д. Г. Проект философии информации Лучано Флориди // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 18–22.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004.
7. Розин В. М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола : ПГТУ, 2016.
8. Leiner B. M., Gert V. G., Clark D. D. Brief History of the Internet [Electronic resource] // Internet Society. URL: <https://www.internetsociety.org/internet/history-internet/brief-history-internet> (date of access: 06.12.2017).
9. Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб. : Алетейя, 2011.
10. Глушаков В. М. Технологические проблемы социально-экономического управления // Макаров М. А., Пекелис В. Д. Кибернетика. Становление информатики. М., 1986. С. 173–187.
11. Розин В. М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / отв. ред. В. М. Розин. М., 2004. С. 3–23.

References

1. Rykov Y. G., Nagorniy O. S. Internet-studies in Social Sciences. *Russ. Sociol. rev.* 2017. Vol. 16, No. 3. P. 366–394 (in Russ.).
2. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet. URL: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (date of access: 06.12.2017).
3. Floridi L. What is the Philosophy of Information? *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33, issue 1–2. P. 123–145.
4. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information. *Metaphilosophy*. 2004. Vol. 35, issue 4. P. 554–582.
5. Dabrarodni D. G. Luciano Floridi's project of the philosophy of information. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2017. No. 3. P. 18–22 (in Russ.).
6. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Ekaterinburg : U-Faktoria : Publ. house Hum. univ., 2004 (in Russ.).
7. Rozin V. M. Technology and technology: from stone tools to the Internet and robots. Yoshkar-Ola : Pryazovskyi State technical univ., 2016 (in Russ.).
8. Leiner B. M., Gert V. G., Clark D. D. Brief History of the Internet. *Internet Society*. URL: <https://www.internetsociety.org/internet/history-internet/brief-history-internet> (date of access: 06.12.2017).
9. Sokolov A. V. Informatsionnoe obshchestvo v virtual'noi i sotsial'noi real'nosti [Information society in virtual and social reality]. Saint Petersburg : Aleteiya, 2011 (in Russ.).
10. Glushakov V. M. [Technological problems of socio-economic management]. In: *Kibernetika. Stanovlenie informatiki* [Cybernetics. Formation of informatics]. Moscow, 1986. P. 173–187 (in Russ.).
11. Rozin V. M. [Internet – new information technology, semiosis, virtual environment]. In: *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya* [The influence of the Internet on the consciousness and structure of knowledge]. Moscow, 2004. P. 3–23 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.02.2018.
Received by editorial board 10.02.2018.

УДК 008

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Е. В. РАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится философско-теоретический анализ феномена глобализации, рассматриваются основные концептуальные подходы к его исследованию в социогуманитарном знании. Прослеживается эволюция понимания процесса глобализации, который в последнее десятилетие XXI в. начинает интерпретироваться в терминах риска и нестабильности мирового социального пространства, что позволяет перейти от оптимистических взглядов на данный феномен к этапу рефлексивной критики, в рамках которого выстраивается новая модель понимания мира, существенно отличающаяся от первых теоретических моделей глобализации.

Ключевые слова: глобализация; теоретические модели глобализации; мировое социальное пространство.

TRANSFORMATION OF THE DISCOURSE OF GLOBALIZATION IN MODERN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

E. V. RADEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the philosophical and theoretical analysis of the phenomenon of globalization and examines the main conceptual approaches to the study of this phenomenon in socio-humanitarian knowledge. The evolution of the understanding of the globalization process, which in the last decades of the XXI century begins to be interpreted in terms of the risk and instability of the world social space, is traced. This allows us to move from optimistic views on this phenomenon to the stage of reflexive criticism, within which a new model of understanding of the world that is essentially different from the first theoretical models of globalization is built.

Kew words: globalization; theoretical models of globalization; the world social space.

Феномен глобализации в настоящее время изучается в самых разных научных и философских дискурсах. Различные ракурсы этого явления исследуют экономика, политология, культурология. Важное место в исследовании глобализации занимает и философия.

Основная цель настоящей работы заключается в концептуальном анализе теоретических подходов к проблеме глобализации, а также в рассмотрении данного феномена в динамике, что позволяет

проследить эволюцию взглядов на процесс глобализации в современном социогуманитарном знании.

Глобализация представляет собой процесс всеобщей интеграции и единения политических, экономических, идеологических и культурных систем, а также единство национальных сообществ, мировых финансовой и институциональной сфер. Все это стало ключевой характеристикой мировой цивилизации в конце XX в. – начале XXI в.

Образец цитирования:

Радевич Е. В. Трансформация дискурса глобализации в современном социально-гуманитарном знании // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 29–34.

For citation:

Radevich E. V. Transformation of the discourse of globalization in modern social and humanitarian knowledge. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 29–34 (in Russ.).

Автор:

Екатерина Владимировна Радевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии социальных наук.

Author:

Ekaterina V. Radevich, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
katrin_frol@mail.ru

Сегодня глобализация становится одной из самых мощных тенденций, формирующих современный мир, однако достаточно сложно дать ей точное определение. Глобализация представляет собой комплексное явление, которое включает в себя как политико-экономические, так и социокультурные процессы, оказывающие взаимное влияние друг на друга. Другими словами, это многогранное понятие, его нельзя рассматривать как простую коннотацию современных процессов, происходящих в мире. Э. Гидденс определял глобализацию как «интенсификацию мировых социальных отношений, которые связывают отдаленные местности таким образом, что локальные события формируются под воздействием событий, происходящих во многих милях от них, и наоборот»¹ [1, р. 64].

В предисловии к сборнику «Глобальная модернизация» (*Global Modernities*) М. Фезерстоун и С. Лэш репрезентируют глобализацию как продолжение дискурса модернизации: «дискурс глобализации возник как преемник дебатов о современности (в оригинале *modernity*. – *E. P.*) и постсовременности (в оригинале *postmodernity*. – *E. P.*) в понимании социокультурных изменений» [2, р. 1].

Глобализация влечет за собой изменения в пространственном охвате капитала, распространении информации, ведении финансовой деятельности, создании и использовании передовых технологий. Сегодня все перечисленные виды человеческой активности начинают выходить за пределы границ политических систем. Возможно, транснациональные корпорации заменят собой главных действующих лиц глобальной системы – национальные общества и государства. Производство реорганизуется во времени и пространстве, различные его отрасли пронизывают политические границы, финансовый капитал распространяется по всему земному шару, гомогенизированные потребительские товары диффундируют отдаленные рынки, люди открывают новые области экономических возможностей, а локальные и глобальные объединения оказываются неразрывно переплетены в системе универсального порядка.

Процесс глобализации весьма неоднозначен и вызывает множество дискуссий, в связи с чем он требует системного и концептуального анализа. Это вызывает определенную полемику вокруг данного феномена и зачастую затрудняет его четкую трактовку и определение. Тем не менее, если попытаться систематизировать все теоретические представления о глобализации, которые сложились к концу второго десятилетия XXI в., можно выделить одну из возможных классификаций в определении этого феномена и эксплицировать следующие общие подходы: *экономический, поли-*

тико-идеологический, информационный, экологический и социокультурный.

Экономический подход к определению глобализации, в рамках которого исследователи акцентируют внимание в первую очередь на экономическом факторе глобализации, рассматривает этот феномен главным образом как процесс формирования глобального рынка товаров и услуг. Решающая роль отводится транснациональным корпорациям, которые способны оказывать влияние на принятие политических решений, создание современных культурных трендов, а также воздействовать на формирование идеологии, навязывающей мировому сообществу новую систему ценностей. К исследователям, которые поддерживают эту точку зрения, относятся Э. Валлерстайн, Дж. Сорос, В. Л. Иноземцев, К. Омаэ, Дж. Нэсбитт, Т. Фридман, П. Друкер.

Финансовые рынки на сегодняшний день приобретают глобальные масштабы и охватывают весь мир, электронная торговля ведется круглосуточно, независимо от географического положения актора финансовой деятельности. Механизм глобальной торговли работает в двадцатичетырехчасовом режиме и представляет собой практически идентичные торговые центры на всех континентах. Потребителям предлагаются товары из всех регионов мира, а также продукты, у которых различные компоненты производятся в разных странах. Глобализация, по заключению Т. Фридмана, представляет собой «неукротимую интеграцию рынков, наций-государств и технологий, позволяющую индивидам, корпорациям и нациям-государствам достигать любой точки мира быстрее и дешевле, чем когда бы то ни было прежде, глобализация означает распространение капитализма свободного рынка практически на все страны мира» [3, р. 9]. Из этого можно сделать вывод о слиянии национальных экономик в единую мировую экономическую систему. Примерами, которые свидетельствуют о постепенном становлении экономического единства стран-лидеров, могут служить такие глобальные и региональные ассоциации, как Европейский экономический и валютный союз, созданный в мае 1998 г., Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС).

Информационный подход, в рамках которого акцент делается на важнейших атрибутах глобализации, без которых невозможно было бы создание глобального пространства, как экономического и политического, так и культурного, это, например, глобальное телевидение, интернет, современные информационно-компьютерные технологии. Такой точки зрения придерживается М. Кагельс, Э. Тоффлер, М. Г. Делягин, Д. В. Иванов.

¹Здесь и далее перевод наш. – *E. P.*

В частности, М. Г. Делягин рассматривает «глобализацию как процесс формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. <...> Во всех государствах начинает выделяться информационная элита, участвующая в формировании сознания. Это обособленное “информационное сообщество” обладает особой системой ценностей, специфическим мировоззрением, стилем поведения» [4, с. 185].

Политико-идеологический подход нашел свое отражение в работах З. Бжезинского, А. С. Панарина, Ф. Фукуямы, Д. Розенау. Согласно данному подходу глобализационные изменения связаны в первую очередь с формированием новой идеологии, пришедшей на смену неолиберализму, а также с появлением ряда институциональных изменений в современном обществе. В частности, происходит демократизация основ социальной жизни, децентрализация базовых социальных и политических институтов и появление новых гражданских институтов, которые функционируют вне границ конкретных национальных государств. Это, например, такие организации, как «Врачи без границ», Гринпис, Лига Наций, Совет Европы, Организация Объединенных Наций и др. Эти неправительственные организации, а также различные транснациональные корпорации (ТНК), зачастую оказывают большее влияние на мировые политические процессы, чем правительства отдельных национальных государств. Такую ситуацию транснационального взаимодействия на институциональном событийном и проблемном уровнях, которые затрагивают все мировое сообщество, Дж. Розенау охарактеризовал при помощи понятия «полицентрическая мировая политика» [5].

В рамках **экологического подхода** акцент смещается в сторону глобальных проблем, которые невозможно решить автономно или локально. На экологический аспект глобализации обращает внимание У. Бек, называя современное общество «обществом риска» [6]. Постоянное наращивание производства, увеличение рынка сбыта и погоня за прибылью заставляют транснациональные корпорации постоянно расширяться и переносить производство в более бедные регионы мира. Это неизбежно ведет к ухудшению экологической ситуации и влечет за собой такие глобальные проблемы, как парниковый эффект, появление озоновых дыр, изменение биологического разнообразия из-за вырубки лесов и т. д.

Экологические проблемы порождают необходимость создания стратегии устойчивого развития, базирующейся на принципах коэволюции. Человечество сталкивается с необходимостью объединить усилия для решения экологических проблем, касающихся каждого жителя планеты. В последние

годы глобальные экологические проблемы привлекли огромное внимание ученых, политиков, деятелей искусства и СМИ. Очевидно, что экологические последствия глобализации являются весьма значимыми и потенциально опасными для всего мира в целом. Некоторые основные экологические проблемы, с которыми мир сталкивается сегодня, безусловно, были знакомы даже древним цивилизациям. Однако до наступления промышленной революции ухудшение состояния окружающей среды было относительно локализовано и происходило достаточно медленно, в течение многих веков.

В **социокультурном подходе** глобализация связывается с распространением универсального образа жизни, который является результатом работы специалистов в области пиара (паблик рилейшнз), маркетологов, а также деятелей современной индустрии развлечений. Данные специалисты создают продукт, под влиянием которого изменяется характер культуры. Глобализационные изменения в социокультурной сфере в первую очередь проявляются в распространении ценностей и идеалов западного мира, в связи с чем очень часто трактуются как вестернизация. Характерными чертами глобализации в сфере культуры является уменьшение значимости национальных особенностей, усиление взаимосвязи макро- и микроуровней в социокультурном пространстве, активное продуцирование так называемых культурных гибридов, которые совмещают в себе различные, порой несопоставимые жанры. Происходит также и унификация системы ценностей, стандартов поведения и жизненных стратегий. В результате повышается интерес к таким примордиальным феноменам, как пол, сексуальность, тело и телесность, которые долгое время оставались табуированными в культурах традиционного типа. В рамках научного дискурса трансформируются такие фундаментальные понятия, как «истина» и «рациональность», они замещаются новыми концепциями, основанными на принципах плюрализма и релятивизма. Данная точка зрения выражена в работах А. И. Зеленкова, Р. Робертсона, С. Хантингтона, У. Бека, М. Кэлдора, Э. Гидденса, М. Элброу, М. Уотреса и др.

Следует отметить, что культурная глобализация означает не просто распространение рок-н-ролла, кока-колы и футбола по всему миру. Речь идет в первую очередь об изменениях не столько на материальном уровне (в виде потребления одних и тех же товаров и материальных ценностей), сколько на уровне индивидуального сознания людей. Усиление процессов культурного взаимодействия, которому способствует интернет и различные новейшие технологии, приводит к распространению универсальных образов, идей и символов, влияющих на повседневную жизнь людей. Решающую роль в этом процессе играют транснациональные

медиакорпорации, способствующие распространению массовой культуры, разговоры о низком качестве которой сегодня уже стали общим местом во всех сферах жизни людей.

Тем не менее совершенно очевидно, что, несмотря на выделение различных аспектов в процессе глобализации (например, экономического, политического, идеологического, культурного и экологического), ошибка многих исследователей заключается в сведении этого сложного феномена к какому-либо одному фактору. Будучи комплексным явлением, глобализация требует соответствующего исследования.

Особенности современной эпохи становятся объектом исследования многих ученых. На этапе формирования дискурса глобализации выделилось несколько принципиально различных точек зрения на современную историческую и культурную ситуацию. Одна из них была выражена Ф. Фукуямой, который считал, что после распада Советского Союза и наступления посткоммунистической эпохи вся мировая история начала движение к своему завершению, а в обозримом будущем четко наметился конец истории. Происходит нивелирование национального государства и становление единого, гомогенного состояния мировой культуры, при котором будут сняты все антагонистические противоречия. Главной причиной возникновения противоречий всегда были межнациональные и межэтнические конфликты, которые при переходе на стадию постистории должны постепенно исчезнуть. После устранения такого крупного актора, как СССР, на мировой политической арене не осталось соперников, способных противостоять США.

Взгляды западных исследователей, поддерживающих точку зрения Ф. Фукуямы, были обусловлены своеобразной эйфорией, вызванной прекращением холодной войны и распадом СССР. Однако позже Ф. Фукуяма изменил мнение относительно будущего исторического единообразия и роли национального государства. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке заставили многих исследователей переосмыслить дальнейшую историческую судьбу мирового сообщества. Данная трагедия показала, что сильное государство – это единственный гарант свободы и безопасности. В более поздних работах ученый пишет: «...слабость государства приводит к огромным стратегическим проблемам. Терроризм радикальных исламистов в сочетании с возможностями оружия массового поражения добавил к бремени проблем, созданных слабостью управления, в качестве основного аспекта безопасности» [7, с. 8].

Иной точки зрения придерживался американский социолог С. Хантингтон. По его мнению, современный этап социодинамики характеризуется наличием в первую очередь цивилизационных

и культурных противоречий, столкновение которых приведет к непредсказуемым последствиям. Процесс политической гомогенизации мира вызовет цивилизационные конфликты, «нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики» [8, с. 33]. В рамках концепции С. Хантингтона утверждается, что мир разделен на «золотое» меньшинство и остальное большинство. Современный процесс социодинамики в условиях глобализации демонстрирует тенденцию к становлению однополярного мира. Возглавлять такой миропорядок будут западные страны во главе с США. Вся остальная часть мира – славяно-православная, конфуцианская (китайская), японская, исламская, индуистская, латиноамериканская и африканская цивилизации – окажется отделенной от Запада. Обосновывая переустройство мирового порядка и модель будущего мирового устройства в работе «Столкновение цивилизаций», С. Хантингтон приходит к выводу о том, что наиболее существенными противоречиями в будущем будут именно культурные отличия, а не противоборство в сфере политики или экономики. Глобальная мировая политика должна учитывать цивилизационные противоречия и выстраиваться с учетом существования поликультурного мира. Такого рода этнические и национальные отличия обуславливают и причины всех будущих конфликтов, которые будут проходить по линиям разлома между цивилизациями, прежде всего «отделяющим народы, которые представляют западно-христианскую традицию, от мусульман и православных» [9, с. 534]. То есть С. Хантингтон, в отличие от Ф. Фукуямы, выражающего мнение о формировании достаточно гомогенного и бесконфликтного общества, прогнозировал начало нового исторического этапа, в котором мир будет находиться в состоянии постоянного противоборства по религиозно-цивилизационному признаку.

Рассмотрев основные сущностные характеристики глобализации, представленные различными вариантами ее концептуального осмысления, можно выделить несколько особенностей, которые систематизировал А. И. Зеленков в статье «Полилог культурных традиций и ценности глобализма»:

- пространственно-географическая акцентация социокультурных изменений, раскрытие механизмов взаимопроникновения и диалога различных культурных традиций;

- взаимосвязь макро- и микроуровней в происходящих культурных изменениях;

- активное продуцирование «социокультурных гибридов»;

– подчеркнутый интерес к проблемам пола, телесности, гендерных отношений;

– формирование новой концепции рациональности, в которой в качестве доминирующих утверждаются принципы социокультурного плюрализма, релятивизма и комплиментарности [10, с. 4–5].

Анализируя теоретические представления о феномене глобализации, следует отметить, что его рассмотрение в рамках концептуальной матрицы, предполагающей выделение экономического, политического, социокультурного и информационно-технологического подходов, не является единственно возможным. В частности, Д. Хелд, осмысляя концептуальное выражение данного феномена, выделяет три основные школы: «гиперглобалисты, скептики и трансформисты» [11, с. 2]. К гиперглобалистам исследователь относит К. Омае, С. Стрейнджа, М. Элброу, к скептикам – П. Хёрста и Дж. Томпсона, а к трансформистам – Дж. Розенау и Э. Гидденса. В понимании гиперглобалистов глобализация является прежде всего процессом создания мировой экономической системы с постепенной девальвацией национального государства. Управление, по их мнению, переходит в руки транснациональных корпораций, а национальные правительства выполняют роль посредников между различными институтами как глобального, так и регионального характера. Скептики, так же как и гиперглобалисты, делают акцент на экономическом факторе, но сам процесс глобализации они считают мифом, указывая на то, что мировая экономика все больше регионализируется, сосредотачиваясь в трех основных торговых и финансовых центрах: Европа, США и Азиатско-Тихоокеанский блок. Скептики приходят к выводу о том, «что по своему географическому охвату нынешняя международная экономика значительно менее глобальна, чем во времена мировых империй» [11, с. 6]. Их взгляды основываются на глубоко укорененной идее о мировом неравенстве между Севером и Югом, которое остается неустранимым даже при усилении интернационализации. Кроме того, это неравенство в мировой экономике, по мнению скептиков, «способствует развитию фундаментализма и агрессивного национализма, что, в свою очередь, в большей степени, чем предрекаемое гиперглобалистами возникновение глобальной цивилизации, разделяет мир на цивилизационные блоки и культурные и этнические анклавы» [11, с. 7]. Глобализация, согласно скептикам, не ведет к созданию мировой гомогенной культуры, поскольку мировое управление по-прежнему находится в руках западных государств, а конфликт между цивилизациями наглядно демонстрирует эту укоренившуюся мифологию.

Трансформисты отстаивают иную позицию, они утверждают, что с наступлением нового тыся-

челетия происходят существенные политические, экономические и социальные изменения. Д. Хелд к этой школе относит Э. Гидденса, М. Капельса, Дж. Розенау и др. Основная идея трансформистов состоит в том, что глобализация является весьма противоречивым и непредсказуемым процессом, она формируется подчас ситуативными факторами, которые невозможно спрогнозировать. Тем не менее трансформисты сходятся во мнении о том, что современная социокультурная ситуация исторически беспрецедентна. Ставшее классическим деление мирового сообщества на Север и Юг, центр и периферию уже устарело. Сегодня наблюдается смещение границ, формируется новая глобальная стратификация, в рамках которой страны первого и третьего мира взаимодействуют, создавая новые иерархии, при которых одни страны становятся более глобальными, а другие – вытесняются на второй план. Трансформисты приходят к выводу о том, что «таким образом глобализация ассоциируется с трансформацией, или, если воспользоваться термином Дж. Рагги, с “разрывом” связи между суверенитетом, территориальностью и государственной властью» [11, с. 10].

Анализ основных теоретических моделей глобализации проводят и русскоязычные авторы. Так, например, М. Н. Руденко, Д. В. Иванов и В. Д. Иванов выделяют три основных подхода: «модель глобальной системы (Э. Гидденс, Л. Склэр), модель глобальной социальности (Р. Робертсон, У. Бек, Г. Терборн) и детерриторизации социального (А. Аппадурраи, М. Уотерс), делая акцент на культуре, в противоположность традиционному для теорий мировой системы акценту на экономике и политике» [12]. Модель глобальной социальности возникла на стыке двух противоборствующих дискурсов: теории мир-системы и теории глобальной системы. Данная модель предполагала, что экономические и политические изменения являются не единственным аспектом глобализации. Необходимо возникновение глобального сознания людей, которое позволит превратить мир в «единое социокультурное место» [13, с. 53]. Модель детерриторизации социального делает акцент на культурных трансформациях, поскольку они носят символический характер и не привязаны к конкретной территории. Изменения в культуре способствуют изменениям в остальных сферах общественной жизни (экономике и политике), поэтому они являются наиболее глобализованными.

Проанализировав различные концептуальные подходы, осмысляющие процесс глобализации, следует отметить, что в начале XXI в. оценки данного феномена начинают меняться, переходя от восторженных отзывов к этапу рефлексии и критического осмысления современного бытия. На это

обращают внимание многие, в том числе и отечественные исследователи. В статье «Блеск и нищета глобализации» А. И. Зеленков отмечает: «Метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистическую картину нашей эпохи» [14, с. 11]. Экономические, политические и социокультурные изменения в большинстве стран мира наглядно демонстрируют наличие единого вектора развития современной цивилизации. Вместе с тем в процессе так называемой гомогенизации мирового пространства происходит нарастание кризиса и нестабильности во всех сферах общественного бытия. Прежде всего это проявляется в экологических и демографических проблемах, в экономическом кризисе, эскалации военного конфликта в арабo-мусульманском регионе и восточной части Украины. В наибольшей мере данные трансформа-

ции затронули сферу культуры – один из противоречивых и сложных аспектов современной социодинамики.

Подводя итог рассмотренным подходам и концепциям, можно выделить основные этапы изучения данного феномена. Во-первых, это этап генезиса основных, ставших уже классическими, концепций глобализации; во-вторых – своеобразный оптимистический период, оценивающий глобализацию как процесс объединения мирового социокультурного пространства, способствующего установлению междивизиационных связей; в-третьих – этап рефлексивной критики, в ходе которого артикулируются негативные последствия этого процесса; и, наконец, в-четвертых – этап трансформации образа глобализации, который происходит в последние годы и проявляется в идеях глокализации, макдональдизации, трайбализма и усилении консюмеризма.

Библиографические ссылки

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990.
2. Featherstone M., Lash S. Globalization, Modernity and the Spatialization of Social Theory: An Introduction // *Global Modernities* / eds: M. Featherstone [et al.]. London, 1995. P. 1–24.
3. Friedman T. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. New York : Anchor Book, 2000.
4. Делягин М. Г. Глобализация // Глобалистика Global studies : энциклопедия / гл. ред. и сост. И. И. Мазур [и др.]. М., 2003. С. 185–186.
5. Rosenau J. Turbulence in World Politics. Brighton : Princeton Univ. Press, 1990.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. В. Седелника [и др.]. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / пер. О. Э. Колесникова [и др.]. М. ; Владимир : АСТ МОСКВА ; ВКТ, 2010.
8. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
9. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 528–556
10. Зеленков А. И. Полилог культурных традиций и ценности глобализма // Социология. 2003. № 1. С. 3–11.
11. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгро Э. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. В. Сапова. М. : Праксис, 2004.
12. Иванов Д. В. Эволюция концепций глобализации // Телескоп. 2002. № 4. С. 13–28.
13. Иванов В. Д. Теоретические модели глобализации // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2007. Сер. 6, вып. 4. С. 52–59.
14. Зеленков А. И. Блеск и нищета глобализации // Философия и социал. науки. Минск, 2013. № 3/4. С. 4–12.

References

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990.
2. Featherstone M., Lash S. Globalization, Modernity and the Spatialization of Social Theory: An Introduction. In: *Global Modernities*. London : Sage, 1995. P. 1–24.
3. Friedman T. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. New York : Anchor Book, 2000.
4. Delyagin M. G. [Globalization]. In: *Globalistika Global studies* [Globalistika Global studies] : encyclopedia. Moscow, 2003. P. 185–186 (in Russ.).
5. Rosenau J. Turbulence in World Politics. Brighton : Princeton Univ. Press, 1990.
6. Beck U. Riskogesell schaft. Frankfurt am Main : Sudkamp, 1986. Russ. ed.: Beck U. Obshestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow : Progress-Traditsia, 2000 (in Russ.).
7. Fukuyama F. State-building: Governance and World Order in the Twenty-First Century. Russ. ed.: Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: upravlenie i mirovoj porjadok v XXI veke. Moscow ; Vladimir : AST MOSKVA ; VKT, 2010 (in Russ.).
8. Huntington S. P. [Clash of civilization?]. *Polis*. 1994. No. 1. P. 33–48 (in Russ.).
9. Huntington S. P. [Clash of civilization and the remaking of world order]. In: *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New postindustrial wave on the West: anthology]. Moscow, 1999. P. 528–556 (in Russ.).
10. Zelenkov A. I. [Polylogue of cultural traditions and values of globalism]. *Sociology*. 2003. No. 1. P. 3–11 (in Russ.).
11. Hel'd D., Goldblatt D., McGraw E. Global'nye transformacii: politika, jekonomika, kul'tura [Global Transformations: Politics, Economics, and Culture]. Moscow : Praksis, 2004 (in Russ.).
12. Ivanov D. V. [The evolution of the concepts of globalization]. *Teleskop*. 2002. No. 4. P. 13–28 (in Russ.).
13. Ivanov V. D. [Theoretical models of globalization]. *Vestnik St.-Peterb. Univ.* [Bull Saint Petersburg ceniv.]. 2007. Vol. 6, issue 4. P. 52–59 (in Russ.).
14. Zelenkov A. I. [Shine and poverty of globalization]. *J. Philosophy and social sci.* 2013. No. 3/4. P. 4–12 (in Russ.).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 130.31

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ МИРА В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

А. КВАТАНИЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается хайдеггеровское понимание феномена пространственности мира. Особое внимание уделяется экспликации понятия мирности, как одного из важнейших для понимания мышления немецкого философа. Анализируется характер критики М. Хайдеггером понятия пространства в естественных науках. Прослеживается наличие глубокой взаимосвязи между хайдеггеровской интерпретацией пространственности и структурой *Dasein*. Озвучивается мысль об исключительной роли феномена пространственности для всей философии М. Хайдеггера, особенно в его философском творчестве после «поворота».

Ключевые слова: пространственность; мир; мирность; *Dasein*; экзистенция; подручность.

THE PROBLEM OF SPATIALITY OF WORLD IN M. HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

A. KVATANIA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses Heidegger's understanding of the phenomenon of spatiality of the world. Special attention is paid to the explication of the complex concept of worldhood as one of the most important for the understanding of the German thinker's philosophy. In this paper the character of Heidegger's criticism of the concept of space in the natural sciences

Образец цитирования:

Кватания А. Проблема пространственности мира в философии М. Хайдеггера // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 35–39.

For citation:

Kvatania A. The problem of spatiality of world in M. Heidegger's philosophy. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 35–39 (in Russ.).

Автор:

Алекси Кватания – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. М. Наливайко.

Author:

Aleksii Kvatania, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.
aleksi.kvatania@gmail.com

has been analyzed. We argue the evidence of the presence of the deep relationship between Heidegger's interpretation of spatiality and the structure of *Dasein* and held the idea of the exceptional role of the spatiality for the whole philosophy of Heidegger, especially in his philosophical works after the «turn».

Key words: spatiality; world; worldhood; *Dasein*; existential; ready-to-hand.

Чем проще становятся вещи, тем сложнее они для высказывания
Мартин Хайдеггер

Громадное философское наследие Мартина Хайдеггера до сих пор вызывает неподдельный интерес многочисленного сообщества исследователей из совершенно разных сфер человеческого познания (см. [1, с. 328]). Несмотря на то что работам М. Хайдеггера посвящаются статьи и монографии, эссе и многочисленные диссертации, его мысль часто остается непонятой и неверно истолкованной. Это, скорее всего, связано со своеобразием терминологии, используемой немецким философом в работах. Во всяком случае, бесспорным остается тот факт, что очень большое количество современных работ по философии так или иначе ссылаются на идеи М. Хайдеггера. Не в последнюю очередь это вызвано тем, что философ одним из первых отметил: «Человеческий глаз научился видеть таинственность мира» [2, с. 125]. Трудно представить философию XX в. без трактатов М. Хайдеггера, не оставляющих равнодушными ни почитателей, ни критиков.

Стиль философствования М. Хайдеггера многие его интерпретаторы часто называют оригинальным и даже радикальным, однако, в то же время отмечается, что своеобразный способ постановки вопросов в качестве основания имеет хорошее усвоение всей западной философии, многие представители которой оказали на М. Хайдеггера сильное влияние. Среди них можно выделить Парменида, Гераклита, Платона, Аристотеля, Августина Блаженного, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, В. Дильтея, Ф. Брентано, Э. Гуссерля. Для формирования мышления М. Хайдеггера большое значение также имели древнегреческие поэты и немецкий писатель Ф. Гёльдерлин. Важно иметь в виду, что произведения М. Хайдеггера были созданы «для истолкования и через истолкование», как отмечает П. Бурдьё [3, с. 161].

Известен М. Хайдеггер не только тем, что всю свою жизнь посвятил попытке возобновить вопрошание о бытии [4, с. 307], но и тем, что предложил новое понимание феномена пространственности. Поскольку в фундаментальном трактате немецкого философа феномен времени наряду с бытием занимает ключевую позицию, заявление о том, что проблема пространства важна для понимания характера мысли, является не только неожиданным, но и в некоторой степени странным. Акцентирование внимания на феномене пространства со стороны М. Хайдеггера странно еще и потому,

что философ известен как радикальный реформатор философской постановки вопросов и деконструктор метафизики [5, с. 33], а категории времени и пространства являлись предметом постоянных размышлений классической метафизики. Тем не менее при дальнейшем рассмотрении вопроса видно, что не в последнюю очередь радикализм М. Хайдеггера отчетливо проявился через выступающую как одна из главных для понимания структуры *Dasein* интерпретацию пространственности мира.

Многие исследователи творчества М. Хайдеггера сходятся во мнении о том, что на протяжении всей творческой биографии основной темой его философского интереса остается бытие. Некоторые же заявляют о том, что мышление бытия является единственной целью всех интеллектуальных поисков и размышлений философа. Возможно, такая точка зрения истинна, но верно в то же время и то, что практически во всех работах М. Хайдеггера прямо или косвенно говорится и о пространстве. Именно поэтому необходимо иметь в виду ту рефлексию, которую М. Хайдеггер посвятил проблеме пространства, в целях понимания ключевых интенций его философии.

Извлекая из забвения вопрос о бытии, М. Хайдеггер тем самым взял на себя миссию спасения как бытия, так и *Dasein*. В этой миссии ключевую роль играет феномен пространственности, поскольку суть спасения бытия заключается в том, чтобы к нему не угасал интерес и была жива память о нем, а это, в свою очередь, неизбежно предполагает возможность изначальной открытости со стороны *Dasein*. Открытость же понимается М. Хайдеггером не иначе как нечто, имеющее пространственное измерение и связанное с миром. В связи с этим очевидной становится необходимость анализа концепции пространственности мира в философии М. Хайдеггера. Этот анализ дает возможность более глубоко понять основные мотивы философствования мыслителя.

Как уже было отмечено ранее, для М. Хайдеггера пространственность возможна лишь благодаря тому, что имеется *Dasein*. Последний трактуется философом как «сущее, которое, понимая в своем бытии, относится к этому бытию» [6, с. 70]. Одним из способов существования *Dasein* является бытие-в-мире. Мир же, в свою очередь, согласно М. Хайдеггеру, представляет собой сложный феномен.

В связи с этим представляется необходимым осуществить анализ данного феномена. Это позволит увидеть, каким образом из феномена мирности мира вырастает концепция пространственности. Также становится явным, что эти два феномена в понимании М. Хайдеггера изначально предполагают друг друга.

В процессе разработки возможного направления исследования феномена мира М. Хайдеггер считал необходимым провести тщательный анализ основополагающих структур *Dasein*. Он задавался вопросами об онтологической структуре мира и об идее мирности вообще. Немецкий мыслитель, что очень важно, различал экзистенциал и категорию традиционной онтологии. Бытие-в-мире есть экзистенциал, присущий экзистирующему *Dasein*. Экзистировать не значит быть чем-то наличным, поэтому для экзистенциального анализа присутствия не пригодны категории, известные традиционной онтологии. Именно поэтому М. Хайдеггер предостерегает читателя от возможно ложного понимания модуса присутствия бытия-в-мире наподобие наличия воды в стакане. Бытие-в-мире есть цельный феномен и подразумевает пребывание «в мире так и так вот освоенном» [6, с. 72]. Мир не просто вместилище для физического тела, но и место, где *Dasein* обитает и пребывает, экзистирует. Глаголы «обитать» и «пребывать» не подразумевают занятия каким-то трехмерным телом определенного места в трехмерном, известном физике пространстве. Для М. Хайдеггера мир и человек неразрывны, в заботе человека открыт мир [7, с. 159].

Как экзистенциал, утверждает М. Хайдеггер, бытие при мире никогда не подразумевает какого-либо совместно-наличного-бытия случающихся вещей. Не существует никакой рядоположности одного сущего, именуемого «*Dasein*», и другого, именуемого «мир» [6, с. 73]. Не существует ничего подобного миру без *Dasein*, утверждает М. Хайдеггер. Мир всегда открыт *Dasein*, который, в свою очередь, открыт миру. Самой важной характеристикой мирности мира, по Хайдеггеру, является именно эта ее открытость, которая выступает исходным основанием возможности истины как таковой. При этом положение вещей таково, что мир и *Dasein* открыты друг другу, бытие *Dasein* позволяет миру быть таковым. Мир и *Dasein*, считает М. Хайдеггер, немислимы друг без друга [8, с. 40], а это, в свою очередь, означает, что *Dasein* невозможно помыслить без феномена пространственности.

Эмпиричность факта существования человека в мире М. Хайдеггер называет фактичностью и раскрывает ее как «бытие-в-мире “внутримирного” сущего именно так, что это сущее может понимать себя как сопряженное в своем “историческом пути” с бытием сущего, встречного ему внутри его собственного мира» [6, с. 74].

Большое внимание М. Хайдеггер уделял разъяснению экзистенциального понятия пространственности. Философу хорошо известен тот факт, что головокругительные успехи естественных наук, оснащенных математическим аппаратом и оперирующие эвклидовым трехмерным пространством, обуславливают восприятие человеком себя как налично сущего в физическом пространстве. М. Хайдеггер знает, что понимание читателя, скорее всего, будет двигаться по пути наименьшего сопротивления.

Для М. Хайдеггера мир не просто наличная вселенная, вместилище вещей и явлений, а то, что может существовать для существа, понимающего собственное бытие и открытого для бытийного измерения. Сущее, не способное различить бытие, не способно иметь мир и быть в нем и при нем. *Dasein* не имеет никакой возможности отгородиться от мира, не может освободить себя от бытия в мире.

Эта позиция кардинально расходится с эгоцентрической установкой, в рамках которой субъект сам себя полагает, а потом ищет выход к миру. *Dasein* устроен таким образом, что он чаще всего понимает свое собственное бытие через то сущее, которое встречает внутри мира. Это обстоятельство, согласно М. Хайдеггеру, превращает процедуру феноменологического выявления бытия-в-мире в постоянный отвод искажений и сокрытий, «поскольку этот феномен во всяком присутствии известным образом сам всегда уже “увиден”» [6, с. 77].

Помимо прочего, М. Хайдеггер обращает внимание на тот факт, что субъект уже давно занят познанием мира как предмета, однако онтологический смысл этого субъектно-объектного отношения остается не проясненным. Это означает, что нет ясного определения ни познания, ни мира, а если собрать все известные традиционной теории познания о них, то обнаружится необходимость постоянного выхода познающего в мир для добычи знания и возвращения обратно внутрь, а после – надобность сопоставления добытого знания с тем, как внешний мир устроен на самом деле. Для классической философии ценным является лишь объективное познание, объектом в то же время может быть лишь сущее, обладающее наличным бытием. М. Хайдеггер же предлагает посмотреть на это немного иначе. Данное предложение совершенно иначе открывает суть миропознания. Немецкий мыслитель пишет: «В самонаправленности на... и постижении присутствие не выходит впервые наружу из какой-то своей внутренней сферы, куда оно вначале замуровано, но по своему первичному способу бытия оно всегда уже “снаружи” при встречном сущем всякий раз уже открытого мира. И определяющее пребывание при познаваемом сущем есть не какое-то оставление внутренней

сферы, но в этом “бытии снаружи” при предмете присутствие тоже в верно понятом смысле “внутри”, т. е. само собой оно есть как познающее бытие-в-мире» [6, с. 80]. *Dasein* всегда смотрит на мир и обсуждает увиденное, но в тоже время он обладает возможностью сделать свое наблюдение и обсуждение мира специальным, и тогда возникает наука. Мир не полагается познающим, и познание не возникает вследствие воздействия мира на познающего. Мир всегда, так или иначе, открыт в *Dasein*, утверждает М. Хайдеггер.

Для того чтобы выявить мирность мира, М. Хайдеггер следует за обыденным *Dasein* в его ближайший мир, повседневность. Последняя является той уникальной областью, в которой развернута экзистенциальность *Dasein*. Сама повседневность сконструирована экзистенциальной пространственностью таким образом, что выпадает из поля зрения объективного исследования и доступна лишь феноменологическому взгляду. Именно в повседневности *Dasein* открывает особенную взаимосвязь значений, представляющих собой мир как таковой. Он предупреждает, что раскрытие мирности мира только с первого взгляда кажется простым. Именно то, что феномен мирности прежней онтологией воспринимался как нечто само собой разумеющееся, он не давал возможности спросить о себе и вынуждал совершать прыжок через мирность. Теоретическое исследование, изучающее *Dasein* в его повседневности с целью узнать о мирности мира, обнаруживает, что он окружен сущим. Это сущее для *Dasein* имеет характер средства. В повседневности *Dasein* окружен средствами, этих средств всегда много, они образуют определенное целое. Характерной особенностью средства является его удобство. *Dasein*, орудуя средством, чаще всего не задумывается о том, что это сущее, находящееся у него в руках, является средством, потому что имеет место совершенная степень приспособленности этого средства к *Dasein*. М. Хайдеггер пишет: «Способ бытия средства, в котором оно обнаруживает себя самим собой, мы именуем подручностью» [6, с. 88]. Философ обращает внимание читателя на то обстоятельство, что даже самое пристальное рассмотрение вида вещей не способно открыть в них подручность. Одного теоретического созерцания никогда не достаточно для понимания подручности.

Однако не случайно М. Хайдеггер остановился на подручном. Немецкий мыслитель раскрывает через подручное мир и показывает, каким образом оно отсылает к другим подручным: «В привычном и незаметном применении подручного средства часов подручна и природа окружающего мира. К существу функции раскрытия при всяком озабочившемся растворении в ближайшем мире труда принадлежит то, что всякий раз смотря по образу

растворения в нем с разной степенью отчетливости, с разной широтой усматривающего вторжения оказывается открыто сопредъявленное в изделии внутримирное сущее в его конститутивных отсылках» [6, с. 90]. М. Хайдеггер показывает, что каждый раз, когда человек смотрит на часы, он тем самым обнаруживает тот факт, что Солнце – внутримирное сущее, имеющее свое место в мире, и оно также подручно, поскольку наручные часы связаны с ходом Солнца. Однако, когда подручное выходит из строя, исчезает или «болтается под ногами», происходит нарушение отсылок, вызывающее пробуждение усмотрения. В этом случае «взаимосвязь средств высвечивается не как нечто никогда еще не виданное, но как постоянно в усмотрении заранее уже высматриваемое целое. С этим целым, однако, заявляет о себе мир. Равным образом пропажа подручного, чья повседневная подвертываемость сама собой разумелась так, что мы ее даже не замечали, есть слом открытых в усмотрении взаимосвязей отсылок. Усмотрение толкается в пустоту и только теперь видит, к чему и с чем пропавшее было под рукой. Опять заявляет о себе окружающий мир» [6, с. 94]. М. Хайдеггер говорит о том, что таким образом внимание привлекает не подручное и не наличное, а то, что ускользает от усмотрения человека, привыкшего наткнуться всегда на сущее, то есть на то, что для усмотрения всегда уже разомкнуто. Мир есть нечто, в чем *Dasein* уже был. *Dasein* всегда может только возвращаться в мир.

Dasein имеет определенное предпонимание мира, заявляет М. Хайдеггер. Наличие этого предпонимания позволяет *Dasein* присутствовать в мире и встречаться с внутримирно сущим как с подручностью. М. Хайдеггер пишет: «В-чем себя-отсылающего понимания как в-видах-чего допущения сущему встретиться бытийным способом имени-дела есть феномен мира. И структура того, в видах чего присутствие себя отсылает, есть то, что составляет мирность мира. В чем присутствие таким способом всегда уже понимает, с тем оно исходно освоилось. Эта свойскость с миром не обязательно требует теоретической прозрачности конституирующих мир как мир отношений» [6, с. 106]. Согласно М. Хайдеггеру присутствие всегда имеет какое-то знание о мире как о чем-то своем. Мир есть бытийная структура, которая допускает возможность бытия средств как взаимосвязанных частей единого целого.

Таким образом, в процессе анализа понятия мирности мира была установлена глубокая исходная взаимосвязь между ним и феноменом пространственности. Также было показано, что открытие мира для *Dasein*, согласно М. Хайдеггеру, происходит через подручное, которое обладает способностью указывать на мир как на нечто целое.

Тем самым определяется та роль, которую играет феномен пространственности для развертывания анализа мирности в ранней философии М. Хайдеггера. Эта роль, очевидно, оказалась исключительной, что еще раз подтверждает предположение о том, что для философии мыслителя, как и для всей традиционной метафизики, проблема пространства является одной из центральных. Однако в философии М. Хайдеггера встречается понимание мира, предполагающее иную, нежели в классической метафизике, интерпретацию пространства. Пространство, о котором говорит М. Хайдеггер, изначально предполагается самой структурой *Dasein*, открытость которого позволяет являться миру как таковому и «без этого стояния-в-открытости никакая вещь не могла бы явиться сама от себя, даже вот этот стол» [9, с. 295]. Тот взгляд на мир, который предлагает М. Хайдеггер, дает возможность для поиска новых подходов к пониманию человека, уже с учетом его пространственности, не поддающей-

ся количественному измерению. М. Хайдеггер настаивает на том, что количественному измерению поддается только одно сущее, но не бытие. Именно поэтому, с точки зрения философа, любая попытка понять сущность *Dasein* через интерпретацию его как чего-либо лишь налично сущего, без учета открытости для бытийного измерения, обречена на провал. Раскрытие специфики экзистенциального измерения пространства, произведенное М. Хайдеггером, дает возможность увидеть ограниченность естественно-научной установки, когда речь заходит о повседневном бытии *Dasein*. Феномены не поддаются опредмечиванию, что является причиной тех затруднений, перед которыми встает классическая теория познания и метафизика. Указанная ограниченность взгляда подвергается критике в работах М. Хайдеггера и преодолевается через введение экзистенциального понимания пространственности, позволяющего исследовать сложную ткань повседневного бытия.

Библиографические ссылки

1. Хабермас Ю. Хайдеггер: творчество и мировоззрение // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 327–353.
2. Наливайко И. М. Рукоделие письма: М. Хайдеггер – В. Розанов // Мартин Хайдеггер и философия XX века : сб. докл. М. : Минск, 1997. С. 123–128.
3. Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимова. М. : Праксис, 2003.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / пер. М. А. Жуниной, С. Н. Земляниной, А. А. Рыбакова [и др.]. М. : Прогресс, 1988.
5. Михайлов А. В. Хайдеггер: человек в мире. М. : Моск. рабоч., 1990.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибикина. Харьков : Фолио, 2003.
7. Бибахин В. В. Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.
8. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии / пер. и примеч. А. В. Чусова // Логос. Философско-литератур. журнал. 1991. № 1. С. 37 – 47.
9. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. И. Г. Глуховой ; под ред. Т. В. Щитцовой. Вильнюс : Европейск. гуманитар. ун-т, 2012.

References

1. Habermas J. [Heidegger: creativity and worldview]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow, 1989. P. 327–353 (in Russ.).
2. Nalivayko I. M. [Needlework of the letter: M. Heidegger – V. Rozanov]. *Martin Khaidegger i filosofiya XX veka* [Martin Heidegger and the philosophy of the twentieth century] : collect. rep. Moscow : Minsk, 1997. P. 123–128 (in Russ.).
3. Bourdieu P. L'ontologie Politique de Martin Heidegger. Paris : Miniut, 1998. Russ. ed.: Bourdieu P. Politicheskaya ontologiya Martina Khaideggera. Moscow : Praksis, 2003 (in Russ.).
4. Gadamer H.-G. Wahrheit und method. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J. C. B. Mohr. Russ. ed.: Gadamer H.-G. Istina i metod [Truth and method]. Moscow : Progress, 1988 (in Russ.).
5. Mikhailov A. V. Khaidegger: chelovek v mire [Heidegger: a man in the world]. Moscow : Mosk. rabochii, 1990 (in Russ.).
6. Heidegger M. Sein und zeit. Tübingen: max Niemeyer verlag, 1967. Russ. ed.: Heidegger M. Bytie i vremya. Harkov : Folio, 2003 (in Russ.).
7. Bibikhin V. V. Rannii Khaidegger [Early Heidegger: materials for the seminar] : mater. to seminars. Moscow : Inst. filos., teol. i istorii svyatogo Fomy, 2009 (in Russ.).
8. Heidegger M. Gel'derlin i sushchnost' poezii [Hölderlin and the essence of poetry]. *Logos. Filosofsko-literatur. zhurnal*. 1991. No. 1. P. 37–47 (in Russ.).
9. Heidegger M. Zollikonon seminar. Frankfurt an Man : Voitorio Klostermahr, 2006. Russ. ed.: Heidegger M. Tsollikononovskie seminar. Vilnius : Eur. Gumanit. univ., 2012 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2017.
Received by editorial board 28.09.2017.

УДК 101.9.113/119

«КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» А. Л. ЧИЖЕВСКОГО: СУЩНОСТЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ РУССКОГО КОСМИЗМА

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется содержание поэзии, естественно-научных и философских воззрений видного представителя русского космизма А. Л. Чижевского о зависимости бытия биосферы Земли от Солнца и других космических факторов. Подчеркивается вклад ученого в обоснование целостности русского космизма, его гуманистическую выраженность и значимость для решения актуальных проблем современности. Вместе с тем вскрываются и спорные положения, выдвинутые А. Л. Чижевским, касающиеся трактовки детерминации всемирно-исторического процесса.

Ключевые слова: природа; биосфера; гелиобиология; солнцепоклонник; космизм; космическая лирика; космическая философия; солнечная активность; всемирно-исторический процесс.

«COSMIC PHILOSOPHY» OF A. L. CHIZHEVSKY: ESSENCE AND ITS PLACE IN SYSTEM OF RUSSIAN COSMISM

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article investigates the content of poetry, natural-scientific and philosophical views of the prominent representative of Russian cosmism A. L. Chizhevsky about the dependence of the existence of all living of biosphere of the Earth from the Sun and other cosmic factors. The article emphasizes the contribution of this representative of Russian cosmism to the substantiation of the integrity of Russian cosmism, its humanistic expression and significance for solving the actual problems of our time. Moreover, the article reveals the controversial ideas, concerning the interpretation of the determination of the world-historical process.

Key words: nature; biosphere; heliobiology; heliolater; cosmism; cosmic lyric poetry; cosmic philosophy; solar activity; world-historical process.

Постановка проблемы

Внимание современных исследователей к творчеству А. Л. Чижевского (1894–1964) – видного представителя русского космизма – не ослабевает и сегодня. Краткое освещение его научных идей осуществляли в философских энциклопедических

изданиях В. В. Казютинский, П. С. Карako и многие другие философы¹. Чаще всего А. Л. Чижевский характеризуется как представитель естественно-научного течения в русском космизме. Однако, как известно, он являлся не только крупным

¹Казютинский В. В. Чижевский Александр Леонидович // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / предс. науч.-редакцион. сов. В. С. Степин. М., 2001. Т. 4. С. 360 ; Карako П. С. Чижевский Александр Леонидович // Всемирная энциклопедия: философия / предс. ред. сов. А. А. Грищанов. М., 2001. С. 1209–1210.

Образец цитирования:

Карako П. С. «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 40–50.

For citation:

Karako P. S. «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and its place in system of Russian cosmism. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 40–50 (in Russ.).

Автор:

Петр Семенович Карako – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.

kafedra628@gmail.com

ученым, но и незаурядным поэтом, музыкантом, художником-пейзажистом. В автобиографическом труде «Вся жизнь» (1974) А. Л. Чижевский писал: «С раннего детства я страстно полюбил музыку, поэзию и живопись, и любовь эта с течением времени не только не уменьшалась, а принимала все более страстный характер даже тогда, когда корабль моих основных устремлений пошел по фарватеру науки» [1, с. 13]. Сохранялась эта любовь и в течение долгих 16 лет (с 1942 по 1958 г.), когда ученый пребывал в тюрьмах, лагерях и ссылке.

Увлечения космиста нашли воплощение в его научных, поэтических и живописных работах. Научное и литературно-художественное творчество А. Л. Чижевского высоко оценивалось многими не только российскими, но и зарубежными представителями науки и художественной литературы. Так, в работе «Меморандум о научных трудах профессора д-ра А. Л. Чижевского», которая была представлена на Международном конгрессе по биологической физике и биологической космологии в Нью-Йорке 11–16 сентября 1939 г., отмечалось, что «исторические, литературные и философские работы» занимают «особое место в трудах профессора Чижевского» [2, с. 268]. Однако содержание этих работ, их причастность к идеям космизма, которые развивал ученый, оказывается лишено

внимания исследователей, изучающих наследие А. Л. Чижевского.

В современных работах, посвященных творчеству А. Л. Чижевского, слабо раскрываются место и роль его космических идей в системе русского космизма. Помимо прочего, нет четкости и ясности в освещении отношений ученого с В. И. Вернадским. По этому вопросу некоторыми авторами высказываются весьма спорные суждения относительно мировоззренческих оснований космических идей А. Л. Чижевского и В. И. Вернадского. Например, А. И. Субетто считает, что имеет место «единство взглядов Чижевского и В. И. Вернадского на витально-космическую организованность всего мира. Это воззрение можно назвать витализмом... но витализмом особым – космическим» [3, с. 173], сущность такой формы витализма в работе А. И. Субетто не раскрывается. Поскольку в научных трудах В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского нет подтверждения их приверженности витализму, можно утверждать, что, как убежденные материалисты, они не разделяли и не развивали виталистических идей.

Все вышеотмеченные факты свидетельствуют об отсутствии в современной научной литературе объективного и целостного анализа космических идей А. Л. Чижевского. На решение этой проблемы и сориентирована настоящая работа.

Поэзия и наука обязаны служить познанию Солнца и Космоса

Для раскрытия темы настоящей статьи исследование следует начать с краткого освещения поэтической и художественной деятельности А. Л. Чижевского как космиста.

Поэзия была первой формой постижения ученым природного мира. Писать стихи он начал с ранних лет. Многие из поэтического творчества А. Л. Чижевского было утеряно. Однако благодаря поискам его поклонников стихотворения оказались опубликованы в сборниках «Стихотворения» (1987) и «Поэзия» (1998). Отдельные работы представлены и в научных трудах А. Л. Чижевского. Его поэтическое творчество высоко ценили В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, М. А. Волошин, М. Горький, Вяч. Иванов, В. В. Маяковский и другие видные представители русской культуры первой половины XX в. Со многими из них А. Л. Чижевский поддерживал дружеские отношения. Особенно значимой для становления его поэтического творчества была дружба и поддержка В. Я. Брюсова, а также освоение «космической поэтики» последнего.

В поэтическом творчестве А. Л. Чижевский придерживался также и традиции русской философской лирики, заложенной в XIX в. Е. А. Баратынским, В. С. Соловьевым, Ф. И. Тютчевым, А. А. Фетом. В начале XX в. эта традиция была продолжена А. А. Блоком, В. Я. Брюсовым и другими представителями такого литературно-художественного течения рус-

ского космизма, которому было свойственно описание природы и желаемого отношения к ней человека. В проекте специального учебного заведения «Академия поэзии», предназначенного готовить представителей «изящной словестности», А. Л. Чижевский сформулировал предметную направленность поэтического творчества следующим образом: «Выразить мимолетное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной – вот задача поэтического творчества» [4, с. 210].

Однако, чтобы решать такую задачу, поэт должен сначала научиться отображать окружающую его природу и в первую очередь ее красоту. Природа, по заключению А. Л. Чижевского, «сама создает свои чистейшие формы», и поэт, как никакой другой человек, обязан заметить и выразить их красоту особым поэтическим языком. Именно «эти чудные мгновенья, улавливаемые из природы, человек стремится закрепить в доступных ему способах изображения, творит и тем самым служит искусству» [4, с. 201].

Сформулированной стратегии творчества неуклонно следует и ее автор. Так, в раннем стихотворении «Флорентийский вечер» (1912) начинающий поэт выражает восхищение природой окрестностей Флоренции в вечернее время:

Люблю вечернею порою
Следить, как облака плывут
К альпийским берегам,
Как розовые отблески скользят
На упдающих в провалы синей тени
Изысканных каррарских колоннадах... [4, с. 20].

Со всех уголков А. Л. Чижевскому *земля вещает о Великом Дантовом духе*, он слышит музыку со всех ее объектов, а *любви бессмертный призрак* простирается от *тускнеющей Земли до самых ярких звезд* [4, с. 20].

В лирике А. Л. Чижевского особенности и красота природы, раскрываются в разное время суток («Вечернее небо», «Вечер», «Начало рассвета») и в различные сезоны («Сентябрьский день», «Зимнее солнце», «Зимой»). В центре внимания писателя были и отдельные объекты природы, особенно ее растительный мир. Значимость последнего для

Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен... [4, с. 34].

Выражением сложившейся слитности земного и космического, по убеждению поэта, может служить *единство малого и большого, взаимодействия стихий между собою и даже сопряженное влияние теней и наличие жизни в материи самой*. Более того, все сущее *пронизывает... незыблемый закон* –

О, Мать-Земля, – приют благословенный
Свистящих змей и женской красоты.
И ты идешь стезею неизменной
От первых дней до гробовой плиты [4, с. 82].

В этом направлении всегда *горит огонь священный*, так как он освещает путь *Матери-Земли* в ее движении к *вневременной Вселенной*, где нет и *знаков широты и долготы*. По своей сути *огонь священный* есть *огонь любви*, когда *Мать-Земля* сливается с этой Вселенной – достигается наивысшая форма любви всего сущего, *Любви космической венец!* [4, с. 82].

Космическая лирика А. Л. Чижевского была направлена на постижение и отражение космоса и его объектов (Луна, Солнце и т. д.), а также связи Земли и ее живой природы, в том числе и человека, с Солнцем и Космосом в целом. Эта направ-

Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что не было... [11, с. 364].

Это *Светило* *объяло* не только Землю, но и поэта, *земного пришельца*, наделила его *радостью и творческой силой*. Только благодаря *Светилу* поэт *воскрес и запел*, он стал *солнцепоклонником* [11, с. 364]. Для А. Л. Чижевского Солнце являлось не просто по-

бытия других форм живого, формирования эстетических чувств человека фиксируется в таких стихотворениях, как «Растения», «Подснежник», «Перекати-поле».

На освещении «земных объектов» А. Л. Чижевский не останавливается, он устремляется к поэтическому познанию и отражению в своей лирике Солнца и Космоса в целом, связей человека и всего живого с миром космоса. Так, в стихотворении «Гиппократу» (1915) подчеркивается важность для человека осознания его связи и единства с космосом:

стихий изменчивых под маской постоянства... [4, с. 34].

В стихотворении «Любовь» поэт выражает восхищение устойчивостью бытия Земли, но при этом приветствует и ее стремление к соединению с *вневременной Вселенной*:

ленность лирики стала преобладающей после 1915 г., когда автор начал активно заниматься научными исследованиями. С этого времени поэтические строки А. Л. Чижевского стали наполняться добытыми научными знаниями. Данная черта поэтического творчества А. Л. Чижевского четко выражена в стихотворениях «Космос» (1921), «Материя» (1922), «Неведома и нам ответа нет» (1922) и т. д. Однако с особой выразительностью эта черта демонстрируется в стихотворении «Солнце» (1919), в котором также утверждается и основной смысл, и устремленность поэзии А. Л. Чижевского:

этическим образом, но еще и символом бытия на Земле, появления и эволюции живого. В ранней поэзии, а затем и в научных трудах космиста было положено начало новому научному направлению – гелиобиологии.

В стихотворении «Подсолнечник» (1943), написанном в неблагоприятный для поэтического и научного творчества А. Л. Чижевского период (он

пребывал в лагере для заключенных), в художественной форме определяется содержание гелиобиологии:

Лик Солнца у тебя, подсолнечник простой:
Посередине диск, вокруг – протуберанцы.
Так видятся они во времена затмений,
Когда Луна собой загородит светило
И в грозном небе вдруг зажжется излученье.
Цветок-подсолнечник и Солнце – вот сравненье!... [4, с. 115].

Поэта удивляет не только внешнее сходство цветка и Солнца, но и то, что подсолнечник *следит за братом в небесах*. Он *весьма настойчиво, внимательно и упрямо направляет на лучи свою головку прямо*. В последующих строках стихотворения подтверждается и *кровное родство* этих объектов. Делается вывод о том, что *земное зеркало вечно движется за диском Солнца*. Однако сердцу поэта близко не только признание связи и зависимости всего земного от Солнца, но и взаимосвязь поэзии и науки. Он возмущен *непрекращающейся пустой войной*, которую они ведут между собой. Для А. Л. Чижевского поэзия и наука родны, так как имеют *единый корень и обязаны служить единому – познанию*. А *познание же, друзья, вмеща-*

ет все в себе: Материю и Дух в извечной их борьбе [4, с. 115].

Сформулированное единство поэзии и науки, а также значимость этого единства А. Л. Чижевский подтверждает и как ученый. В его научных трудах и воспоминаниях о содержании своего творчества, знакомстве и личной дружбе с выдающимися учеными первой половины XX в. прозаические и научные положения зачастую сопровождаются поэтическими образными словами. Так, описание первых исследований благотворного воздействия отрицательных ионов кислорода на жизнедеятельность животных и человека подтверждаются вдохновенными поэтическими словами (стихотворение «Человеку», 1917):

...Я молнию у неба взял,
Взял громовые тучи
И ввел их в дом,
Насытил ими воздух
Людских жилищ,
И этот воздух,
Наполненный живым Перуном,
Сверкающий и огнеметный,
Вдыхать заставил человека... [4, с. 54].

Этот воздух поэт *сквозь легкие и через дыхание провел в кровь человека*, которая далее *разнеслась по всем его органам и тканям*. Благодаря всему этому

человек *преобразился и ожил*. В заключительных строках стихотворения поэт и ученый советует человеку:

Вдыхай же мощь небес,
Крепи жилище духа.
Рази свои болезни,
Продли свое существованье,
Человек! [4, с. 54–55].

Поэтические строки у А. Л. Чижевского часто зарождались в процессе обсуждения космических тем с его старшим другом, ученым и единомышленником К. Э. Циолковским. Предметом бесед выступали разные темы, одной из них была проблема природных катастроф, о которых чаще всего говорил К. Э. Циолковский. Он, по воспоминаниям А. Л. Чижевского, огорчался тем, что люди не задумываются о причинах появления таких катастроф, об их последствиях для природы и человека и не предпринимают никаких мер для смягчения их губительных проявлений. К. Э. Циолковский говорил:

«Это все происходит от того, что человек за последние тысячелетия слишком избалован спокойствием природы. Локальные катастрофы не предохраняют его от катастрофы всемирной, которая может однажды проявить себя, и тогда, уже все возможные меры предосторожности будут не нужны. Думают ли люди об этом? Нет, не думают <...> Им даже запрещается говорить о таких неприятных вещах, а писать тем более. Но Мировой океан поднимется <...> Что вы скажете по этому поводу?» [5, с. 400]. В связи с этим А. Л. Чижевским было написано стихотворение под названием «Трансгрессия»¹:

¹Трансгрессия (от лат. *transgressio* – переход, передвижение) – наступление моря на сушу в результате опускания земной коры либо повышения уровня моря.

Смеется седой океан
И темную песню поет,
И в берег пленительных скал
Упорными волнами бьет [5, с. 401].

Под их ударами *дробятся* камни скал и сами волны, а в природе нарастает *тревога*. Ее наступление ощущают даже *пальмы на том берегу*. Они *тревожно и глухо шумят*. Предвидят тревогу и *звери, и люди*. Они осознают, что *наступающая на них волна* несет им *медлительную гибель*. А *седой океан* только *смеется* и *темную песню поет*, и в *берег пленительных стран / Победными волнами бьет*. В завершение этих поэтических строк уже с точки зрения ученого А. Л. Чижевский пишет, что «губительные явления та-

кого рода сплошь да рядом потрясают людей» [5, с. 402].

Под влиянием бесед А. Л. Чижевского с К. Э. Циолковским о причинах природных катастроф, их губительного воздействия на природу Земли и человека было написано также и стихотворение «Эа», посвященное шумерийскому богу Мирового океана и подземных пресных вод. С его именем ассоциировались мудрость и благодостное отношение богов к людям. Именно Эа в соответствующее время прекращает губительное действие вод:

Но в некий вычисленный срок,
Когда уйдут в забвенье годы,
Приходит шумерийский бог,
И останавливает воды [4, с. 181].

Научное постижение влияния Солнца на природу Земли определяло внимание А. Л. Чижевского к тем ученым, которые исследовали тайны Солнца и космоса. Таким личностям посвящались стихотворения «Плиний Старший», «Галилей» и т. д. Вдохновляли А. Л. Чижевского выдающиеся ученые всех стран и народов, деятели искус-

ства, в творчестве которых имело место влечение к природе, небу, звездам. Научный и творческий подвиг этих людей освещался в стихотворениях «Сванте А. Аррениусу», «Лобачевский», «Микеланджело», «Космология Бетховена» и др. В стихотворении «А. А. Фету» А. Л. Чижевский писал:

Поэт, ты любил эти звезды
Свободных и чистых небес.
Под звездным сияньем ты умер,
Но в песнях о звездах воскрес [4, с. 74].

Этому *воскрешению* в том числе способствовал и сам А. Л. Чижевский, с особой почтительностью и уважением относящийся к представителям науки и культуры, которые заложили основу идеи космизма и сформировали ее. В этом плане в центре внимания автора оказалось постижение и пропаганда космической идеи К. Э. Циолковского. А. Л. Чижевский писал: «Грандиозность этого поразительного

космогонического учения стала очевидной только в наше время благодаря великим успехам естествознания, благодаря единому строю ряда наук – космизму» [5, с. 405].

Под влиянием идей космизма К. Э. Циолковского и собственных исследований на эту тему у А. Л. Чижевского зародились следующие строки стихотворения «Дерзание»:

Как тянет в бездну с высоты!
Как упоительно пространство!
Как рвется вон из-за черты
Живой души непостоянство!... [4, с. 43].

Не может *живая душа* задержаться на *измеримости земной*. Она, *осилив свое головокружение* неизбежно *ринется в звездные владенья*. К постижению

и достижению *звездного владения* всех смелых и активных сторонников космизма призывают следующие строки:

А бездна жаждет, бездна ждет,
Широко пасть свою разинув.
Дерзайте ж, смелые, вперед –
В полет космически-орлиный! [4, с. 43].

Чередование научных текстов и литературно-художественных строк при освещении постигаемых проблем следует считать характерной чертой поэтического и научного творчества А. Л. Чи-

жевского. В истории мировой художественной литературы приемы такого описания природы демонстрировали Г. Гейне, Г. Торо, ученый и писатель-фантаст И. А. Ефремов и другие известные ав-

торы. Данной традиции придерживался и А. Л. Чижевский.

Солнцепоклонность А. Л. Чижевского проявилась также и в его художественном творчестве. Рисовать ученый начал с самого раннего детства, позже его художественное мастерство тесно связывалось с научными исканиями. А. Л. Чижевский тщательно и скрупулезно делал зарисовки наблюдаемых с помощью телескопа изменений поверхности Солнца. В зрелом возрасте основными темами художественных полотен А. Л. Чижевского были пейзажи. В. И. Ягодинский пишет: «Живописные работы Чижевского можно сравнить с его поэзией, в них много общих тем и настроений» [6, с. 214].

Большинство пейзажных картин А. Л. Чижевского были написаны в тех местах, где он находился

во время ссылок (Казахстан, Урал и др.). Его полотна пронизаны самыми причудливыми сочетаниями лучей солнца. Все это позволяет сделать вывод о том, что космизм был темой не только поэтического, но и живописного творчества А. Л. Чижевского. Будет правомерным сделать вывод о причастности А. Л. Чижевского к представителям литературно-художественного течения в русском космизме. Однако современные исследователи считают его видным представителем только естественно-научного направления русского космизма. Следует рассмотреть, в чем конкретно выразился вклад А. Л. Чижевского в данное направление, какую роль в становлении и обосновании космической идеи ученого сыграли труды В. И. Вернадского.

Жизнь – явление космическое

К научному познанию и прежде всего выявлению воздействий внешней среды на живое А. Л. Чижевский приобщился достаточно рано. Одним из факторов, побудивших его начать такие исследования, было слабое здоровье. В труде «Вся жизнь» он писал, что воздействие «внешних метеорологических факторов... испытывал в такой степени, что предсказывал заранее перемены погоды, дождь или грозу – за сутки и более до их наступления» [1, с. 42–43]. Все это «непреодолимо влекло к изучению внешних влияний на организмы» [3, с. 43]. Им отмечалось и влияние К. Э. Циолковского, который говорил ученому, что при таких исследованиях А. Л. Чижевскому непременно надо постигать воздействие циклов солнечной активности на живые организмы. К. Э. Циолковский уверял своего еще юного ученика-исследователя в том, что «в этой области можно обнаружить много самых удивительных вещей» [1, с. 43].

С 1918 г. А. Л. Чижевский начал выяснять влияние отрицательных ионов кислорода на жизненные процессы белых крыс. К 1919 г. им было установлено, что такого рода ионы благоприятно воздействуют на жизнедеятельность грызунов. Видные ученые того времени (А. О. Бачинский, П. П. Лазарев, шведский химик С. Аррениус) положительно оценили полученные результаты исследований. В те годы А. Л. Чижевским было установлено так же и подобное влияние ионов кислорода на жизнедеятельность обезьян (в лаборатории В. Л. Дурова), многих видов домашних животных и человека.

К середине 1920-х гг. у А. Л. Чижевского были сформированы и определенные представления о влиянии космических факторов на все живое и на всемирно-исторический процесс. Существенной коррекции эти исследования подверглись после знакомства ученого с трудами В. И. Вернадского «Биосфера» (1926) и «Очерки геохимии» (1927).

Изложенная в этих трудах научная концепция биосферы была воспринята А. Л. Чижевским как теоретическая основа идеи космизма. Ему импонировали уже первые строки труда «Биосфера», в которых раскрывалось место Земли в мировой среде: «Своеобразным, единственным в своем роде, отличным и неповторимым в других небесных телах представляется нам *лик Земли* – ее изображение в космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств» [9, с. 8]. Далее утверждается, что в «лике Земли» выявляется особая ее часть – биосфера, которая является наружной оболочкой Земли, отделяющей ее от космической среды.

В данном труде подчеркивается и то, что биосфера в значительной «степени есть создание Солнца». Все составляющие ее компоненты, в том числе и человек, своим происхождением и бытием обязаны Солнцу: «Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности» [7, с. 10].

Без внимания А. Л. Чижевский не мог оставить и содержащиеся в труде «Очерки геохимии» упреки биологам за их невнимание к «космической среде», которая влияет на жизнедеятельность биосферы Земли. В. И. Вернадским ставились и конкретные задачи для исследователей живого: «Связать явления жизни с основными элементами, проявляющимися в космосе» [8, с. 55]. К таким элементам автор относил всемирное тяготение, различные космические излучения, космическую пыль и т. д.

По душе А. Л. Чижевскому пришлось и то, каким языком в труде «Биосфера» раскрывается космическая выраженность жизни. В. И. Вернадский продемонстрировал умение сочетать язык науки и художе-

ственной литературы в описании постигаемой им проблемы. Для автора «Биосферы» художественная литература была также и фактором, влиявшим на его научные искания. Более того, на характер постижения и выражения им биосферных процессов (их происхождения, взаимосвязи, организованности и направленности) существенное воздействие

оказывали образы природы, представленные в поэзии И. Гете, Ф. Шиллера, А. Мицкевича, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и др. В этом отношении становится понятным, почему эпиграфом к своему труду А. Л. Чижевский взял следующие строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865):

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе... [9, с. 6].

Именно с помощью синтеза языков науки и художественной литературы В. И. Вернадский раскрывал место и связь Земли, ее биосферы с космосом. Особенности такого описания освещено в работе П. С. Карачо «Природа в художественной литературе» [10, с. 14–20].

Созвучно В. И. Вернадскому А. Л. Чижевский пытался раскрыть влияние Солнца на «лик Земли» и ее биосферу: «Подобно резцу скульптора, энергия солнечного луча творит лик и образ органической жизни на Земле. Подобно резцу, эта энергия высекает из мертвого и неподвижного земного вещества великую пластичность органических образований. И, как добрый гений древних мифов, лучистая энергия Солнца одаряет эти образования движением, чувством и мыслью» [11, с. 135].

С утверждением, что энергия Солнца «одаряет» все живое на Земле «чувствами и мыслью», невозможно согласиться. Однако отмеченное А. Л. Чижевским положение о влиянии Солнца на живые системы и на их «пластичность» получает обоснование в экспериментальных исследованиях характера размножения микроорганизмов в зависимости от периодичности солнечной активности, результаты которых свидетельствуют о том, что пики размножения микроорганизмов находятся в прямой связи с пиками активности Солнца. Аналогичные выводы были сделаны и казанским врачом-бактериологом С. Т. Вельховером при изучении влияния Солнца на размножение возбудителей дифтерии у человека. Это явление носит название «эффект Чижевского – Вельховера».

Подобные зависимости были обнаружены и при анализе урожайности зерновых культур России за 115 лет, в течение которых произошли 19 максимумов солнечных пятен. Был сделан следующий вывод: «Рост и падение числа солнечных пятен сопровождаются подобными же изменениями урожая» [11, с. 151]. Прямая связь между колебаниями сравниваемых явлений не вызывает сомнений. Такая же связь была выявлена и между периодичностью солнечной активности и приростом древесины у древесных растений, распространением эпидемий и пандемий, размножением саранчи.

В труде «Земное эхо солнечных бурь» (1938) значительное место занимает изложение фактов

взаимосвязи смертности людей и периодичности солнечной активности. В нем выражается твердая уверенность автора в том, что «солнечные излучения влияют на самые интимные и глубокие жизненные функции: на нервную систему, на центры дыхания и кровообращения, вызывая в них явления спазма, перевозбуждения, парабриоза при условии ослабленной функциональной деятельности нервных приборов. За спастическим перевозбуждением или парабриотическим состоянием следует смерть» [12, с. 325]. В процессе исследования было выявлено, что смертность выше средней имеет место в предшествующий максимуму солнечной активности год, а в последующие за ним годы смертность оказывается ниже среднего уровня.

Обобщая данные своих наблюдений и статистические факты, установленные другими исследователями, А. Л. Чижевским был сделан вывод о том, что «циклическая деятельность Солнца является могущественным фактором, воздействующим на всю биосферу нашей планеты и, в частности, обуславливающим в определенной мере поведение человека» [5, с. 527]. На базе выявления влияния Солнца на биосферу Земли уже в 1930-е гг. зародилась новая научная дисциплина – *гелиобиология*, становление и обоснование которой, по свидетельству А. Л. Чижевского, поддержали академики В. И. Вернадский, Д. К. Заболотный, П. П. Лазарев, А. В. Леонович, К. Э. Циолковский и другие именитые ученые того времени. Именно они «устно или печатно высказали положительное мнение об этих (гелиобиологических. – П. К.) исследованиях» [13, с. 109]. При этом А. Л. Чижевский особенно дорожил мнениями В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского.

Именно К. Э. Циолковский посоветовал А. Л. Чижевскому организовать исследования влияния «не только солнечного, но и космического излучения на некоторые биообъекты, в том числе микроорганизмы» [14, с. 27]. Важность такого рода исследований подчеркивал и В. И. Вернадский в труде «Очерки геохимии» и др.

Конкретные эксперименты по выявлению воздействий космических факторов (электромагнитных излучений, потоков заряженных и электрически нейтральных частиц и других излучений из

космического пространства) позволили А. Л. Чижевскому установить, что при исключении воздействий данных излучений на колонии микроорганизмов их рост неизменно увеличивается. Последующие исследования влияния космических факторов на живые объекты биосферы привели к становлению «космической эпидемиологии и космической микробиологии» [14, с. 27]. Основателем этих научных дисциплин является русский космист А. Л. Чижевский.

«Человечество находится под постоянным воздействием Космоса» (А. Л. Чижевский)

Последующие исследования А. Л. Чижевского по выявлению места и роли «космических сил» в бытии органического мира Земли только подтверждали предположение, вынесенное в заголовке настоящего раздела. Окончательный вывод по рассматриваемому вопросу был сделан в труде «Земное эхо солнечных бурь», в котором весьма четко выражено содержание космической идеи А. Л. Чижевского: «...и человек, и микроб – существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями» [12, с. 331]. Эту идею ученый пытался перенести и на социальные процессы. Предметными в его космической философии были исследования влияния космических факторов на жизнедеятельность человека, коллективов людей и всемирно-исторический процесс. Конкретное проявление и освещение этих факторов осуществлялось и в специальных трудах А. Л. Чижевского.

Первой из таких работ стала его докторская диссертация «О периодичности всемирно-исторического процесса», защищенная в 1918 г. в Московском государственном университете. Позже, в 1924 г. основные положения и выводы работы были опубликованы в небольшой книге «Физические факторы исторического процесса». Рассмотрим, чем примечательна эта книга, как она повлияла на направление последующих исследований А. Л. Чижевского и его судьбу.

В рамках настоящего исследования данная книга примечательна тем, что в ее вводной части автор приводит уже цитировавшиеся строки стихотворения Ф. И. Тютчева, а также формулирует желание рассмотреть «созвучье» жизнедеятельности людей и динамики общества с космическими факторами и прежде всего излучениями Солнца. Решение поставленной задачи А. Л. Чижевский начинает с констатации того факта, что люди с глубокой древности «чувствовали свою зависимость от Солнца» и «угадывали» то, что «судьбы Земли тесно связаны с судьбами Солнца» [9, с. 15]. Однако конкретных подтверждений такого рода зависимостей и связей не было получено и к началу XX в., но

на основании первых исследований такого рода влияний на живые компоненты биосферы ученым было сформулировано предположение о космической выраженности жизни: «Мы вправе рассматривать весь органический мир нашей планеты как творчество, как отражение космического процесса, происходящего за сотни миллионов километров от нас. *И в этом смысле жизнь* должна считаться явлением космическим, работой космических сил» [11, с. 135].

они признавались такими авторитетными учеными, как В. М. Бехтерев, П. П. Лазарев, И. П. Павлов и др. А. Л. Чижевский в труде «Физические факторы исторического процесса» приводит суждения ученых, касающиеся рассматриваемого вопроса.

Так, В. М. Бехтерев в книге «Коллективная рефлексология» (1921) утверждал, что зависимость жизнедеятельности людей не определяется только состоянием природы Земли, «но имеет значительно более широкую пространственность, простирающуюся во глубь Вселенной и с ее неиссякаемым количеством притекающей к нам мировой энергии» [14, с. 24]. Созвучные мысли высказывали П. П. Лазарев и И. П. Павлов.

Влияние мировой энергии на жизнедеятельность людей А. Л. Чижевский подтверждает историческими фактами (восстаниями, войнами, захватами чужих территорий и т. д.), обусловленными повышением или понижением деятельности больших групп людей и всемирно-исторического процесса в целом. Оказалось, что они имеют циклическую выраженность, соответствующую солнечной активности: «Течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежутки времени, равный, в среднестатистическом, 11 годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности Солнца» [9, с. 50].

В такой период на Землю, а соответственно, и на людей усиливается воздействие солнечной энергии, это приводит к резкому изменению в сторону активизации психических состояний людей и изменению их поведения в том же направлении. И, наоборот, столь же быстрое понижение солнечной активности сопровождается уменьшением активности людей. Из всего установленного А. Л. Чижевским был сделан вывод о том, что «есть некоторая внеземная сила, воздействующая извне на развитие событий в человеческих сообществах. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности служит лучшим указанием на эту силу» [9, с. 52].

Положения и выводы относительно влияния космических факторов на всемирно-исторический

процесс А. Л. Чижевский не считал категоричными и окончательными, а проведенные исследования – законченными. По убеждению ученого, они нуждаются в продолжении и конкретизации. Осознавал он и то, что уже осуществленные исследования и сделанные из них выводы могут стать предметом спекуляций и весьма примитивных оценок. Во избежание этого А. Л. Чижевский пытался уменьшить пыл тех читателей его книги, которые способны искаженно комментировать ее содержание: «Было бы совершенно ошибочно предполагать, что периодическая деятельность солнца является основной причиной тех или иных исторических событий. Всякое такое событие есть динамическая реакция человеческих масс от всех действующих на них политических и экономических, а равно и естественных раздражителей, изменяющих их поведение и обуславливающих собою интеллектуальное и социальное развитие человечества» [13, с. 60].

Однако процитированное положение не спасло автора от вульгаризации обосновываемой им идеи. По свидетельству А. Л. Чижевского, содержание его работ в «грубо извращенной форме <...> было доложено И. В. Сталину». Только благодаря «личному разговору» народного комиссара здравоохранения Н. А. Семашко с И. В. Сталиным дело А. Л. Чижевского «уладилось без каких-либо последствий» [5, с. 528]. Тем не менее от ученого «требовали официального отказа от собственных многолетних исследований, требовали покаяния и публичного осквернения собственных работ и отречения от них» [5, с. 528], но и в таких условиях он продолжал работу по выявлению влияния космических факторов на всемирно-исторический процесс. Итоги были подведены в 1931 г. в труде «Земля в объятиях Солнца», который был опубликован только в 1995 г.

В указанной работе на основе обобщения дополнительных исторических фактов периодичности повышения активности больших коллективов людей был сделан вывод о том, что исторические и общественные явления наступают не произвольно, не когда угодно, не безразлично по отношению ко времени, а подчиняются и зависят от периодических законов солнечной активности. По заключению А. Л. Чижевского, «длительные массовые движения протекают по циклу солнцедетельности и обнаруживают с этим циклом синхронные колебания: поведение масс, выражающееся в различных степенях нервно-психической возбудимости, претерпевает колебания, идущие вполне параллельно с колебаниями в интенсивности пятнообразовательного процесса» на Солнце [20, с. 301].

На последующих страницах процитированной работы нервно-психическая возбудимость людей возводится в ранг важнейшего фактора исторического процесса: «Бог истории – это инстинкт, физиологическая реакция человечества на непрерывное

воздействие внешнего мира» [11, с. 642]. С признанием данного положения, по мнению А. Л. Чижевского, должна измениться и научно-познавательная деятельность историков. Ученый утверждал, что «историей надлежит заниматься психиатрам и невропатологам, а историкам изучать психиатрию» [11, с. 642]. При этом особое внимание он обращал на выявление роли условных рефлексов в «актах социального поведения» людей [11, с. 647]. Выражалась уверенность и в том, что представителями медицины и истории при изменении ориентации познавательной деятельности с «лица истории» будет «сорвана та маска», которая скрывала истинные закономерности исторического процесса, а «периодичность» этого процесса предстанет «как результат статистического учета основных массовых движений, как следствие влияния внешней природы на известные физиологические функции нервно-психического аппарата человека, как нам представляется это явление в дифференциальном его диагнозе» [11, с. 675].

В процитированном суждении необходимо уточнить выражение «внешняя природа». В трудах А. Л. Чижевского под внешней природой понимается не только земная окружающая человека, но и космическая среда (лучи Солнца, магнитные бури, различные типы излучений и т. д.), влияющая на жизнедеятельность людей.

Космист, однако, не отрицал и роли политических, экономических и других социальных факторов в обусловленности исторического процесса. А. Л. Чижевский пытался представить исторический процесс как интегральное целое социального и космического: «Социально-исторический процесс не является процессом замкнутым в самом себе, а протекает под воздействием всей сложной совокупности явлений окружающей его природы как неофического (социального. – П. К.), так и космического порядка» [11, с. 673].

Стоит отметить, что сформулированный вывод не стал основополагающим в космической философии А. Л. Чижевского. Центральной идеей явилось признание корреляции между процессами в «солнечном и в человеческом мире» и того, что «над всемирно-историческим процессом, поскольку он выражается в форме движений больших человеческих коллективов, тяготеет принуждение физического закона в его наиболее строгом значении» [11, с. 678]. Именно данный закон фиксирует, по мнению автора, наличие детерминированности ритмичности процессов биосферы Земли и общества периодичностью активности явлений в космосе. Исследование им особенностей данной детерминации завершается выводом о том, что «человечество, населяющее Землю, находится под постоянным, мощным и сложным воздействием Космоса, которое мы лишь с трудом учимся улав-

ливать и понимать. Но для нас уже нет никакого сомнения в том, что жизнедеятельность и отдельного человека, и всего человечества находится в тесной связи с жизнедеятельностью всей Вселенной, охватывающей земной шар со всех сторон» [11, с. 695].

Исследование всего этого А. Л. Чижевский считал важнейшей задачей научного знания. При этом особую роль ученый отводил общественным наукам, именно они, по убеждению А. Л. Чижевского, должны заняться «всесторонним исследованием затронутых им вопросов», а решение заданных проблем «может повлечь ломку самых различных укоренившихся в среде человечества сторон общественной жизни и немедленно должно будет от-

разиться на юриспруденции, дипломатии, труде, художественном и научном творчестве, не говоря, конечно, о военных или политических отраслях знания» [11, с. 688].

Сегодня поставленные именитым представителем русского космизма вопросы исследуются неактивно. Сам же А. Л. Чижевский созвучно биосферным идеям Вернадского обосновал хотя и спорную, но оригинальную концепцию всемирно-исторического процесса. Она не была по достоинству оценена руководящими структурами советской науки и чаще всего трактовалась в духе редукционизма – сведения социальных закономерностей к биологическим и физическим.

Гуманистическая выраженность творческой и практической деятельности А. Л. Чижевского

Приверженность А. Л. Чижевского идеям космизма обусловила его творческую дружбу с К. Э. Циолковским. А. Л. Чижевский проделал много работы с целью утвердить приоритет своего учителя и друга в области космонавтики. Их объединяла идея познания космоса, овладения его тайнами и использования этого знания для нужд человека и человечества. А. Л. Чижевский писал: «В этом назначение человечества, смысл его существования» [1, с. 201]. На данном пути человечеству нужно решать и текущие проблемы. Одной из них космист считал усиливающееся загрязнение человеком окружающей природы. В конце жизни А. Л. Чижевский говорил о необходимости «принятия самых срочных, самых неотложных мер борьбы с надвигающейся всемирной катастрофой – быстрым возрастанием интенсивности радиаций в мировом воздушном океане, в водах озер, морей и океанов, на суше и вблизи ее поверхности» [1, с. 151]. В наши дни отмеченная выше экологическая проблема требует решения. Призыв неравнодушного к человеческому бытию А. Л. Чижевского, к осмыслению и решению затронутых проблем остается значимым и в XXI в.

Подчеркивал А. Л. Чижевский и необходимость охраны космоса от вносимых туда человеком предметов технической деятельности. В наши дни проблему охраны космоса следует считать столь же значимой, как и охрану биосферы Земли. Человечество, считал он, призвано обустроить свою земную и космическую среду жизни на высших принципах добра и идеала. Указанные причины являются стержнем космической философии А. Л. Чижевского, существенное положение в ней занимает проблема человека, обоснование возможности его высокого интеллектуального развития и нравственного совершенства. Величие человека космист видел в величии его духа [1, с. 42].

Не теряют своей актуальности и идеи А. Л. Чижевского относительно интеграции усилий всех стран и народов, направленных на решение затронутых им проблем. Со своих теоретических и гуманистических позиций ученым обосновывалась важность становления такого миропорядка на Земле, где «не должно быть вражды между странами» [1, с. 198]. Сам А. Л. Чижевский не проявлял вражды даже к тем представителям научного знания, которые сознательно дискредитировали его научные идеи, препятствовали их публикации и признанию в научном сообществе. Наоборот, космист демонстрировал самые значимые личностные качества: приверженность научному и художественному творчеству даже в самые неблагоприятные периоды своей жизни, высокие моральные устои, верность идеям гуманизма, активную жизненную позицию в отношении внедрения достигнутых научных результатов в практику и т. д. Ученый продолжил лучшие традиции русской научной интеллигенции и занял достойное место в группе, которую сейчас называют «русский космизм». А. Л. Чижевский стал общепризнанным лидером в области космической лирики и космического естествознания, а также практического использования их достижений. Нельзя не отметить и вклад А. Л. Чижевского в разработку проблемы аэроионификации воздуха в жилых помещениях. Подробно данная проблема освещена в его труде «Аэроионификация в народном хозяйстве»².

В истинности своей идеи космизма А. Л. Чижевский никогда не сомневался. Эту уверенность укрепляли и оценки его научных достижений, которые давали выдающиеся представители русского космизма старшего возраста – В. И. Вернадский и К. Э. Циолковский. А. Л. Чижевский ценил их советы и пожелания относительно дальнейших направлений проводимых исследований. Так,

²Чижевский А. Л. Аэроионификация в народном хозяйстве. М.: Стройиздат, 1989.

в последней незавершенной научной публикации «В ритме Солнца» (1969) космист воспроизводит обсуждение состояния и направленности исследований с В. И. Вернадским, которое состоялось во время их личного знакомства в 1930 г. В. И. Вернадский говорил, что эти исследования «могут привести к великим открытиям», а сам А. Л. Чижевский был «ошеломлен великими знаниями и широтой кругозора» своего собеседника [13, с. 66].

До конца жизни А. Л. Чижевский сверял развиваемые им идеи космизма с положениями В. И. Вернадского. В качестве подтверждения этого факта может выступать вышеназванная работа. В ней имеет место цитирование ряда положений труда «Биосфера» (1960). А. Л. Чижевский подтверждал истинность этих положений результатами своих исследований. В силу этого космизм В. И. Вернадского становился научно обоснованным учением.

В творчестве А. Л. Чижевского в одно целое слились обособленные течения русского космизма: литературно-художественное, научное и философское. Благодаря ученому русский космизм предстал как совокупность взаимосвязанных философских, литературно-художественных и естественно-научных представлений о зависимости бытия биосферы Земли, в том числе и человека, от Космоса, разумном отношении людей к своему природному окружению и его сохранению.

Научное и литературно-художественное творчество А. Л. Чижевского заслуживают быть включенным в учебную работу со студентами, магистрантами и аспирантами различных факультетов, до сознания которых следует доводить объективное содержание пионерских достижений этого представителя русского космизма, их значимости для современной науки и культуры.

Библиографические ссылки

1. Чижевский А. Л. Вся жизнь. М. : Сов. Россия, 1974.
2. Меморандум о научных трудах профессора Чижевского // Ягодинский В. Н. Александр Леонидович Чижевский. 1897–1964. М. : Наука, 1987. С. 261–269.
3. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее XXI века. СПб. : Астория, 2010.
4. Чижевский А. Л. Стихотворения. М. : Современник, 1987.
5. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания. М. : Мысль, 1995.
6. Ягодинский В. Н. Александр Леонидович Чижевский 1897–1964. М. : Наука, 1987.
7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989.
8. Вернадский В. И. Очерки геохимии. М. : Наука, 1983.
9. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
10. Карако П. С. Природа в художественной литературе. Минск : Экоперспектива, 2009.
11. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М. : Мысль, 1995.
12. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М. : Мысль, 1976.
13. Чижевский А. Л. В ритме Солнца. М. : Наука, 1969.
14. Чижевский А. Л. Солнце и мы. М. : Знание, 1963.

References

1. Chizhevsky A. L. Vsyazhizn' [Entire life]. Moscow : Sov. Rossia, 1974 (in Russ.).
2. [Memorandum on scientific works of Professor Chizhevsky]. In: *Aleksandr Leonidovich Chizhevskii 1897–1964* [Alexander Chizhevsky. 1897–1964]. Moscow : Nauka, 1987. P. 261–269 (in Russ.).
3. Subetto A. I. Noosfernyi proryv Rossii v budushhee XXI veka [Russia's Noosphere Breakthrough into the Future of the XXI Century]. Saint Petersburg : Astoria, 2010 (in Russ.).
4. Chizhevskiy A. L. Stihotvoreniya [Poetry]. Moscow : Sovremennik, 1987 (in Russ.).
5. Chizhevsky A. L. Na beregu vselennoi: Gody druzhby s Tsiolkovskim: Vospominaniya [On the Shore of the Universe: Years of Friendship with Tsiolkovsky: memories]. Moscow : Mysl', 1995 (in Russ.).
6. Jagodinsky V. N. Aleksandr Leonidovich Chizhevskij 1897–1964 [Alexander Chizhevsky. 1897–1964]. Moscow : Nauka, 1987 (in Russ.).
7. Vernadsky V. I. Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]. Moscow : Nauka, 1989 (in Russ.).
8. Vernadsky V. I. Ocherki geokhimii [Essays on Geochemistry]. Moscow : Nauka, 1983 (in Russ.).
9. Tchijevsky A. L. Fizicheskie faktory istoricheskogo processa [The physical factors of the historical process]. Kaluga, 1924 (in Russ.).
10. Karako P. S. Priroda v hudozhestvennoi literature [Nature in fiction]. Minsk : Ekoperspektiva, 2009 (in Russ.).
11. Chizhevsky A. L. Kosmicheskii pul's zhizni: zemlya v ob'ytiyakh Solntsa. Geliotaraksy [The cosmic pulse of life: The Earth is in the embrace of the Sun. Heliotaraxya]. Moscow : Mysl', 1995 (in Russ.).
12. Chizhevsky A. L. Zemnoe ekho solnechnykh bur' [Earth echo of solar storms]. Moscow : Mysl', 1976 (in Russ.).
13. Chizhevsky A. L. V ritme Solntsa [In the rhythm of the sun]. Moscow : Nauka, 1969 (in Russ.).
14. Chizhevsky A. L. Solntse i my [The sun and we]. Moscow : Znanie, 1963 (in Russ.).

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

METHODOLOGY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

УДК 316.627

ВОЗМОЖНО ЛИ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ БЫТИЯ?

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье показано, как с помощью программы постижения Бытия М. Хайдеггера можно подойти к экспериментальному исследованию Бытия в рамках теории темпоральной обратной связи. Бытие всегда выступало предметом метафизики. В конце XX в. оно вошло в орбиту интересов естественных наук. Так, например, причинная интерпретация квантовой механики Дэвида Бома позволяла предположить существование более тонких уровней реальности и предполагает основой видимого мира фитонный вакуум. Похожую схему предлагает теория субстанциональных потоков А. П. Левича. Теория темпоральной обратной связи работает с аналогичной моделью. Оттолкнувшись от мысли М. Хайдеггера о том, что Бытие имеет человеческое измерение. Только выяснение сущности человеческого бытия раскрывает сущность самого Бытия. Отражение сущности Бытия в человеческом бытии предполагает использование психологических методов. Обосновано применение психосемантического эксперимента.

Ключевые слова: Бытие; существование; темпоральная обратная связь; фрейм; прототип; экземпляр; схема.

IS IT POSSIBLE TO HAVE SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF BEING?

V. A. POLIKARPOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Being was always the subject of metaphysics. At the end of the XX century, it entered the orbit of the interests of the natural sciences. For example, the causal interpretation of quantum mechanics, David Bohm, which opens the possibility of assuming the existence of more subtle levels of reality, presupposes a phyton vacuum as the basis of the visible world. A similar scheme is suggested by the concept of the Higgs field, or the theory of substantial flows of A. P. Levich. The theory

Образец цитирования:

Поликарпов В. А. Возможно ли научное познание Бытия? // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 51–55.

For citation:

Polikarpov V. A. Is it possible to have scientific knowledge of Being? *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 51–55 (in Russ.).

Автор:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
polikarpoff2@yandex.ru

of temporal feedback works with a similar model. The article shows how, using the program of comprehension of Being proposed by M. Heidegger, one can approach the experimental study of Being within the framework of the theory of temporal feedback. The author starts from the idea of M. Heidegger that Being is of a purely human dimension. Only the elucidation of the essence of human existence reveals the essence of Being itself. The reflection of the essence of Being in human existence presupposes the use of psychological methods. The author substantiates the application of the psychosemantic experiment.

Key words: Being; existence; temporal feedback; frame; prototype; instance; scheme.

До сего времени это была всего лишь философская абстракция, но профессор Шарко показал нам, как до нее добраться и пощупать.
Зигмунд Фрейд

Теория. Подтверждено существование бозона Хиггса. Просто его суть можно передать следующим образом. Сквозь нашу Вселенную проходит некое поле. Носителем его является бозон Хиггса. Это поле сообщает массу всем элементарным частицам Вселенной. Масса – это гравитация.

Теория темпоральной обратной связи работает с аналогичной моделью. Отличие в том, что мы вводим еще одно измерение, из которого и осуществляется влияние. Мы полагаем, что бозон Хиггса лишь внешнее, пока зарегистрированное проявление субстанциональных потоков.

Здесь следует пояснить. Теория субстанциональных потоков А. П. Левича гласит: «Существуют субстанциональные потоки на глубинных уровнях строения материи, которые порождают генеральный процесс – замены элементов, вызывающий изменения в любой системе» [1]. Нетрудно понять, что эти потоки перпендикулярны к нашему миру (иначе они бы спутались) и текут из будущего в прошлое, являясь, таким образом, субстанцией времени.

Это и есть механизм гравитации. Мы берем на себя смелость утверждать, что теория субстанциональных потоков А. П. Левича имплицитно содержит в себе теорию гравитации. Воспользуемся аналогией. Возьмем два параллельных проводника. Пропустим по ним ток в одном направлении. Провода притянутся друг к другу. Вот так же притягиваются друг к другу субстанциональные потоки. Чем массивнее тело, тем больше в нем субстанциональных потоков, тем большей гравитацией оно обладает.

Следующий этап развития теории темпоральной обратной связи – исследование аттракторов, порождающих события в нашей реальности. С точки зрения Н. Оливи-Тран, это невозможно, так как они находятся в другом, параллельном нашему миру [2, с. 4]. Но так ли это? Действительно ли этот мир полностью недоступен? Нет ли в истории науки и философии попыток проникнуть в него? Воспользуемся опытом Мартина Хайдеггера. Посмотрим, как он решает эту проблему, и нет ли воз-

можности каким-то образом воспользоваться его подходом?

Когда Хайдеггер утверждает, что Бытие – исходное условие существования, он, по сути, говорит то же, что и мы [3]. Наше определение: Время – это то, что создает временное, и отнесение первого к миру Бытия, а второго к миру существования, по сути, лишь использует другие термины. Для Хайдеггера Бытие – это основание, дающее всему прочему достичь существования. Все прочее именуется у Хайдеггера сущим. При этом всякое сущее темпорально, т. е. временно. Рано или поздно оно заканчивается. Темпоральность – неотделимое свойство всякого сущего.

Мы не воспринимаем непосредственно Бытие, а только сущее, существующее в силу Бытия.

Но как же понять ускользающую природу Бытия? И здесь Хайдеггер возвращается к общефилософской традиции, обращая внимание на специфику именно человеческого существования: мы отличаемся от всего остального сущего тем, что способны задавать вопросы о существовании и о Бытии. Он делает вывод: если мы можем задавать вопросы о Бытии, значит, можем на них ответить.

Хайдеггер утверждает, что человеческое существо – тот особый род сущего, в котором Бытие обнаруживает себя и может быть познано. Здесь он отходит от исходных позиций, от критики вообще всех философов (начиная с Платона, затем Декарта и далее) за их выбор мыслящей субстанции в качестве предмета философии и забвение Бытия. И вот он сам возвращается к ней. Далее. Вот то, что особенно ценно для нас. Чтобы понять Бытие, Хайдеггер предлагает провести феноменологическое исследование человека. Это интересно. Правда, Хайдеггер предлагает взять человека в его серой повседневности и человека наиболее типичного. Мы же полагаем, это должна быть пограничная ситуация и человек – особенный. Впрочем, в пограничной ситуации каждый обычный человек хотя бы ненадолго становится особенным. Это как в сказке «Ангел и Ганимед»: «...он стал бы философом, если бы не погиб в следующем бою» [4].

Разберемся далее с хайдеггеровской терминологией. Чтобы подчеркнуть особенность такого сущего, как человек, он называет это сущее *Dasein*. Мы настаиваем на переводе – бытие-здесь [5]. Все остальные переводы неточны. Хайдеггер имеет в виду присутствие Бытия в мире существования и его доступность тем самым наблюдению и познанию. Оно присутствует в человеке и через человека. Поэтому такое специфическое сущее, как человек, названо Хайдеггером «бытие-здесь», или «здесь-бытие». Это то Бытие, тот фрагмент Бытия, который находится здесь, в мире существования.

Хайдеггер реализует свою программу в два этапа. На первом этапе он открывает банальную социализацию. Обозначает ее как вброшенность. В этом присутствует почти вся наша советская психология, начиная с Л. С. Выготского, кроме интересного понятия *das Man*. Поэтому будем кратки. Человек формируется социальным окружением и культурой. Новорожденный с самого начала попадает в руки окружающих, и его *Dasein* целиком определяется его средой. Социальное окружение, в которое вброшен человек, Хайдеггер называет *die Welt* – мир. Бывают разные миры. Мир науки, мир спорта, деловой мир и т. п. Они не пересекаются, и люди, принадлежащие к разным мирам, никогда не поймут друг друга. *Dasein* определяется вовлеченностью в разные миры. Хайдеггер называет это *in-der-Welt-Sein*, или бытие-в-мире. Мир формируют люди, их сообщество Хайдеггер назвал *das Man*. (Интересно, что у русского писателя В. Ф. Одоевского есть аналогичное по содержанию понятие, обозначенное им «княжна Мими».) *Das Man* требует жить как все. Быть как все. В то же время *das Man* безличен. Некоторые переводчики переводят его как «Нечто» или «Оно».

Нет ли здесь подсказки? Когда-то мы с А. В. Брушлинским выявили нечто подобное в эксперименте. В диалоге, который, как известно, есть взаимодействие двух смысловых позиций, обнаружилась третья смысловая позиция, никому из участников диалога не принадлежащая и влиявшая на диалог [6, с. 105]. Значит, возможно экспериментальное исследование *das Man*! Возьмем это на заметку. *Das Man* – проекция Бытия в мир существования, его присутствие, делающее его доступным исследованию.

Что касается культуры, вряд ли мы придем к Бытию. Культура – горизонт реальности. Предел достигнутого. Здесь нет места это объяснять.

На втором этапе Хайдеггер обращается к анализу языка. Потерпев неудачу с социализацией и культурой и, видимо, не желая отказываться от своей программы, он находит выход в исследовании языка, поскольку язык является социальной деятельностью и в то же время позволяет осознать

нашу отнесенность к Бытию. Хайдеггер решает двигаться назад от горизонта достигнутого, в прошлое, отыскивая *die Ursprache* – первый язык, вслушиваясь в который можно постичь первоначальное значение слов, что и передаст суть Бытия. Такой метод вслушивания и понимания его результатов Хайдеггер назвал «феноменологическая герменевтика». Он очень изящно работал с древнегреческим языком, наиболее близким, по его мнению, к языку.

Однако этот метод нам не подходит по той же причине, по какой мы не можем согласиться и с абсолютной аксиомой Декарта: мыслящая субстанция существует, более известной как «я мыслю, следовательно я существую». В качестве возражения приведем лишь одно суждение К. Г. Юнга: «Если задуматься, человек никогда ничего полностью не воспринимает и никогда ничего полностью не понимает» [7, с. 200]. Короче говоря, ты ли это мыслишь, или тобой мыслит кто-то другой – еще вопрос. Сняв все слои ржавчины, какими история заслонила исходный опыт слов, мы не обнаружим ничего.

В конце жизни Хайдеггер предпринял попытку перейти к третьему этапу. Он предположил, что Бытие отражается в искусстве. Однако этот вариант остался неразработанным. Это направление можно попытаться пройти до конца. Ведь Бытие, как и бессознательное, говорит с нами языком символов. В отличие от знака символ подразумевает нечто большее, чем его очевидное и непосредственное значение, ведет нас в области, находящиеся за пределами здравого смысла. Не менее важна связь символа с аффектом. Здесь кстати вспомнить слова А. Эйнштейна: «Достоевский дал мне больше, чем математика, больше, чем Гаусс».

Тезис «если можешь задавать вопросы, то можешь на них ответить» слишком гуманитарен. Но если действительно Бытие опрокинуто в психику, как опрокинуты отражения мостов в проплывающую под ними реку, почему бы не поискать в ней отражение аттракторов? Может быть, ответ на вопрос об их природе в семантической организации психики? Тогда семантический эксперимент становится как бы четвертым этапом хайдеггеровской программы. Что же, по крайней мере, методологической базой мы обеспечены.

Психосемантический эксперимент. Мы можем с достаточной определенностью сказать, что мир, в котором возникают и откуда приходят к нам события, проявляется и значит организован как психическая реальность. И темпоральная обратная связь ведет себя как известная нам информационная обратная связь, свойственная таким сложноорганизованным системам, как человек или общество. И для того, чтобы хоть немного проникнуть

в этот мир, предполагается использовать методы психосемантики. Планируется попытка сделать хотя бы категоризацию аттракторов.

Категоризация аттракторов – это их идентификация и группировка в одну категорию. По Дж. Брунеру, категории – это правила, по которым предметы относятся к определенным классам. Можно предложить несколько концепций в исследовании структур и процессов категориальной организации аттракторов.

1. Концепция фреймов. Фрейм состоит из понятий, всегда верных по отношению к предлагаемой ситуации (верхний уровень), и более низких уровней терминов (или «ячеек»), которые должны быть заполнены характерными приметами. Эти приметы мы называем «индексами» – признаками грядущих событий.

2. Концепция прототипов. Прототип – наилучший пример класса, который интегрирует все наиболее типичные характеристики. Например, представителем концепта «птицы» является воробей, а концепта «фрукты» – яблоко. В этом случае принадлежность аттрактора к классу определяется в терминах расстояния, а не в терминах свойств. Можно выделить две теории прототипов. Теория центральной тенденции полагает, что прототип представляет собой среднее из всех экземпляров. Таким образом, прототип – это центральная тенденция некоторой категории. Теория частоты признаков основана на предположении, что прототип отражает моду или наиболее часто встречающееся сочетание признаков. Здесь прототип – синоним лучшего экземпляра.

3. Концепция экземпляров. Производит идентификацию аттрактора на основе его близости ко всем имеющимся экземплярам, его типичность есть функция этой близости. Эта концепция имеет много общего с принципом семейных сходств, так как оба они полагаются на закон подобия: если два предмета похожи, то они принадлежат одной категории.

4. Концепция схем. Схемы представляют собой организованные пакеты аттракторов, обеспечивающих протекание того или иного события.

Правильное понимание «топологии» аттракторов позволит эффективнее организовать взаимодействие с ними. Эта задача требует перехода от метода наблюдения к методу эксперимента.

По результатам метода наблюдения можно предположить, что используется принцип прототипов. Но это лишь гипотеза, основанная на следующих наблюдениях.

17 ноября 2009 г. на семинаре в Институте исследования природы времени в Москве мы говорили о возможности создания темпоральной бомбы. Любое событие, которое имеет место в мире существования (т. е. в так называемом нашем мире), порождается неким аттрактором, действующим из другого, параллельного нашему, мира (из мира Бытия, говоря языком классической философии). Нормальное действие аттрактора обеспечивается темпоральной обратной связью. Если прервать обратную связь, событие исчезнет. Мы назвали это – темпоральная бомба. В своем докладе мы говорили, что так можно уничтожить, например, всех дрозофил. Причем теоретически они должны исчезнуть сразу на всей планете одновременно, потому что темпоральная бомба поражает объекты не только в пространстве, но и во времени. 6 января 2011 г. прошло сообщение о массовой гибели черных дроздов. Одновременно в Скандинавии и в США они падали на землю мертвыми. В одном месте в США их упало сразу 500 штук. Вслед за этим произошла массовая гибель сардин в Калифорнии. Причина их гибели неизвестна. Что это, испытание темпорального оружия? (Как видно из сказанного, мы думали опробовать все это на дрозофилах.)

Если это так, то обратим внимание на то, что погибли не все черные дрозды, и, кроме того, другие птицы. То же касается сардин. Значит, больше шансов у «прототипической концепции».

Библиографические ссылки

1. Левич А. П. Природные референты «течения» времени: становление как изменение количества субстанции [Электронный ресурс] // Философия науки. 2000. Вып. 6. URL: <http://iph.ras.ru/page48386363.htm> (дата обращения: 08.11.2017).
2. Оливи-Тран Н. Пространственный анализ уравнения Эйнштейна-Гильберта (уравнение р-гравитационных полей) [Электронный ресурс]. URL: http://centr.skrauchenko.ru/index.htm/sites/default/files/Olivi-Tran_1.pdf (дата обращения: 08.11.2017).
3. Поликарпов В. А. Структуры времени (субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии) // Философия и социал. науки. 2007. № 2. С. 76–85.
4. Поликарпов В. А. Ангел и Ганимед [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2011/03/04/639> (дата обращения: 08.11.2017).
5. Поликарпов В. А. Dasein-анализ как метод психотерапии // Dasein-анализ в философии и психологии : сб. науч. работ / под ред. А. А. Михайлова [и др.]. Минск, 1999.
6. Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. Самара : Самар. дом печати, 1999.
7. Юнг К. Г. Символическая жизнь. 2-е изд. / пер. с англ. В. В. Зеленовского. М. : Когито-Центр, 2010.

References

1. Levich A. P. [Natural referents of the «flow» of time: becoming as a change in the amount of substance]. *Filosofiya nauki*. 2000. Vol. 6. URL: <http://iph.ras.ru/page48386363.htm> (date of access: 08.11.2017) (in Russ.).
2. Olivi-Tran N. Spatial analysis of the Einstein-Hilbert equation. URL: http://centr.skrauchenko.ru/index.htm/sites/default/files/Olivi-Tran_1.pdf (date of access: 08.11.2017) (in Russ.).
3. Polikarpov V. A. Structures of time (substantial concept of time through the focus of psychology). *Filosofiya i sotsial. nauki* [Philosophy and Soc. Sci.]. 2007. No. 2. P. 76–85 (in Russ.).
4. Polikarpov V. A. Angel and Ganymede. *Proza.ru*. URL: <http://www.proza.ru/2011/03/04/639> (date of access: 08.11.2017) (in Russ.).
5. Polikarpov V. A. [Dasein-analysis as a method of psychotherapy]. In: *Dasein-analiz v filosofii i psikhologii* [Dasein-analysis in philosophy and psychology] : collect. of sci. works. Minsk, 1999 (in Russ.).
6. Brushlinsky A. V., Polikarpov V. A. *Myshlenie i obshchenie* [Thinking and communication]. Samara : Samar. dom pechaty, 1999 (in Russ.).
7. Jung C. G. *Simvolicheskaya zhizn'* [Symbolic life]. 2nd ed. Moscow : Kogito-Tsentr, 2010 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.12.2017.
Received by editorial board 12.12.2017.

УДК 316.774:159

КОММУНИКАТИВНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ И ДЕСТРУКТИВНОСТЬ

Т. Г. КАМЕНСКАЯ¹⁾

¹⁾Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
ул. Дворянская, 2, 65082, г. Одесса, Украина

Уточняются характеристики коммуникационных технологий, которые возникают в современном мире или трансформируются из прежних традиционных приемов в инновационные формы коммуникативного взаимодействия. С помощью экспликативного метода по уточнению характеристик ряда коммуникативных приемов показано, что их усовершенствование не только способствует взаимопониманию, но и влечет за собой негативные, разрушительные последствия. Утверждается, что современная коммуникативная деструктивность осуществляется при помощи таких технологий, как интрига, подстрекательство, ложь (сокрытие истинных целей), вранье, фэйковость, троллинг. Выявлено, что из перечисленных технологий только подстрекательство зафиксировано в юридической литературе в качестве криминального действия, остальные приемы воздействия трудно доказуемы и остаются без уголовного или административного наказания. Показано, что создаваемые с помощью интернета агрессивные технологии постепенно получают разоблачение с помощью той же компьютерной техники и только основанные на человеческом потенциале интрига и ложь ускользают от обнаружения и наказания.

Ключевые слова: интрига; подстрекательство; ложь; вранье; фэйковость; троллинг.

Образец цитирования:

Каменская Т. Г. Коммуникативная креативность и деструктивность // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 56–61.

For citation:

Kamenskaya T. G. Communicative creativity and destructiveness. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 56–61 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Григорьевна Каменская – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета международных отношений, политологии и социологии.

Author:

Tatyana G. Kamenskaya, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of international relations, political science and sociology. nikadevichya@mail.ru

COMMUNICATIVE CREATIVITY AND DESTRUCTIVENESS

T. G. KAMENSKAYA^a

^aOdessa I. I. Mechnikov National University, 2 Dvoryanskaya Street, Odessa 65082, Ukraine

The author specifies characteristics of communicative technologies which emerge in contemporary world or derive from early traditional tricks into innovative forms of communicative cooperation. The use of explicative method has helped to update characteristics of some communicative patterns, and thus has demonstrated that while developing they do not only conduce to mutual understanding but are also exploited with negative and destructive consequences. It is claimed that current communicative destructiveness is carried out with the help of such technologies as intrigue, instigation, lies (concealing true intentions), fibs, faking, trolling. It has been defined that from the technologies mentioned above only instigation is written down in law and is subject to legal prosecution. Other acts of influence are difficult to convict and do not result in criminal or administrative penalty. The aggressive technologies created via internet are gradually debunked with the help of the same computer stuff. And only human based aggressive social communicative technologies of intrigue and lies are still difficult to reveal and penalize.

Key words: intrigue; instigation; lies; fibs; faking; trolling.

Введение

Во множествах достижений человеческого гения продолжает сохраняться амбивалентная сущность: открытия в любой отрасли знания приносят в жизнь как улучшения, так и разрушения. В конце XX в., когда позитивная наука передавала людям особенно много благ в материальной сфере обустройства жизни, представитель феноменологии Э. Гуссерль говорил о надвигающемся скептицизме, способном погрузить европейское общество в кризис. В этом обозначилась некая смещенная амбивалентность, выражающаяся в том, что позитивное состояние нарастает в материальной сфере, а противоположное (негативное) – в эмоционально-нравственной. Однако негативных эффектов от научных открытий безусловно предостаточно и в материальном мире, если учесть разрушительность оружия, техногенные катастрофы и под.

В современном мире человечество обрело новый высокоэффективный ресурс в виде киберинформационных средств и технологий. Появляются не только усовершенствования, в частности касающиеся коммуникации, но и деструктивные последствия. Ненасытность современных специалистов и рядовых пользователей в материально-финансовой сфере увлекает их в постоянное злоупотребление электронными средствами. Обеспечиваемые непосредственно компьютером финансовые операции с характерными нарушениями уже стало повседневностью. Скрытыми и неявными являются коммуникативные технологии воздействия на индивидов. С учетом сложных трансформационных процессов в таком обществе, как украинское, сегодня особо актуально исследование как открыто агрессивных, так и завуалированных моделей этих технологий.

В учебно-педагогической литературе на тему, касающуюся коммуникации, собраны разнообраз-

ные модели и типологии данного социального взаимодействия. В моделях коммуникации учитываются способности как коммуникантов, так и реципиентов, и те и другие могут различаться в плане восприятия, понимания и реагирования на информацию. В результате выделяются лидеры коммуникативных процессов, субдоминантные участники, а также жертвы коммуникативных технологий. Особое внимание привлекают вновь создаваемые социотехнологические средства воздействия в коммуникационных процессах. В настоящей работе целью ставится уточнение характеристик коммуникативных технологий, которые возникают в современном мире или трансформируются из прежних традиционных приемов в инновационные формы коммуникативного деструктивного взаимодействия.

Современный мир таков, что основная масса коммуникативных актов имеет целевую направленность в плане управления эмоциями, поведением и различными благами. В настоящей статье этими благами выступают интрига, подстрекательство, ложь (сокрытие истинных целей), вранье, распространяющаяся с огромной скоростью фэйковость, троллинг, а также приемы размытого источника, информационного мусора или информационного шума (отвлечение внимания).

Методология настоящего исследования основывается на принципах микросоциологии. В изучении современных социокультурных процессов будем исходить из того, что в обществе мультикультурализма в социальной организации появляются неожиданные комбинации ценностей и устремлений, новые комплексы поведенческих практик, новые феномены, для обозначения которых и само население, и исследователи подбирают специфические лексические обозначения. Например, 50 лет назад невозможно было предположить,

что в обществе возникнут отношения, специфику которых можно будет выразить словосочетанием «гибридная война» или «гибридный мир». Однако отношения между членами общества с такими оттенками полумира-полувойны уже выстроились, и для них потребовалось лексическое обозначение. Как правило, новые феномены обозначаются словосочетаниями, в которых заимствуются иностранные слова, используются герменевтические приемы истолкования смысловых оттенков слов, в том числе и мифорелигиозного происхождения. Иногда из забытой этимологии слов извлекают более точные, чем из привычной, обозначения современных явлений и процессов. Их истолкования приходят также и из древних мифов и легенд. Сегодня, помимо вполне известных слов «ложь», «вранье», появляется не просто заимствованное из английского языка слово «фэйк» (от англ. *fake*), но и новая реальность социальной жизни со специфическим оттенком. В связи с этим социологическим исследованиям часто предшествуют уточняющие лексико-герменевтические обзоры смысловых оттенков базовых понятий и терминов, введенные

с той целью, чтобы иметь под рукой вербальные фрагменты для обозначения вновь возникающих феноменов и обеспечения многообразия толкования одних и тех же понятий в различных социальных группах, слоях и контекстах.

Отправным пунктом экспликации настоящей статьи по уточнению характеристик целого ряда феноменов будет креативность, творчество (творческая составляющая) человеческой деятельности и поведения, которая в качестве позитивно оцениваемого импульса подвигает индивидов к созданию нового. Как известно, инновация в социогуманитарных науках рассматривается как привнесение в процесс производства и потребления нового с обязательно положительным эффектом. Креативность также априорно увязывается с открытием, изобретением, обнаружением, что позитивно оценивается и одобряется. Дальнейший жизненный путь креативного обнаружения может иметь направленность до противоположного полюса, вызывать негативные оценки, разочарования, осуждения. В этом случае обнаруживается деструкция позитивного.

Коммуникативные практики и технологии

Этимология слова «интрига» восходит к латинскому *intricare* – спутывать и *tricae* – козни или осложнения [1, S. 328]. В традиции зиммелевской микросоциологии этот феномен основательно изучен немецкими социологами, в частности Р. Утцем, написавшим монографию «Социология интриги». Он указывает на то, что в немецком словоупотреблении у слова «интрига» наблюдаются устойчивые смысловые значения. Ее цель состоит в том, чтобы «один работал против другого, расстраивал его планы, вредил»¹ [2, S. 1359], при этом средствами являются «созданные с помощью коварства и козней осложнения в поступках и личностных отношениях» [3, S. 199]. Также интрига в немецком языке – «искусственное тайное сплетение нитей для достижения определенных целей» [4, S. 821].

Интрига – это нелинейная коммуникация, осуществляемая при наличии минимум трех субъектов: интригана, его жертвы, исполнителя замыслов. В контексте социальной стратификации можно отметить, что интриган является инициативным, заинтересованным субъектом коммуникаций. Заинтересованность можно истолковать как ориентированность одного человека на получение какой-либо выгоды от потерь и затрат другого. Высокий интерес или направленность на получение определенной выгоды можно реализовать и напрямую с затратой определенных сил и ресурсов. Однако использование интриги как социотехнологи-

ческого средства выделяется тем, что сама интрига заменяет интригану недостающий ресурс. Тот, кто особенно сильно желает чего-либо непосильного, прибегает к организации интриги, благодаря чему он, особо не тратя энергию, получает выгоду за счет не только жертвы, но и посредника – исполнителя интриги.

Основываясь на толкованиях интриги в различных языках и литературных произведениях Западной Европы [5, S. 22–23], можно выделить содержательный потенциал интриганов. Им присущи следующие черты:

- ориентация в поступках и коммуникациях на планы и целерационально просчитанные проекты;
- проблемность натуры, попытка из корыстных соображений влиять на других, а также ввязаться в какое-либо дело;
- оперирование специфическим двуличием, заключающимся в двойственности внешнего вида и сущностных свойств;
- владение информацией и знаниями в условиях их дефицита для других;
- обладание изощренным воображением, креативным мышлением;
- аморальность, циничность, поскольку в организации интриги они сознательно прибегают к лжи, притворству, мошенничеству.

Питательной средой для интригана являются следующие черты жертвы:

- слабость и невосприимчивость к реальности;

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. К.

- отсутствие опыта взаимодействия с аферистами, мошенниками и интриганами, в том числе и в интернет-пространстве;

- уверенность в своей проницательности и отсутствие критичности и самокритичности.

Наиболее выраженным социальным контекстом, поощряющим людей к интриге, является управленческая среда, сегодня она заменяет дворцовую обстановку. В середине XX в. С. Н. Паркинсон утверждал, что «нынешние учреждения крупного пошиба ничем не отличаются от королевского двора» [6, с. 189], тенденции к возникновению своего рода дворцовых интриг сохранились и сегодня. В управленческой среде С. Н. Паркинсон выделяет приближенную к официальной прослойку исполнителей интриги – это «вторые», или заместители руководителей. Одно из назначений заместителей, как считает автор, – быть для начальника фильтром от негативных эмоций, особенно таких, как отказ подчиненным в их просьбах. Начальник, когда к нему с просьбой обращается сотрудник, чтобы не выглядеть бесчувственным и черствым деспотом, дает обещание выполнить просьбу, при этом предлагает обратиться к своему заместителю, который все организует и сделает. Как только благодарный посетитель покидает кабинет, начальник звонит заместителю и ставит перед ним противоположную задачу (например, прекратить давать отпуска за свой счет, о чем только что дал обещание просящему), а его самого не беспокоить, поскольку он занят. Естественно, заместитель, ничего не подозревая, проходит неприятную процедуру отказа, и на него обрушиваются разочарования сотрудников. Выгодой для первого лица является комфортность в коммуникации, поскольку соблюдается жесткость в управлении, а общение с подчиненными происходит в легком благожелательном тоне.

Нельзя не отметить адаптированность интриги в политической жизни во все времена, она повсеместна, широка и глубока, в этом плане нет смысла рассматривать отдельные примеры. Если жертвой и исполнителем интриги может стать не только слабый, но и просто неопытный, доверчивый и наивный человек, то интриганом выступает превосходящая над другими личность. Это превосходство, как правило, выражается в плане знаний, посвященности в онтологию происходящего, интеллектуальной подготовке на фоне дефицита знаний у других, коммуникативной чувствительности и компетентности. В связи с этим издавна интриганы появлялись в среде знатных особ, просвещенной части населения, они практически не ассоциируются с простолюдными.

Однако нельзя утверждать, что среди простых людей нет заинтересованных в обретении выгоды от неудач соперника или коммуникатора. Безусловно такие люди встречаются в любой социальной

среде, однако уровень их уловок, как правило, не доходит до интриги. Чаще всего они ограничиваются просто ложью или, что близко интриге, технологией подстрекательства.

Подстрекательство – еще одна технология, направленная на извлечение выгод из коммуникативных процессов. Данные акты воздействия одних участников коммуникации на других совершаются как в нелинейных моделях коммуникации, так и в однонаправленных, линейных контактах. Чаще всего заинтересованный субъект с помощью прямых побуждений пытается воздействовать на поступки другого коммуникатора с той целью, чтобы завуалированно подтолкнуть его к действиям. Данные коммуникативные акты значительно проще организованы по сравнению с интригой, их выявление оказывается вполне реальным. В юридическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева говорится, что в уголовном законодательстве подстрекательству присваивается квалификация с соответствующими санкциями (обман [7, с. 379], подстрекательство [7, с. 437]), в то время как феномен интриги не сформулирован в уголовном праве. Интрига оказывается практически неуловимой, а значит и ненаказуемой.

Ложь описана Р. Утцем в виде агрессивной социальной технологии и в качестве основного составного элемента интриги. Словом «ложь» в русском языке обозначают такие обмены информацией, которые намеренно дезориентируют собеседника, искажают истинное, действительное положение вещей. Ложь, как и подстрекательство, осуществляется по линейной и нелинейной схемам взаимодействия. Она представляет собой более сложное и изощренное искажение информации по сравнению, например, с **враньем**, которое является менее агрессивным поведением с элементами искажения в общении. Некоторые литературоведы при исследовании гоголевских героев отмечают, что характеристика персонажа из «Мертвых душ» Собакевича «кутила и враль» во второй части («враль») отражает определенный настрой человека, т. е. стремление к гиперболизации коммуникации до более яркого, насыщенного состояния. Вранье – это своего рода форма презентации себя как интересного собеседника. В разоблачении вранья кем-то из собеседников присутствует некая легкость и даже самоирония.

Современной разновидностью такой технологии, как ложь, является фэйковость. Английское слово *to fake* означает действие по подделке, фальсификации, фабрикации. В русском языке можно встретить написание этого слова и через «э», и через «е», поскольку оно еще не закреплено в словарях. Существительное *фэйк* может носить следующие значения:

- фальшивка в самом широком смысле слова;

- подделка товаров под известные бренды и марки (например, название ручек *Paker* выбрано в подражание известной фирме *Parker* и в целях введения в заблуждение), под эту категорию попадают все контрафактные товары, в том числе и фальшивые лекарства;

- измененные при помощи программы *Adobe Photoshop* фотографии, а также смонтированные в специализированном редакторе видеоролики;

- фальшивые сведения, так называемые вбросы, созданные по типу того, что раньше называлось «газетные утки».

Считается, что активное применение этого термина обусловлено интернет-манипуляциями. Фэйковыми сегодня называют страницы в социальных сетях, созданные от имени других, как правило известных людей. Таковыми могут называться также аккаунты в «Твиттере», сайты (фэйковые копии ресурсов в системе электронных платежей, банков), с которых можно увести деньги (так называемый фишинг). Не иначе как фэйковыми можно назвать и распространение нелегальной продукции, сайты, попадающие под категорию «для взрослых».

В социально-коммуникативных процессах закрепляется технология использования фэйковости как целенаправленного приема. То есть необходимо успеть вбросить в коммуникативное пространство сильные, агрессивные раздражители аудиального или визуального плана (как правило, с неограниченной долей фальши, лжи и искажений). В современных условиях оказывается достаточно сложно удержаться от фэйковости при асимметричной теле- и радиокommunikации. Политики, получив возможность высказываться об оппоненте в телеэфире или на радио, в своих конкурентных баталиях особенно злоупотребляют фэйковостью.

К фэйковости можно отнести и такую современную социально-коммуникативную патологию, как телефонный терроризм во всех его проявлениях, в частности ложные сообщения о минировании объектов. Спецификой этих технологий до недавнего времени была неуловимость и, как следствие, практическая ненаказуемость. В последнее время такие сообщения о минировании все чаще разоблачаются и наказываются.

Еще одной современной коммуникативной технологией является **троллинг**. На наш взгляд, это своего рода компьютерно-сетевая версия моббинга. Слово «моббинг» происходит от английского глагола *to mob* – грубо обращаться, задевать и существительного *mob* – чернь. Это понятие «отражает негативные коммуникативные действия, направленные против одной или нескольких личностей и

совершающиеся очень часто на протяжении длительного времени. Эти действия характеризуют отношения между истязателем и жертвой» [5, S. 23]. Моббинг представляет собой технику коммуникативной изоляции и разрушения статуса и идентичности личности в коллективах. Моббером совершаются изматывающие жертву действия, которые достигаются через оскорбительную откровенность или посредством создания эффекта вынесения на всеобщее обозрение промахов жертвы. В итоге «жертва моббинга должна разрушаться публично и у всех на виду таким образом, чтобы больше не оставалось возможности уважать этого человека, а только систематически презирать. Моббер разрушает достоинство подвергаемого моббингу и навязывает ему унижительную роль, в которой ему постоянно угрожает “потеря лица” – предание гласности в присутствии других лиц, критика, при этом провоцируется его реакция для создания новых столкновений и для окончательного унижения» [5, S. 23]. Модифицируемый с помощью интернета моббинг трансформируется в троллинг (от англ. *trolling* – ловля рыбы на блесну). И. Ксенофонтова считает, что это слово приобрело популярность из-за отсылки к существам троллям, упоминаемым в скандинавской мифологии: «Мифологические существа тролли, особенно в детских рассказах, изображаются в качестве уродливых, неприятных существ, созданных для причинения вреда и сотворения зла» [8].

Троллинг Р. А. Внебрачных называет формой социальной агрессии, осуществляемой «исключительно в виртуальных сообществах посредством специфических механизмов быстрого высвобождения лавинообразной агрессии, которая мгновенно распространяется на большинство участников виртуального сообщества» [9]. Это «грязные, PR-технологии», которые рассчитаны на создание ложных эффектов массовости и общественного мнения. Иными словами, троллинг – еще одна сетевая коммуникативная форма воссоединения лжи и разрушительного воздействия, практически оставляющая исполнителя без наказания.

Еще одно трудно квалифицируемое коммуникативное киберсредство – **пранкерство**. Вышедшая буквально в начале октября 2017 г. книга известных российских пранкеров Вована и Лексуса была прокомментирована авторами как начало новой линии журналистики – пранк-журналистики. Авторы считают, что именно их приемы позволяют вскрыть ложь высоких политических персон, к которой простым журналистам и даже исследователям никогда не добраться.

Выводы

Реальность современной жизни обусловлена большим количеством информационно-коммуникативных процессов, которые, безусловно, под-

чинены целерациональным действиям субъектов. Обладание преимуществами в данных процессах, как и все в социальном мире, иерархизировано.

Наделенные властью люди влияют и на потоки информации в коммуникативных взаимодействиях, и на эмоционально-мотивационную структуру поведения субдоминантных коммуникантов. Опосредованно эти воздействия способны приводить к изменениям, в том числе и на материальном уровне.

Стремление людей к использованию агрессивных и завуалированных приемов коммуникации, к сожалению, не исчезает, а усиливается. Сегодня значительная часть коммуникативных актов строятся и осуществляются при помощи таких технологий, как интрига, подстрекательство, ложь (сокрытие истинных целей), вранье, фэйковость, троллинг, приемы информационного мусора или **информационного шума** (отвлечение внимания).

Часть перечисленных коммуникативных нелепых моделей (интрига, ложь и все ее разновидности,

например вранье и подстрекательство) имеют очень древнее происхождение. Другие, такие как фэйковость, троллинг – это современная киберпродукция, цель которой – фальсификация, подмена истинного ложным, подлинного – иллюзорным и низкокачественным. Возникающие благодаря компьютерным технологиям коммуникативные приемы-деструкции, по сути, этими же технологиями и блокируются: компьютерная техника позволяет справляться с фэйками в киберпространстве, разоблачать ложь в телефонном терроризме. Так, например, от троллинга может защитить уход от анонимности в интернете. Только основанные на человеческом потенциале агрессивные социально-коммуникативные технологии интриги и лжи продолжают оставаться рядом с человеком, совершенствоваться и ускользать от обнаружения и наказания.

Библиографические ссылки

1. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränd Aufl. Berlin ; Duben ; New York : de Gruyter, 1975.
2. Duden K. Duden: Das große Wörterbuch der Deutschen Sprache : in 6 Bänden. Hildburghausen : Bibliogra Phisches inst., 1977. Band 3 : G – Kol.
3. Brockhaus Encyclopedie : in 24 Bänden. 19 Aufl. Mannheim : F. A. Brockhaus GmbH, 1922. Band 10 : Herr – Is.
4. Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache : in 10 Bänden. Leipzig : Wignad, 1860. Band 1 : A – K.
5. Utz R. Soziologie der Intrige. Der geheime steitin der Triade, empirisch untersucht an drei historischen Fallen. Berlin : Duncker und Humblot, 1997.
6. Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона : сборник / пер. Н. Т. Трауберг. М. : Прогресс, 1989.
7. Большой юридический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. В. А. Белов [и др.] ; под ред. А. Я. Сухарева [и др.]. М. : Инфра-М, 2002.
8. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин М., 2009. С. 285–294.
9. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. С. 36–39.

References

1. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränd Aufl. Berlin ; Duben ; New York : de Gruyter, 1975 (in Ger.).
2. Duden K. Duden: Das große Wörterbuch der Deutschen Sprache : in 6 Bänden. Hildburghausen : Bibliogra Phisches inst., 1977. Band 3 : G – Kol (in Ger.).
3. Brockhaus Encyclopedie : in 24 Bänden. 19 Aufl. Mannheim : F. A. Brockhaus GmbH, 1922. Band 10 : Herr – Is (in Ger.).
4. Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache : in 10 Bänden. Leipzig : Wignad, 1860. Bänd 1 : A – K (in Ger.).
5. Utz R. Soziologie der Intrige. Der geheime steitin der Triade, empirisch untersucht an drei historischen Fallen. Berlin : Duncker und Humblot, 1997 (in Ger.).
6. Parkinson C. N. Zakony Parkinsona [Parkinson's Law] : collection. Moscow : Progress, 1989 (in Russ.).
7. Belov V. A., Boitsova V. V., Boitsova L. V., et al. (compil.). Bolshoy juridicheskiy slovar [Comprehensive Law Dictionary]. 2nd ed. Moscow : Infra-M, 2002 (in Russ.).
8. Ksenofontova I. V. [Specific features of communication in context of anonymity: memetics, imageboards, trolling] In: *Internet i folclor* [Internet and folklore] : collect. of articles. Moscow, 2009. P. 285–294 (in Russ.).
9. Vnebrachnykh R. A. Trolling as a form of social aggression in virtual community. *Vestnik Udmurt. univ. Ser.: Filos. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagog.* [Bull. Udmurt. Univ. Ser.: Phylos. Psychol. Pedag.]. 2012. Issue 1. P. 36–39 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.10.2017.
Received by editorial board 05.10.2017.

УДК 316.614.6:796.011.1

КИБЕРСПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ (РЕ)СОЦИАЛИЗАЦИИ

И. В. МИРОНЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается влияние киберспорта в целом и компьютерных игр в частности на процесс социализации игроков. На основе теоретического анализа и результатов проведенного в рамках исследования цикла интервью с менеджерами киберспортивных команд, игроками, журналистами, профессиональными психологами и другими экспертами был сделан вывод о существовании трех возможных точек зрения на данный вопрос. Показаны преимущества и недостатки каждой из них.

Ключевые слова: киберспорт; e-sports; социализация; социология спорта; электронный спорт; видеоигры; компьютерные игры.

E-SPORTS AS A TOOL FOR (RE)SOCIALIZATION

I. V. MIRONTSOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article examines the influence of e-sports in general and computer games in particular on the process of players' socialization. Based on the theoretical analysis and the results of a series of expert interviews with managers of e-sports teams, players, journalists, professional psychologists, etc., it was concluded that there are three possible points of view on given question, and the advantages and disadvantages of each are shown in this paper.

Key words: cybersports; e-sports; socialization; sociology of sport; electronic sports; video games; computer games.

Введение

В XXI в. спорт адаптировался к условиям информационного общества, в котором представления и опыт человека немислимы без посредничества массмедиа. Турниры по киберспорту стали одним из наиболее популярных мировых шоу, в производстве и распространении которого ключевую роль играют СМИ. В обществе зрелищ доля тех, кто участвует в спортивных состязаниях, и даже тех, кто их посещает, несоизмеримо меньше аудитории теле- и интернет-болельщиков. Привычным местом бытования спорта стали телеэкран и монитор компьютера, с их помощью соревнования вышли

на глобальный уровень и адресуются всем пользователям. Популярны спортсмены превращаются в медийных персонажей, звезд массовой культуры, чье регулярное появление в иных, неспортивных контекстах оправдано их статусом как законодателей моды и экспертов в выстраивании стиля жизни [1].

Все эти события непосредственно влияют на выполняемую спортом функцию социализации, под которой в широком смысле понимается «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта,

Образец цитирования:

Миронцов И. В. Киберспорт как инструмент (ре)социализации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 62–67.

For citation:

Mirontsov I. V. E-sports as a tool for (re)socialization. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 62–67 (in Russ.).

Автор:

Игорь Валерьевич Миронцов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:

Igor V. Mirontsov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science. mirontsov@gmail.com

идеалов, ценностей и норм культуры путем вхождения в социальную среду, в систему социальных взаимодействий с другими людьми, а с другой стороны, процесс активного воспроизводства социального опыта, ценностей, норм, стандартов поведения за счет активной социальной деятельности, личностной переработки и видоизменения социального опыта» [2, с. 278].

Реализуя эту функцию, спорт закрепляет в каждом отдельном индивидууме определенные представления о вере и морали, развивает определенные черты характера и личные качества. Спорту также приписывают следующие достижения в процессе социализации:

- 1) формирование и укрепление способности к социально-нормативному действию;
- 2) содействие становлению личности, совершенствованию важных качеств;
- 3) развитие таких социальных способов поведения, как приспособление к требованиям группы, солидарность, кооперация, честность;
- 4) образование когнитивных навыков;
- 5) обладание функцией устранять либо выравнивать недостатки и отрицательные последствия недостаточной социализации в обществе или в определенных его группах.

Материалы и методы

В качестве основных материалов при написании настоящей статьи были использованы транскрипты интервью с экспертами, связанными с киберспортом (бывшими и действующими игроками, менеджерами команд, спортивными журналистами и др.), а также учеными-психологами, способными дать анализ происходящих в нем про-

Таким образом, опыт занятий спортом может облегчить приспособление человека к выполнению различных ролей вне спорта и выработку не только спортивных, но и более широких ценностных отношений к действительности [3].

Однако ввиду протекающих в спорте изменений и глубинных трансформаций, о которых было сказано выше, наполнение его функций меняется. Развитие IT, компьютеризация и информатизация не обошли спорт стороной, они создали новую соревновательную реальность, получившую название «киберспорт». Изменение факторов внешней и внутренней среды, процессов взаимодействия спортсменов и зрителей как между собой, так и друг с другом создает в определенной степени ситуацию неопределенности, в которой реализация функции социализации и зрителей, и играющих оказывается под вопросом.

Целью настоящей статьи является рассмотрение влияния компьютерных игр в целом и киберспорта в частности на социализацию включенных в эту индустрию людей. Задачи исследования – определение барьеров и возможностей реализации киберспортом функции социализации и анализ условий киберспортивной среды, в которой происходят социализационные процессы.

цессов благодаря наличию обширной теоретической базы.

Поиск респондентов производился по контактам, находящимся в открытом доступе. Интервью проводились либо очно, либо удаленно (посредством видеосвязи через программу *Skype*). Объем итоговой выборки составил 17 респондентов.

Результаты и обсуждение

Действующий председатель Белорусской федерации киберспорта Денис Богуш, выступая на конференции «Деловой интернет» с докладом «Киберспорт – спорт будущего», относил к мотивации вовлеченности в киберспорт следующие факторы:

- 1) приятный опыт, заключающийся в выполнении деятельности, привычной игроку;
- 2) позитивные переживания, которые выражаются в чувстве контроля над ситуацией, низком или настраиваемом балансе требований и умений для достижения успеха;
- 3) феномен незаконченного действия, т. е. у спортсмена всегда есть определенная задача и актуальная цель, после выполнения или достижения которых возникают новые;

4) случайное подкрепление, что заключается в получении награды во время выполнения определенной последовательности действий, поощрение вызывает чувство азарта и мотивирует действия;

5) всевозможные рейтинги, достижения и соревнования, коллекционирование виртуальных объектов, которые заставляют человека возвращаться к игре;

6) защита от скуки, включающая в себя облегченную концентрацию внимания, ясные цели, обратную связь с виртуальной вселенной, отрешенность от обыденной жизни;

7) возможность при участии в турнирах переезжать с места на место, видеть новые города и даже страны, знакомиться с разными людьми, вести интересную и активную жизнь¹.

¹Богуш Д. Киберспорт – спорт будущего [Электронный ресурс] // Деловой интернет. URL: http://di.by/upload/iblock/559/Богуш_Киберспорт%20-%20спорт%20будущего.pdf (дата обращения: 23.10.2017).

Также Д. Богуш перечислил присущие киберспорту факторы, которые можно использовать для социализации игрока: постоянно увеличивающаяся аудитория; интернациональность игрового сообщества и вовлечение в него, где каждому спортсмену предоставляется возможность проявить активность среди единомышленников; развитие логического мышления и умения вырабатывать стратегию и тактику; совершенствование навыков работы в команде; знакомство с новыми IT-разработками².

Однако к выделенным Д. Богушем возможностям социализации посредством киберспорта стоит относиться скептически. Создавая имидж данной индустрии как спорта будущего, было бы непоследовательно не обращать внимание на негативные аспекты ее влияния на социализацию всех игроков в компьютерные игры и киберспортсменов в частности. Также необходимо разграничивать принципиально важные в данном контексте понятия «социализация в спорт» и «социализация посредством спорта».

Для того чтобы более обстоятельно разобраться в затрагиваемом вопросе, обратимся к результатам проведенного в рамках настоящего исследования экспертного интервью. Респондентам задавался вопрос: *По Вашему мнению, компьютерные игры способствуют социализации играющих в них или, наоборот, тормозят ее? Почему?*

Прежде всего рассмотрим аспект, касающийся понятия «социализация в киберспорт». В наиболее общем смысле под социализацией в спорт подразумевается стремление, которое затем трансформируется в конкретный тип поведения с определенным уровнем мобилизации психической и физической энергии, а также факторы, влияющие на выбор людьми различных типов участия в спорте [2]. К таковым причинам могут относиться описанные выше возможности для социализации в киберспорте и следующие взаимосвязанные аспекты, выделенные экспертами в рамках проведенных интервью:

- профессионализация и легитимация киберспорта: *Вывод киберспорта на профессиональный уровень позволил многим игрокам сконцентрироваться только на игре, не отвлекаясь на учебу, домашние задания и прочее³;*

- самореализация, возможность получения признания со стороны общественности: *Хорошо, когда человек из своего хобби может извлекать выгоду, даже не всегда финансовую, может, морального плана, но он может чувствовать удовлетворение – его признали, он может считаться и является профес-*

сионалом. Получается, что киберспорт является площадкой для самореализации;

- превращение хобби в профессию с возможностью заработка: *В один момент это становится профессиональной деятельностью, и, в отличие от тех, кто работает и занимается тем, что ему не нравится, киберспортсмены занимаются любимым делом, и у них есть возможность заработать хорошие деньги и стать известными.*

Разумеется, описанные выше аспекты невозможно рассматривать без привязки к социальным рискам, которые присущи любой деятельности, в том числе и киберспорту.

Обратимся к вопросу социализации посредством киберспорта (компьютерных игр). В этом случае необходимо сразу отметить, что среди опрошенных экспертов отсутствует преобладающая и однозначная точка зрения относительно данного аспекта. Высказанные респондентами мнения можно обобщить и разделить на три смысловых блока:

- 1) компьютерные игры не способствуют социализации;

- 2) компьютерные игры способствуют социализации при выполнении некоторых условий;

- 3) компьютерные игры однозначно способствуют социализации.

Рассмотрим каждый из этих блоков.

Наиболее категоричную точку зрения относительно того, что компьютерные игры не могут заметно способствовать социализации играющих, высказал доктор психологических наук заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук БГУ И. А. Фурманов. По его словам, компьютерные игры *даже препятствуют социализации. Потому что если мы под социализацией понимаем широкий спектр усвоения социальных навыков, то человек, который снижает свою коммуникацию до коммуникации по компьютеру или телефону, уже обрекает себя на отсутствие социализации. Схожей точки зрения придерживается и А. Ясюкайтис⁴, говоря о том, что есть разные сценарии, но если исходить из того, в котором школьник 12–14 лет постоянно посвящает 8 и более часов игре, то социализации как освоению полезных для жизни в обществе навыков он подвергается еще меньше, чем при обычном ритме жизни.*

Многие эксперты, отвечая на этот вопрос, замечали, что одиночные игры однозначно препятствуют социализации, поскольку в них отсутствует командная работа, коммуникация, и *может быть такое, что человек замкнется в себе.* Одновременно с этим компьютерные игры, по мнению экспертов,

²Там же.

³Здесь и далее цитаты, представленные курсивом, приведены из личного архива автора. – И. М.

⁴Игрок-любитель с 11-летним стажем. Активно следит за трендами киберспортивной индустрии с 2012 г.

очень часто являются не причиной, а следствием подобного затворничества, поскольку они оказываются местом, где человек может уйти в себя, снять напряжение и провести время.

Отдельного рассмотрения заслуживает точка зрения, высказанная игроком-любителем В. Лапуцким: *играя в мультиплеерные игры, игроки постоянно общаются со своими напарниками, ведь коммуникация в данном случае является одним из факторов успешной игры. С другой стороны, вовлечение в игровую среду имеет свою негативную сторону, выраженную в неблагоприятном влиянии игрового сообщества на самого игрока.* Схожий тезис, рассматривая игроков-непрофессионалов, выдвинул в прошлом менеджер команд по киберспорту, а сегодня тренер по психологической подготовке киберспортивного футбольного клуба «Динамо-Брест» Н. Шестаков: *у нас есть различные каналы восприятия информации. Если мы общаемся тет-а-тет, то вы видите мои глаза, мимику, жесты, вы можете считывать 90 % с тела. Когда я говорю голосом, вы также улавливаете интонационные изменения, и точно также уровень коммуникации растет. В компьютерной игре же идет переписка в чате, в очень таком негативном ключе (это касается в большей степени СНГ сообщества).* Таким образом, здесь можно видеть достаточно распространенную в повседневной жизни ситуацию, когда имеющееся социальное окружение, выступая в роли агента социализации, вносит в этот процесс не всегда позитивные изменения.

В контексте негативного влияния компьютерных игр на социализацию индивида, а конкретно на ее трудовой этап, можно отметить набирающую ход тенденцию к возникновению безработицы в США: за последний год 22 % американских мужчин, не имеющих высшего образования, не работали ни одного дня. Часть из них сидит дома, потому что предпочитает работе видеоигры. В абсолютном выражении 22 % – это 20 млн мужчин трудоспособного возраста. Статистика также гласит, что 7 млн из них даже не пытаются найти работу. Экономист из Чикагского университета Э. Херст полагает, что среди этих 7 млн высока доля мужчин, не интересующихся работой из-за видеоигр: «Они не покидают дом. В 2015 году больше 50 % из них жили с родителями или близкими родственниками. Они не собираются жениться. Что же они делают? Играют в видеоигры»⁵. Раньше предполагалось, что если мужчина без высшего образования не работает, то он обязательно тратит свою жизнь либо на наркотики, либо на алкоголь, либо на противоправную деятельность. Однако в сегодняшних реалиях при опросах на биржах труда многие безработные заяв-

ляют, что все свободное время они проводят в компьютерных играх. Безработица, вызванная геймерством, пока не имеет масштабов национального бедствия, однако становится заметной. Это влияет не только на самих игроков, но и на членов их семей, вынужденных содержать безработного⁶.

Переходя ко второму блоку, необходимо отметить следующие условия, при выполнении которых компьютерные игры способствуют социализации:

- наличие прописанных и понятных в рамках игры причинно-следственных связей: *Скорее бы согласился с идеей о том, что (социализация) зависит от содержания игры. <...> Там, где ты всегда понимаешь, что а) это игра, б) за такую же активность и деятельность в реальности ты получишь бы какие-то санкции, в) что в реальной жизни свою активность с этой деятельностью ты связывать не будешь. Должны оставаться шаги отступления, которые дают возможность не допустить полную инфляцию человека с тем героем или той средой, в которой он находится);*

- действительное и окончательное социальное признание и легитимация киберспорта в глазах общественности, особенно старшего поколения, т. е. родителей, бабушек, дедушек: *Киберспортсмен может стать асоциальным потому, что в первую очередь его родители, бабушки, дедушки не понимают, чем он занимается, что он делает. Поэтому они, вваливаясь в это виртуальное пространство, не общаются в реальном мире.* В связи с этим представители Федерации киберспорта Беларуси отмечают необходимость выработать такую методологию, которая *позволила бы киберспортсменам оставаться социальными в понимании людей 40+ и дать возможность развиваться им в виртуальной реальности, наладить такую связь поколений, чтобы потом, когда они встретятся на улице, этот социум работал;*

- должное развитие киберспортивного комьюнити, поскольку занятие компьютерными играми будет способствовать социализации лишь тогда, когда общение внутри него станет конструктивным и положительно направленным. Ситуацию на данный момент достаточно точно описал В. Лапуцкий: *Яркий пример – сообщество «Dota 2», которое, будучи довольно сплоченным, вместе с этим является очень токсичным и критичным по отношению к чужим ошибкам. Новый игрок, желающий быть вовлеченным в эту систему, вынужден (на осознанном либо бессознательном уровне) перенимать модели поведения, распространенные в той или иной игре. И если вспомнить, каковы модели наиболее распространены в той же «Dota» или «CS:GO» (где нужно быть удачливым человеком, чтоб в течение 5–10 игр ни разу не услышать про близкие взаимоотношения*

⁵Причина безработицы значительной части мужчин в США – видеоигры [Электронный ресурс] // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2017/03/20/gamers> (дата обращения: 23.10.2017).

⁶Там же.

твоих напарников либо соперников с твоими близкими родственниками), становится немного грустно. Схожей точки зрения придерживается и Н. Шестаков, отмечавший, что конечно, можно рассуждать, что играя в «Dota 2», ты совершаешь командные взаимодействия, начинаешь более стратегически мыслить, но в реальности это работает абсолютно не так. В «паблицах» командного взаимодействия практически нет, и чтобы это понять, нужно сыграть пару «пабликов», чтобы понять, что там каждый тянет одеяло на себя.

Эксперты, считающие, что компьютерные игры однозначно способствуют социализации, приводили в защиту этого тезиса следующие аргументы:

- компьютерные игры являются тем инструментом социализации, который интересен молодому поколению, в то время как другие ее способы реализации по ряду причин постепенно теряют свою привлекательность: *Если комплексно рассматривать этот феномен, то я склонен ответить, что да, компьютерные игры способствуют социализации, потому что в других формах активностей, которые часто становятся неинтересными молодому поколению, они часто выключаются, потому что сам стимул и форма подачи материала для них становится неудобоваримой. В таком случае компьютерная игра для некоторых из них становится стимулом, имеющим положительную валентность, к которому они обратятся. И тогда в каких-то формах, способах поведения, ситуациях, сопряженных с наказанием за это поведение, они узнают с большим интересом за счет погружения в игру.* Вместе с тем было высказано частично совпадающее с авторским мнение о том, что мы уже находимся на том этапе, когда у молодежи есть большие проблемы именно с традиционной социализацией, выстраиванием связей с себе подобными в коллективе. И в принципе, если человек, зашоренный на себе, начинает играть в игры и находит единомышленников, то это уже хорошо;

- большое значение в компьютерных играх отдается командной работе и чувству ответственности, умению подчиняться и отдавать указания, общению между членами коллектива: *Если говорить о мультиплеерных играх, то там всегда есть общение, командная работа, умение следить за тем, что нужно команде и делать так, как лучше команде. И это можно переносить на коллективы, существующие в реальной жизни.* Даже несмотря на то что, как отмечали В. Лапуцкий и Н. Шестаков, это общение часто может быть кислотным, опосредованным, оно тем не менее является коммуникацией, и во многом лишь от индивидуума зависит, какую пользу для себя он сможет извлечь;

- вход в сообщество профессиональных киберспортсменов влечет за собой быстрое и значительное увеличение социального капитала, расширение возможностей, а также выработку навыков общения как с фанатами, так и с ненавистниками: *Что касается профессиональных спортсменов, то тут сразу колоссальный рост процесса социализации. Это дает вход в комьюнити, огромное количество связей, контактов, вращений в тех же социальных сетях. И хочешь не хочешь, если ты проф. игрок, то у тебя появляются «хейтеры», и тебе нужно на это все как-то реагировать, учиться с ними как-то общаться;*

- поддерживается общение за рамками работы в команде во время включенности в игровой процесс: на форумах, сайтах, в сервисе Twitch и разнообразных чатах. Также киберспортивные болельщики в качестве формы проведения досуга часто выбирают посещение соревнований, выставок, площадок для совместного просмотра матчей.

Поддержкой мнений, указанных в последнем блоке, может выступить проведенное социологами из Университета Северной Каролины исследование, в котором был сделан вывод о том, что любители компьютерных игр не склонны к социопатии, скорее даже наоборот. Н. Тейлор, один из авторов исследования, предположил, что геймеры постоянно социализируются, поскольку они вместе играют, сидят в популярных социальных сетях, смотрят прямые трансляции различных киберспортивных соревнований. Увлечение видеоиграми, считает Н. Тейлор, не наносит вред другим социальным активностям людей, а дополняет их⁷.

Этот тезис подтверждает датский культуролог К. Джессен, который считает, что видеоигры обретают смысл и значимость в непосредственном опыте их использования в конкретных ситуациях. В данном случае игры предстают скорее современной социокультурной практикой, нежели средством передачи сообщений и смыслов от автора зрителю. А. Денкин утверждает: «Невозможно интерпретировать смысл игры вне конкретной практики игры, которая сама по себе есть путь к ее пониманию. Например, то, что может само по себе выглядеть чрезвычайным насилием на экране, на практике может иметь совершенно иную функцию. Игроки могут, например, стрелять друг в друга в игре *Doom 2* и при этом незатейливо общаться как лучшие друзья, что обычно в случае с жанром военных игр»⁸.

Так, например, А. А. Денискин отмечает, что «бессмысленно играть в *World of Warcraft* (2004) вне

⁷Груби Р. Компьютерные игры способствуют социализации? [Электронный ресурс] // CyberSport.ru. URL: <https://www.cybersport.ru/news/kompyuternye-igry-sposobstvuyut-sotsializatsii/> (дата обращения: 23.10.2017).

⁸Деникин А. В защиту видеоигр [Электронный ресурс] // GameStudies.ru. URL: <http://gamestudies.ru/post/1785#28b> (дата обращения: 23.10.2017).

социализации с игровым комьюнити. 90 уровней, предложенных в игре, можно достичь достаточно быстро. Но настоящее удовольствие, смысл игры можно обнаружить только тогда, когда твоя игра превращается в нечто большее, нежели “игра для себя”, когда она становится игрой “для других и для себя”, когда геймер оказывается частью игрового клана, гильдии, социальной группы, когда он находит друзей и врагов, когда он чувствует, что занят

чем-то важным для других, чем-то, что больше его самого. Смысл игры в *Counter-Strike* заключен вовсе не в графике, “драматургии” сюжета или в возможности выплеснуть свою агрессию, но в социализации и объединении нескольких игроков в процессе выполнения общего дела. Смыслы создаются в процессе активного общения и взаимодействия между игроками внутри специфических игровых контекстов»⁹.

Заключение

Понимая под социализацией процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данной социальной группе [4], а также исходя из проведенного анализа теоретических и эмпирических данных, в настоящей статье был сделан вывод о существовании трех точек зрения на затрагиваемую проблематику:

- 1) компьютерные игры не способствуют социализации;
- 2) компьютерные игры способствуют социализации при выполнении определенных условий;
- 3) компьютерные игры однозначно способствуют социализации.

Было высказано предположение о том, что компьютерные игры (как и киберспорт), являясь средой, в которой осуществляется во многих случаях опосредованная, но постоянная коммуникация

между играющими, способствуют социализации игроков. Вместе с тем, принимая во внимание специфический характер взаимодействия в игровых сообществах (особенно на территории стран СНГ), данный процесс протекает далеко не так конструктивно, как этого желают исследователи и участники киберспортивного сообщества. В целом, для более полной реализации киберспортом функции социализации необходимо выполнение и таких условий, как прописанные и понятные в рамках игры причинно-следственные связи, действительное социальное признание и легитимация данной индустрии общественностью. Учитывая, что претворение в жизнь данных условий является лишь вопросом времени, можно с уверенностью заявлять, что в недалеком будущем киберспорт будет в полной мере выполнять функцию социализации личности.

Библиографические ссылки

1. Зверева В. Телевизионный спорт // Логос. 2006. № 3 (54). С. 63–75.
2. Бабосов Е. М. Общая социология. 2-е изд., стер. Минск : ТетраСистемс, 2004.
3. Чесноков Н. Н., Стопникова Е. В., Столяров В. И. Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта : в 2 ч. М. : Физич. культура, 2005. Ч. 1.
4. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. М. : Норма, 1998.

References

1. Zvereva V. Televizionnyi sport [TV sport]. *Logos*. 2006. No. 3 (54). 63–75 (in Russ.).
2. Babosov E. M. *Obschaya sotsiologiya* [General sociology]. 2nd ed. Minsk : TetraSistems, 2004 (in Russ.).
3. Chesnokov N. N., Stopnikova E. V., Stolyarov V. I. *Hrestomatiya po sotsiologii fizicheskoy kultury i sporta* [Chrestomathy on sociology of physical culture and sports] : in 2 parts. Moscow : Fizicheskaya kul'tura, 2005. Part 1 (in Russ.).
4. Osipov G. V. (ed.). *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy slovar: na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* [Sociological encyclopedic dictionary: on Russian, English, German, French and Czech]. Moscow : Norma, 1998 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 24.01.2018.
Received by editorial board 24.01.2018.

⁹Там же.

УДК 331.101.3

РАБОЧАЯ МОТИВАЦИЯ ПРОГРАММИСТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТЬЮ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾, А. Г. БУТЬКО²⁾, А. С. СОЛОДУХО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Ритейл Груп Баста-Эстри, ул. Кедышко, 14б, 220012, г. Минск, Беларусь

Впервые в отечественной психологии рассмотрена толерантность сотрудников к неопределенности как детерминанта рабочей мотивации. Отмечено, что для толерантных к неопределенности программистов наибольшим побудительным потенциалом обладает взаимодействие, а для интолерантных – обратная связь, получаемая от работы, ответственность за нее и осознаваемый смысл, автономия и завершенность задания. Рассматриваются возможности практического применения результатов и перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: рабочая мотивация; толерантность к неопределенности; отношение к неопределенности; мотивация программистов.

Образец цитирования:

Фофанова Г. А., Бутько А. Г., Солодухо А. С. Рабочая мотивация программистов с различной толерантностью к неопределенности // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 68–73.

For citation:

Fofanova G. A., Butko A. G., Saladukha A. S. Work motivation of programmers with various tolerance to uncertainty. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 68–73 (in Russ.).

Авторы:

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Анастасия Глебовна Бутько – психолог.

Александр Сегреевич Солодухо – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Galina A. Fofanova, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

gfofanova@gmail.com

Anastasia G. Butko, psychologist.

anast.butsko@gmail.com

Aliaksander S. Saladukha, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

asoloduho@gmail.com

WORK MOTIVATION OF PROGRAMMERS WITH VARIOUS TOLERANCE TO UNCERTAINTY

G. A. FOFANOVA^a, A. G. BUTKO^b, A. S. SALADUKHA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bRetail Group Basta-Estri, 14b Kiedyshka Street, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: G. A. Fofanova (gfofanova@gmail.com)

As a consequence, it reduces the degree of involvement in the job process, and it may drop work motivation. Work motivation is a set of internal and external driving forces that motivate the individual to work. The tolerance for ambiguity are considered as determinants of work motivation for the first time in the national psychology. Interaction has the greatest incentive for programmers with high tolerance. The key motivators for intolerant for ambiguity programmers are the feedback obtained from the work, responsibility for work, meaning of work, autonomy and completed quests. The possibilities of practical application of the results and prospects for further research are considered.

Key words: work motivation; tolerance for ambiguity; attitude to ambiguity; programmer's motivation.

Высокая рабочая мотивация персонала – одно из важнейших условий успеха организации. Результаты работы компании зависят от настроения работников на высокую отдачу, уровня приверженности персонала, заинтересованности членов организации в конечных результатах и стремления внести вклад в достижение поставленных целей. Именно поэтому достаточно высок интерес руководителей и исследователей к изучению причин, побуждающих людей работать с полной отдачей сил в интересах организации [1]. Проанализировав исследования рабочей мотивации представителей разных профессий, можно отметить наличие как сходных черт (принципы изменения системы рабочей мотивации, т. е. возрастная динамика, изменения в сторону улучшения условий труда), так и множество особенностей, основанных на специфике труда в конкретной компании (соотношение материального и морального поощрения, важность имиджа и престижа компании, атмосфера в коллективе и т. д.). При учете этих особенностей система мотивации сотрудников в организации работает более эффективно.

Слабая рабочая мотивация программистов – широко распространенное явление в современной Беларуси. Это проявляется, например, в росте текучести персонала в IT-сфере. Обострение реальных мотивационных проблем во многом связано с опорой руководства компаний на материальные стимулы и явной недооценкой значимости нематериальных. Такая практика компенсации труда не позволяет использовать производительный потенциал сотрудников в полной мере [2].

Рассматривая вопросы формирования системы мотивации для программистов, следует исходить из характера и содержания деятельности, связанной с разработкой компьютерных программ. Труд программистов относится к сфере творческой (научной и инженерной) деятельности. Более того, анализ содержания и результатов их работы свиде-

тельствует о том, что программирование объединяет в себе искусство, науку, ремесло и технологию. Из сферы профессионального программирования невозможно исключить ни один из этих элементов, что лишней раз подчеркивает сложность труда программистов, который сопряжен с риском, напряженными условиями работы и неадекватной мотивацией труда [3].

По результатам исследований компании *InfoWorld*, на Западе главными стимулами персонала в интернет-компаниях и обычных фирмах, работающих в сфере высоких технологий, являются денежные компенсации, включающие в себя зарплату и льготы, признание и понимание со стороны руководства и пользователей, работу с передовыми технологиями, помощь компании в поддержании ее высокой эффективности, обучение/тренировку (формальную и неформальную) [4]. Эти стимулы действуют как в интернет-компаниях, так и в обычных IT-фирмах. Однако работа в сфере высоких технологий является более приоритетным мотивационным фактором для персонала компаний, ведущих бизнес через интернет, чем для сотрудников фирм, взаимодействующих с клиентами традиционными способами. Во многом аналогичное исследование, проведенное журналом «Директор информационной службы» совместно с группой психологов МИЭМ на российской выборке, выявило следующие доминирующие потребности у отечественного IT-персонала: достижение признания и уважения, достаточное материальное обеспечение, профессиональное развитие и обучение, стремление избежать неприятностей [2].

Результаты исследования мотивационной сферы российского IT-персонала свидетельствуют о том, что, несмотря на значительные различия между российскими и западными условиями труда, в психологических портретах отечественных и западных IT-сотрудников прослеживается много общего. Различия касаются в основном ожиданий

профессиональной перспективы. Деньги для российских IT-сотрудников, так же как и для западных специалистов, имеют большое значение. Однако способы материального вознаграждения в российских компаниях значительно отличаются от западных. В последних для мотивации сотрудников гораздо шире используются социальные пакеты, в то время как в российских компаниях оценка работы персонала осуществляется главным образом в денежных единицах [4].

По мнению исследователя Д. Галича, мотивационными являются следующие факторы трудовой деятельности программистов-разработчиков:

1) потребность в творческой деятельности (играет ключевую роль в выборе разработчиками профессии, поскольку большинство из них утверждает, что работа – это в первую очередь возможность создавать нечто свое, неповторимое, находить решения задач и поддерживать интеллектуальную активность на нужном уровне);

2) мотив достижения успеха (предполагает развитие профессиональных навыков, умений, знаний, желание признания со стороны других профессионалов и общества в целом, обязательный творческий компонент в работе, повышение сложности задач, а следовательно, и меры ответственности);

3) удовлетворенность работой в компании и мотивом труда (она, кроме общих для всех программистов факторов, связана с потребностью в комфорте и другими гигиеническими факторами) [5].

Интегрирующим мотивационным фактором программистов можно считать потребность в общении. Данный мотив выражается как в рабочем, так и в неформальном контекстах. Общение (хорошо налаженная коммуникация) и психологический климат в коллективе, по мнению программистов, являются одними из решающих факторов, влияющих на успешность команды разработчиков. Программирование, будучи творческой и сложной деятельностью, требует от команды разработчиков слаженности и гибкости действий, понимания общей цели, поскольку существует много факторов, которые могут изменить направление работы. Общение играет большую роль в обучении и перенимании опыта коллег. Свидетельством этому являются неформальные беседы об определенных проблемах или задачах, большое количество в интернете форумов, блогов и групп, в которых специалисты в определенной технологии или области разработки делятся собственным опытом или советуются с коллегами. Также коммуникация является одним из источников отслеживания новых тенденций на рынке информационных технологий, что жизненно важно для разработчиков [6].

Согласно исследованию Д. Галича существуют различия в мотивации трудовой деятельности в зависимости от рангов специалистов информацион-

ных технологий. Так, для программистов с рангом *junior* ведущим мотивом труда является самоутверждение, признание их заслуг и установление дружеских отношений с коллегами. Достижения успеха на этом уровне профессионального развития связано также со следующими факторами: административная политика компании, условия труда, величина заработной платы, межличностные отношения с начальниками и коллегами. Для программистов с рангом *middle* такие факторы, как поддержка жизнеобеспечения и комфорт становятся менее значимыми, однако возрастает потребность в теплых и дружеских отношениях с коллегами, актуализируется желание обладать властью. Последнее проявляется в стремлении подняться выше по карьерной лестнице и сохранить хорошие отношения с сотрудниками. Наиболее значимым, по мнению опытных программистов, для успеха проекта является наличие лидера и опытного менеджера, а также благоприятный психологический климат в команде [2; 7]. Для программистов с рангом *senior* значимыми факторами труда являются мотивы достижения успеха, материальной обеспеченности жизни, стремление к творческой активности и полезности для общества. По мнению старших программистов, основным фактором, который положительно влияет на успешность проекта, является психологический климат в коллективе, а также грамотное и продуманное планирование деятельности команды. К основным демотивирующим факторам программисты с рангом *senior* относят неинтересный проект и уровень заработной платы ниже желаемого. На данном уровне профессионального развития вновь актуализируются потребности в поддержании жизнеобеспечения и других гигиенических факторов [5].

Детерминантами рабочей мотивации является совокупность организационных и психологических факторов, ключевым выступает толерантность сотрудников к неопределенности. Неопределенность – одна из важнейших характеристик среды и стоящих перед программистами задач профессиональной деятельности. Таким образом, отношение к неопределенности программистов может существенным образом сказываться на его рабочей мотивации. Толерантность к неопределенности – это способность индивида принимать возникающее в ситуации неизвестности или двойственности происходящего напряжение, противостоять бесструктурности и противоречивости информации, принимать неизвестное и не чувствовать себя дискомфортно в подобных ситуациях [8].

Исследователь А. Н. Гусев выделил особенности толерантной и интолерантной к неопределенности личности. Первой, по его мнению, характерны поиск ситуации неопределенности; восприятие незнакомых, рискованных и новых ситуаций как стимулирующих; способность выдерживать напря-

жение в кризисных и проблемных ситуациях, принимать неизвестное, размышлять над проблемой даже в том случае, когда отсутствует информация о фактах и последствиях принятого решения; готовность приспособиться к неопределенной идее или ситуации. Интолерантная личность воспринимает неопределенные ситуации как источники угрозы, стремится принимать поспешные решения, неспособна мыслить критично, избегает неконкретного, склонна замыкаться в себе, а на неоднозначные ситуации реагировать беспокойством, она также имеет потребность в категоризации, стремится минимизировать восприятие противоречивых и изменяющихся стимулов, приходит к решению по типу «черное-белое», стремится к безусловному отторжению или принятию отношений с людьми, не допускает наличия негативных и позитивных свойств в одном и том же объекте, ищет безопасность и избегает неопределенности [9].

Теоретико-методологическими основаниями настоящего эмпирического исследования являются:

1) модель рабочей мотивации, предложенная Р. Хакманом и Г. Олдхемом, позволяющая учитывать восприятие характеристик профессиональ-

ных заданий, интринсивную рабочую мотивацию, различные аспекты удовлетворенности трудовой деятельностью и потребность в профессиональном росте;

2) концепция отношения к неопределенности Д. МакЛейна, согласно которой толерантный к неопределенности индивид характеризуется позитивным отношением к новизне, сложным задачам, неопределенным ситуациям, предпочтением неопределенности в целом.

В качестве методик исследования были использованы:

1) опросник «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхема (адаптация И. Н. Бондаренко);

2) шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (адаптация Е. Н. Осина).

В исследовании приняли участие 100 респондентов, являющихся сотрудниками различных IT-компаний Минска. Среди них – 24 женщины и 76 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, средний возраст респондентов – 29 лет. Трудовой стаж программистов варьировал в диапазоне от 4 месяцев до 17 лет.

Результаты исследования и их интерпретация

В отношении такого мотиватора труда, как завершенность задания, было установлено, что для программистов, которые негативно относятся к фактору новизны, данный параметр мотивации обладает более высокой побудительной силой, нежели для программистов, позитивно относящихся ко всему новому ($U_{эмп} = 954$; $p \leq 0,05$). Также было установлено, что автономии присуща значительно более высокая мотивирующая сила для программистов, которые негативно относятся к фактору новизны, по сравнению с теми представителями данной профессиональной сферы, которые чувствуют себя комфортно в новых, необычных для них ситуациях ($U_{эмп} = 943,50$; $p \leq 0,05$). Опираясь на идеи С. М. Джонса, можно предположить, что стремление к большей автономии в профессиональной сфере у программистов, негативно относящихся к фактору новизны, может быть связано с присущим им желанием доказать коллегам и руководству свою способность самостоятельно справиться со всеми трудностями [2]. Описанные результаты могут также обуславливаться желанием программистов, испытывающих определенный дискомфорт, сталкиваясь с новыми обстоятельствами или информацией, зарекомендовать себя перед руководством и коллегами с хорошей стороны. В связи с этим они могут стремиться к свободе и независимости при выполнении рабочих заданий, чаще брать на себя большую ответственность, нежели другие сотрудники.

Для программистов с негативным отношением к новизне обратная связь от работы является более значимым мотиватором, в отличие от тех, кто положительно реагирует на различные новшества и непривычные ситуации ($U_{эмп} = 969,00$; $p \leq 0,05$). Возможно, получение позитивной обратной связи от работы обладает большей мотивационной силой для программистов с негативным отношением к новизне, поскольку таким образом у них повышается уверенность в том, что они все делают правильно [10].

При сравнении программистов с различным отношением к сложным задачам были установлены следующие статистически значимые различия. Для программистов, которые толерантно относятся к сложным задачам, более высоким побудительным потенциалом обладает такой мотиватор, как взаимодействие ($U_{эмп} = 857,00$; $p \leq 0,05$). Вероятно, именно за счет развитой потребности в сотрудничестве и общении с коллегами специалисты формируют более толерантное отношение к неопределенности, поскольку верят в то, что в экстренных ситуациях (отсутствия или недостатка информации, противоречия и конфликта мнений) смогут обратиться за помощью к напарникам. В то же время у программистов с толерантным отношением к сложным задачам, по сравнению со специалистами с негативным отношением к ним, менее выраженным является такой мотиватор, как осознаваемая ответственность за работу ($U_{эмп} = 922,50$; $p \leq 0,05$). В отношении этого же параметра рабочей мотивации

были установлены различия между группами программистов с разной степенью *предпочтения неопределенности*. Так, программисты, которые имеют *высокую степень предпочтения неопределенности*, характеризуются меньшей выраженностью такого мотиватора труда, как *осознаваемый смысл работы*, по сравнению с программистами, не продемонстрировавшими позитивного отношения к неопределенности ($U_{эмп} = 970,50$; $p \leq 0,05$). Вероятно, для программистов, которые вполне комфортно чувствуют себя в процессе решения новой сложной задачи и в ситуации конфликта или нехватки информации, потребность в осознаваемом смысле выполняемой работы редуцируется, поскольку излишние размышления на этот счет могут привести к снижению эффективности деятельности [11]. В то же время для программистов, которые изначально ощущают себя не вполне комфортно в ситуации неопределенности, осознаваемый смысл выполняемой работы может стать единственной мотивирующей силой, не позволяющей прекратить выполнение задания на начальных этапах, а иногда и сформулировать новую, более высокую цель решения той или иной профессиональной задачи.

Таким образом, для программистов, продуктивность действий которых при воздействии фактора новизны снижается, более значимыми по сравнению с толерантно относящимися к новизне специалистами являются такие мотиваторы профессиональной деятельности, как завершенность задания, автономия и возможность получать обратную связь от работы. Для программистов, переживающих определенный эмоциональный дискомфорт в ситуациях выполнения сложных задач, более значимым мотиватором оказывается осознаваемая ответственность за работу, а менее значимым – взаимодействие с коллегами. В то же время осознаваемая ответственность за работу снижается по мере возрастания предпочтения неопределенности.

Описанные теоретические и эмпирические результаты могут быть применены при составлении отдельных рекомендаций по разработке программ мотивации сотрудников с учетом не только ведущих мотивов трудовой деятельности, но и отношения к неопределенности, подбирая для толерантных к неопределенности сотрудников одни технологии стимулирования, а для интолерантных – другие. Например, важно поддерживать высокую степень социальной удовлетворенности программистов с высокой толерантностью к неопределенности. Для этого в организации необходимо в первую очередь диагностировать и выявить значимые и важные критерии социальной удовлетворенности работников, и уже по результатам исследования составлять индивидуальные планы развития и мотивации сотрудников, расставляя акценты на значимых параметрах, что по-

зволит специалистам отдела по работе с персоналом более направленно и эффективно справляться с поставленными задачами. Кроме того, важно обеспечивать достойный уровень материального вознаграждения. В организации это может обеспечиваться за счет введения расширенной и прозрачной системы материальной мотивации (бонусы и премии за проекты, соблюдение дедлайнов, принятие новых и эффективных рекомендаций по улучшению функционирования и эффективности команды и т. д.); проведения мониторинга удовлетворенности и улучшения условий труда и заработной платы сотрудников; организации дней карьеры, на которых специалист по работе с персоналом будет проводить мониторинг карьерных пожеланий и стремлений сотрудников и совместно с ними планировать дальнейшие шаги (план по развитию компетенций для желаемой должности и мероприятия для их развития). Также необходимо обеспечивать высокий уровень осознаваемой ответственности за работу таких программистов, в том числе повышать ответственность можно за счет дальнейшей работы с лояльностью персонала, осознанием программистом себя как части команды, а также понимание им важности своих действий в рамках глобального развития компании. Для специалистов, которые хотят расти и развиваться в управленческом плане, необходимо использовать стратегию делегирования части полномочий руководителю сотруднику. Например, поручив работнику и возложив на него ответственность за его выполнение какого-либо проекта. Для ощущения сотрудником большей самостоятельности в принятии решений необходимо предоставить ему некоторые ресурсы, например, группу специалистов, которую он будет возглавлять. Программистам, интолерантным к неопределенности, необходимо постоянно предоставлять обратную связь от работы, которая может исходить от менеджера проекта в присутствии специалиста отдела по работе с персоналом. Для таких сотрудников подобные мероприятия стоит проводить как в начале его работы (в адаптационный период), так и по мере его развития в компании. При этом чрезмерная удовлетворенность содержанием деятельности и условиями труда наоборот может негативно отражаться на эффективности работы программистов. Специалистам по работе с персоналом важно уделить этому особое внимание, так как в IT-компаниях в целях сохранения и удержания персонала, как правило, не жалеют ресурсов и бюджета на проведение всевозможных мероприятий, бонусов и т. д. Нетолерантных к неопределенности сотрудников нельзя исключать из системы бонусов, но следует, по крайней мере, не усердствовать над их включенностью в различные комплексы мероприятий.

Проведенное исследование позволяет наметить возможные пути дальнейшего изучения данной проблематики. Так, малоизученными остаются вопросы специфики рабочей мотивации программистов, работающих в офисе и дистанционно;

стратегии совладания сотрудников с различными ведущими факторами рабочей мотивации с ситуациями неопределенности на рабочем месте; карьерные ориентации программистов, предпочитающих ситуации неопределенности и под.

Библиографические ссылки

1. Волгина О. Н. Мотивация труда персонала финансово-кредитных организаций / под ред. О. Г. Одогова. М. : Экзамен, 2002.
2. Хахалин А. В. Мотивация персонала компьютерных проектных организаций : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. М., 2005.
3. Палицын В. А. Мотивация творческой активности программистов // Веснік сувязі. 2011. № 4 (208). С. 47–52.
4. Хахалин А. В. Факторы мотивации персонала информационных отделов современных организаций // Теория и практика управления: новые подходы. М., 2004. Вып. 3. С. 15–27.
5. Галич Д. Мотивация профессиональной деятельности программистов [Электронный ресурс] // Dou. URL: <http://dou.ua/lenta/articles/motivation> (дата обращения: 05.04.16).
6. Boisvert D., Illidge A. Motivating clinical SAS programmers. Pittsburgh : NESUG, 2008.
7. Бутько А. Г. Особенности мотивации трудовой деятельности программистов-разработчиков // Молод. ученый. 2015. № 12 (92). С. 568–570.
8. McLain D. L., Kettallonitis E., Armani K. Ambiguity tolerance in organizations: definitional clarification and perspectives on future research // Front. Psychol. 2015. Vol. 25, № 6. P. 344–358. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00344.
9. Гусев А. И. Толерантность к неопределенности: проблематика исследований // Практич. психол. та соціал. робота. 2007. № 8. С. 75–80.
10. Gagne M. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. New York : Oxf. Univ. Press, 2014.
11. Meyer J. P., Allen N., Smith C. A. Commitment to organizations and occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization // J. Applied Psychol. 1993. Vol. 78 (4). № 11. P. 538–551. DOI: 10.1037/0021-9010.78.4.538.

References

1. Volgina O. N. Motivatsiya truda personala finansovo-kreditnyih organizatsiy [The motivation of the personnel of financial and credit institutions]. Moscow : Ekzamen, 2002 (in Russ.).
2. Khakhalin A. V. Motivation of personnel of computer project organizations [Sociology of management] : thesis of diss. ... PhD (sociology) : 22.00.08. Moscow, 2005 (in Russ.)
3. Palitsyn V. A. Motivatsiya personala kompyuternyih proektnyih organizatsiy [Motivation of creative activity of programmers]. URL: <http://www.giprosvjaz.by/infresource/?q=en/node/254492> (date of access: 10.04.2016) (in Russ.).
4. Khakhalin A. V. Factors motivating information department of modern organizations staff. In: *Teoriya i praktika upravleniya: novye podkhody* [Theory and practice of management: new approaches]. Moscow, 2004. P. 15–27 (in Russ.)
5. Galich D. Motivatsiya professionalnoy deyatelnosti programmistov [Motivation of professional activity of programmers]. Dou. URL: <http://dou.ua/lenta/articles/motivation> (date of access: 05.04.2016) (in Russ.).
6. Boisvert D., Illidge A. Motivating clinical SAS programmers. Pittsburgh: Nesug, 2008.
7. Butko A. G. Features of motivation of labor activity of programmers-developers. *Molodoy ucheniy* [Yong sci.]. No. 12 (92). P. 568–570 (in Russ.).
8. McLain D. L., Aetfallonitis E., Armani K. Ambiguity tolerance in organizations: definitional clarification and perspectives on future research. *Front. Psychol.* Vol. 25, No. 6. P. 344–358. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00344.
9. Gusev A. I. Tolerance to uncertainty: research problems. *Praktichna psihologiya ta sotsialna robota* [Practical Psychology and Social Work]. 2007. No. 8. P. 75–80 (in Russ.).
10. Gagne M. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. New York : Oxf. Univ. Press, 2014.
11. Meyer J. P., Allen A., Smith C. A. Commitment to organizations and occupations: Extension and Test of a Three-Component Conceptualization. *J. Appl. Psychol.* 1993. Vol. 78, No. 11. P. 538–551. DOI: 10.1037/0021-9010.78.4.538.

Статья поступила в редакцию 09.02.2017.
Received by editorial board 09.02.2017.

УДК 316.644:159.922.1

ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛЕЙ У КОРЕЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Е. А. ТРУХАН¹⁾, А. А. САЛИВОНЧИК²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Посольство Республики Корея в Республике Беларусь, пр. Победителей, 59, 220035, г. Минск, Беларусь

Обсуждаются результаты впервые проведенного сравнительного анализа гендерных установок белорусских и корейских студентов в отношении внутрисемейного распределения ролей. Выявлено как наличие эгалитарных установок у белорусских и корейских студентов и студенток относительно большинства семейных ролей, так и устойчивость традиционных взглядов студентов на реализацию мужчиной и женщиной определенных ролей в семье. Обнаружена тенденция к преодолению стереотипных представлений о распределении семейных ролей между полами у корейских респондентов. Установлено, что белорусские респонденты в целом демонстрируют большую согласованность установок относительно гендерной дифференциации ролей в семье.

Ключевые слова: гендерные установки; гендерная роль; гендерный стереотип; семейная роль; эгалитарность; белорусские студенты; корейские студенты.

Благодарность. Авторы статьи выражают благодарность Посольству Республики Корея в Республике Беларусь за помощь в организации исследования.

GENDER ATTITUDES WITH REGARD TO INTRA-FAMILY DISTRIBUTION OF ROLES AMONG KOREAN AND BELARUSIAN STUDENTS

E. A. TRUHAN^a, A. A. SALIVONCHIK^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bEmbassy of the Republic of Korea in the Republic of Belarus, 59 Pieramožcaŭ Avenue, Minsk 220035, Belarus

Corresponding author: E. A. Truhan (elena.an.t@tut.by)

The article discusses the results of the first comparative analysis of gender indicators of Belarusian and Korean students regarding the distribution of roles within the family. It was revealed both the presence of egalitarian attitudes among Belarusian and Korean students (males and females) regarding the majority of family roles, and the stability of their traditional views on the realization of certain roles in the family by a man and a woman. There is a tendency to overcome the stereotypes of family roles distribution between the sexes among Korean respondents. Belarusian respondents generally demonstrated more coherence regarding gender role differentiation in the family.

Key words: gender attitudes; gender role; gender stereotype; family role; egalitarianism; Belarusian students; Korean students.

Acknowledgements. The authors of the article express their gratitude to the Embassy of the Republic of Korea in the Republic of Belarus for assistance in the organization of the study.

Образец цитирования:

Трухан Е. А., Саливончик А. А. Гендерные установки в отношении внутрисемейного распределения ролей у корейских и белорусских студентов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 74–82.

For citation:

Truhan E. A., Salivonchik A. A. Gender attitudes with regard to intra-family distribution of roles among Korean and Belarusian students. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 74–82 (in Russ.).

Авторы:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.
Александра Александровна Саливончик – старший сотрудник.

Authors:

Elena A. Truhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
elena.an.t@tut.by
Alexandra A. Salivonchik, senior assistant.
asalivonchik@yandex.ru

Введение

Соответствие индивидуального поведения гендерной роли является важным условием успешной адаптации человека к социуму. Гендерная установка, как готовность следовать определенной роли, выполняет инструментальную и эгозащитную функции, а также функции выражения ценностей и организации знаний [1]. Установки мужчин и женщин относительно распределения семейных и профессиональных ролей между полами часто бывают стереотипными, усвоенными в процессе гендерной социализации из таких источников, как семья, значимые взрослые, сверстники, учреждения образования, СМИ, интернет и т. д.

Изучение гендерных установок и стереотипов современных белорусов позволяет, как и ранее, отнести белорусское общество к традиционному, с патриархальным представлением о роли мужчины и женщины в семье [2–5]. Несмотря на то что социальная роль женщины претерпела изменения (женщина получила доступ к образованию и профессиональной карьере), в белорусском общественном сознании преобладают традиционные взгляды на роль матери и хозяйки. Закрепленное и передаваемое от поколения к поколению представление о том, что семья – главное предназначение женщины, приводит к двойной занятости белорусок: кроме «основной» роли, они наравне с мужчинами занимаются трудовой деятельностью и приносят доход в семейный бюджет. Уровень занятости женщин трудоспособного возраста в экономике Беларуси составляет более 80 %. Необходимо переосмысление и перераспределение такой ролевой нагрузки женщины, а также переход к совместному участию женщины и мужчины в реализации основных семейных функций.

Корейское общество также относится к числу патриархальных, чему способствовали закрепленные в конфуцианстве полоролевые нормы пове-

дения [6–8]. Согласно конфуцианской доктрине семейные отношения строились по принципу «доминирование–подчинение». Женщина подчинялась мужчине в зависимости от своей роли (отцу, если выполняла роль дочери; мужу, если была замужем; сыну, если являлась вдовой). В корейском языке слово «жена» (*ансарам* или *чпкхсарам*) дословно переводится как внутренний, домашний человек. Несмотря на активные действия правительства Кореи в сфере гендерной политики и равенства, гендерные стереотипы продолжают транслироваться и на современном этапе общественного развития. В 2017 г. по индексу гендерного равенства (*The Global Gender Gap Index*) Корея заняла лишь 118 позицию среди 144 стран мира. Вместе с тем по результатам социологических опросов и опубликованных официальными источниками исследований в корейском социуме наблюдается тенденция к пересмотру традиционных гендерных ролей [9].

Для изучения гендерных установок в отношении внутрисемейного распределения ролей у белорусских и корейских студентов была использована методика «Распределение ролей в семье», разработанная Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозманом и Е. М. Дубовской. Всего в исследовании приняло участие 60 студентов БГУ в возрасте от 19 до 22 лет, в их число вошли 30 корейских студентов (15 мужчин и 15 женщин) и 30 белорусских студентов (15 мужчин и 15 женщин). Сравнительный анализ эмпирических данных при помощи непараметрического *U*-критерия Манна – Уитни был осуществлен следующим образом:

- 1) белорусские студенты и студентки;
- 2) корейские студенты и студентки;
- 3) белорусские и корейские студенты;
- 4) белорусские и корейские студентки;
- 5) белорусская и корейская группы.

Результаты и их обсуждение

Во всех перечисленных сравниваемых группах были обнаружены статистически значимые различия. Следует отметить, что подобное сравнение гендерных установок белорусских и корейских студентов проводилось впервые.

Выявленные установки относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной у белорусских респондентов по одноименной методике указывают на преобладание эгалитарных взглядов в отношении пяти у студенток и шести у студентов из семи изучаемых сфер (рис. 1).

Это свидетельствует о положительной динамике ухода от традиционной гендерной дифференциации социальных (в том числе и семейных) ролей в современном белорусском обществе. Схо-

жие результаты были получены в исследовании Л. Г. Степановой, по мнению которой дихотомия гендерных ролей и строгое следование гендерным стереотипам ведут к внутриличностному конфликту. Эгалитарность, напротив, позволяет мужчине или женщине отвечать на воздействия среды целесообразным и гибким поведением [10].

Типично мужской ролью и юноши, и девушки в белорусской выборке считают материальное обеспечение семьи, в исследовании Т. П. Калгиной такого же мнения придерживаются 50 % юношей и 38 % девушек в возрасте от 17 до 20 лет [3]. Исключительно женской ролью, по мнению белорусских девушек, является создание в семье эмоционального климата (см. рис. 1).

При сравнении гендерных установок относительно распределения ролей в семье у белорусских студентов и студенток были обнаружены значимые различия по шкалам «организация развлечений» и «организация семейной субкультуры» (табл. 1). Это означает, что белорусские девушки в большей

степени, чем белорусские юноши, придерживаются эгалитарных установок относительно организации семейного досуга и формирования у членов семьи определенных культурных ценностей и интересов. Белорусские юноши полагают, что эти роли в семье должны выполнять в большей степени мужчины.



Рис. 1. Установки белорусских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Fig. 1. The attitudes of Belarusian students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

Таблица 1

Значимые различия в установках белорусских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Table 1

Significant differences in the attitudes of Belarusian students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

| Семейная роль | Средний ранг | | U-критерий Манна – Уитни | Уровень значимости |
|----------------------------------|--------------|-----------|-----------------------------|-----------------------|
| | Студенты | Студентки | | |
| Организация развлечений | 12,13 | 18,87 | 62 | 0,028 |
| Организация семейной субкультуры | 9,83 | 21,17 | 27,5 | 0,001 |

Полученные данные относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной, по мнению корейских студентов и студенток, также демонстрируют преобладание у них эгалитарных установок. Мужской корейские девушки считают роль инициатора сексуальных отношений, а корейские юноши – роль кормильца семьи (рис. 2).

При сравнении представлений о распределении ролей в семье между мужчиной и женщиной у корейских студентов и студенток были выявлены значимые различия по шести шкалам: «воспитание детей», «материальное обеспечение семьи»,

«эмоциональный климат в семье», «организация развлечений», «роль хозяйки/хозяина», «сексуальный партнер» (табл. 2).

Это означает, что корейские девушки придерживаются эгалитарных установок в отношении зарабатывания денег и традиционных представлений о ведущей роли мужчины в сексуальной сфере. Корейские юноши, наоборот, полагают, что функцию материального обеспечения семьи должен выполнять мужчина, а по вопросам активности в плане сексуального поведения придерживаются эгалитарных установок.

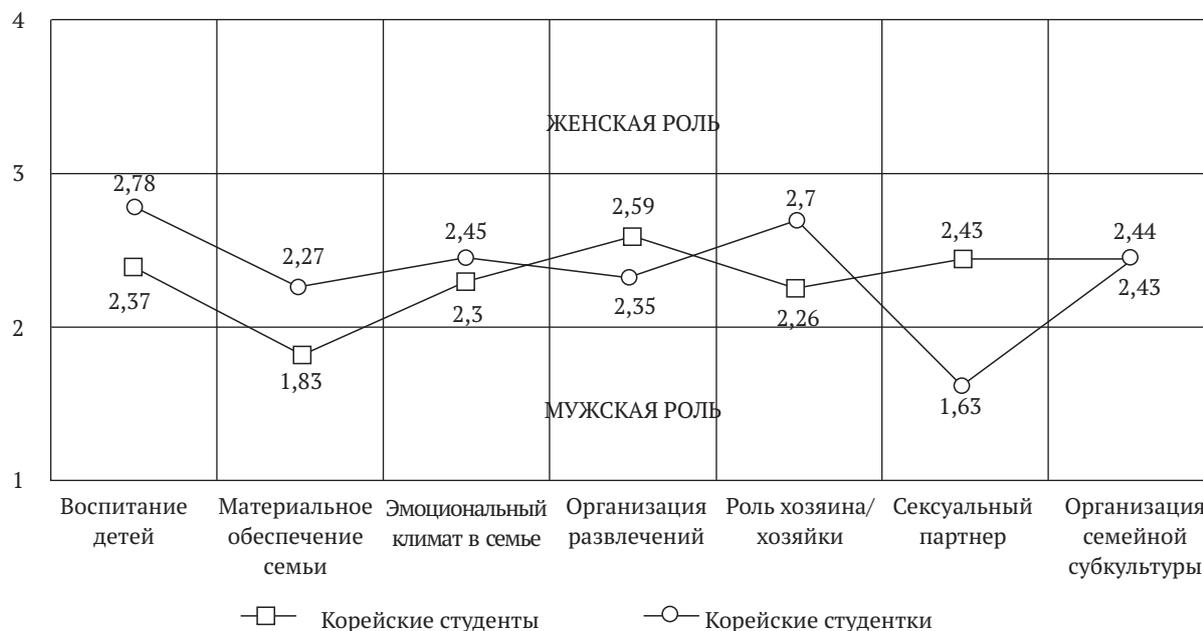


Рис. 2. Установки корейских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Fig. 2. The attitudes of Korean students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

Таблица 2

Значимые различия в установках корейских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Table 2

Significant differences in the attitudes of Korean students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

| Семейная роль | Средний ранг | | U-критерий Манна – Уитни | Уровень значимости |
|--------------------------------|--------------|-----------|--------------------------|--------------------|
| | Студенты | Студентки | | |
| Воспитание детей | 11,57 | 19,43 | 53,5 | 0,011 |
| Материальное обеспечение семьи | 10,83 | 20,17 | 42,5 | 0,003 |
| Эмоциональный климат в семье | 11,5 | 19,5 | 52,5 | 0,004 |
| Организация развлечений | 19,97 | 11,03 | 45,5 | 0,003 |
| Роль хозяина/хозяйки | 10,23 | 20,77 | 33,5 | 0,001 |
| Сексуальный партнер | 21,13 | 9,87 | 28 | 0,001 |

В то же время полученные данные отражают склонность корейских студенток относить воспитание детей, ведение домашнего хозяйства и эмоциональную поддержку в семье скорее к женской роли, а студентов – к мужской. Несмотря на эгалитарность взглядов корейских студентов и студенток относительно организации развлечений семьи, была выявлена тенденция считать это женской ролью у юношей и мужской у девушек.

Из данных, приведенных в таблицах 1 и 2, следует, что белорусская выборка обладает большей согласованностью взглядов относительно распре-

деления ролей в семье между мужчиной и женщиной, в то время как в корейской выборке так называемый гендерный контракт находится в процессе формирования: значимые различия были выявлены по шести из семи шкал. Полученные результаты могут быть следствием происходящих в настоящее время изменений полоролевых установок и стереотипов в корейском социуме. Модернизация корейского общества, осуществляемая благодаря экономическим успехам, с одной стороны, и действиям государственной гендерной политики с другой, приводит к постепенной трансформации гендер-

ных стереотипов среди корейцев, что сопряжено с определенными противоречиями и конфликтами между полами.

Министерством по вопросам гендерного равенства и семьи Республики Корея были проведены опросы мужчин и женщин относительно того, какие бытовые роли в семейной жизни они

выполняют (табл. 3). Полученные результаты показывают, что основные бытовые роли по-прежнему выполняют преимущественно женщины, однако участие мужчин в выполнении таких обязанностей растет, что указывает на постепенный уход от традиционных полоролевых стереотипов [9].

Таблица 3

Результаты опросов корейских мужчин и женщин о распределении бытовых ролей в семейной жизни (2010 и 2015 гг.), %

Table 3

The results of the surveys among Korean men and women on the distribution of household duties in family life (2010 and 2015), %

| Семейная (бытовая) роль | Мужчины | | Женщины | |
|-------------------------|---------|---------|---------|---------|
| | 2010 г. | 2015 г. | 2010 г. | 2015 г. |
| Приготовление еды | 22,2 | 38,5 | 80,9 | 84,8 |
| Мытье посуды | 29 | 45 | 84,7 | 86,7 |
| Стирка | 20,4 | 27,8 | 81,5 | 78,7 |
| Глажка | 12,9 | 8,4 | 65,7 | 30,9 |
| Уборка | 40,8 | 50,8 | 86,6 | 85,3 |
| Вывоз мусора | 31,5 | 40,8 | 78,1 | 72 |

В результате сопоставления данных об установках в отношении распределения внутрисемейных ролей между мужчиной и женщиной у белорусских и корейских студентов (юношей) была выявлена схожесть как консервативных взглядов относительно роли мужчины в материальном обеспече-

нии семьи, так и эгалитарных установок по всем остальным сферам (рис. 3).

Тем не менее при сравнительном анализе гендерных установок относительно распределения ролей в семье у белорусских и корейских студентов (юношей) по *U*-критерию Манна – Уитни были

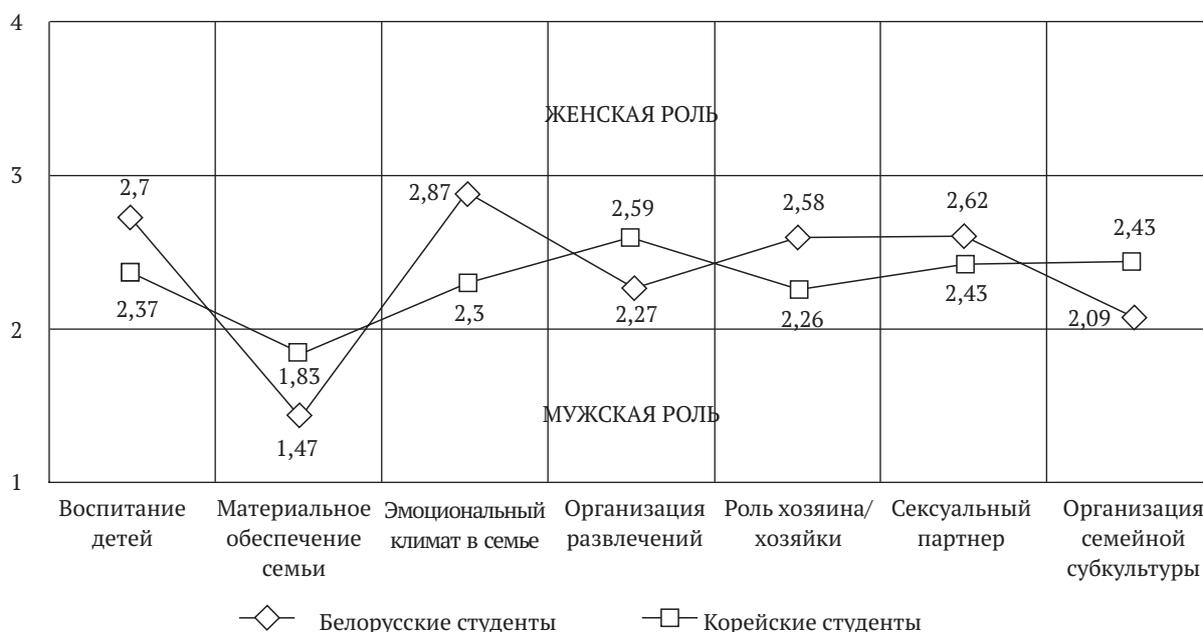


Рис. 3. Установки белорусских и корейских студентов (юношей) относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной
 Fig. 3. The attitudes of Belarusian and Korean students (boys) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

выявлены значимые различия по шкалам «воспитание детей», «материальное обеспечение семьи», «эмоциональный климат в семье», «организация развлечений», «роль хозяина/хозяйки», «организация семейной субкультуры» (табл. 4).

Можно сделать вывод о том, что традиционная установка относительно мужской роли кормильца семьи у белорусских студентов выражена сильнее, чем у корейских. Формирование жизненных принципов и правил семьи юноши обеих групп отнесли к эгалитарным ролям, однако белорусские студенты считают это в большей степени мужским делом. Причисленные к эгалитарным роли семейного психотерапевта, воспитателя и хозяина/хозяйки белорусские юноши относят скорее к женским, а корейские – к мужским. Организацию развлечений,

наоборот, белорусские студенты считают в большей степени мужской ролью в семье, а корейские – женской.

Полученные данные об установках относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной у белорусских и корейских девушек позволили выявить ряд существенных расхождений. Если по вопросам материального обеспечения и эмоциональной поддержки в семье белорусские девушки придерживаются консервативных взглядов (первое они считают мужской, а второе – женской ролями), то их корейские сверстницы обе роли причисляют к эгалитарным. В то же время роль сексуального партнера белорусские студентки считают эгалитарной, а корейские – традиционно мужской (рис. 4).

Таблица 4

Значимые различия в установках белорусских и корейских студентов (юношей) относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Table 4

Significant differences in the attitudes of Belarusian and Korean students (boys) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

| Семейная роль | Средний ранг | | U-критерий Манна – Уитни | Уровень значимости |
|----------------------------------|--------------|---------|--------------------------|--------------------|
| | Белорусы | Корейцы | | |
| Воспитание детей | 18,9 | 12,1 | 61,5 | 0,028 |
| Материальное обеспечение семьи | 12,2 | 18,8 | 63 | 0,03 |
| Эмоциональный климат в семье | 21,5 | 9,5 | 22,5 | 0,001 |
| Организация развлечений | 11,43 | 19,57 | 51,5 | 0,006 |
| Роль хозяина/хозяйки | 20,7 | 10,3 | 34,5 | 0,001 |
| Организация семейной субкультуры | 11,09 | 19,93 | 46 | 0,004 |



Рис. 4. Установки белорусских и корейских студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Fig. 4. The attitudes of Belarusian and Korean students (girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

При сравнении гендерных установок у белорусских и корейских студенток по *U*-критерию Манна – Уитни подтвердились различия по шкалам

«материальное обеспечение семьи», «эмоциональный климат в семье», «сексуальный партнер», а также «организация развлечений» (табл. 5).

Таблица 5

Значимые различия в установках белорусских и корейских студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Table 5

Significant differences in the attitudes of Belarusian and Korean students (girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

| Семейная роль | Средний ранг | | <i>U</i> -критерий Манна – Уитни | Уровень значимости |
|--------------------------------|--------------|---------|----------------------------------|--------------------|
| | Белоруски | Корейки | | |
| Материальное обеспечение семьи | 9,13 | 21,87 | 17 | 0,001 |
| Эмоциональный климат в семье | 21,80 | 9,2 | 18 | 0,001 |
| Организация развлечений | 18,97 | 12,03 | 60,5 | 0,025 |
| Сексуальный партнер | 20,83 | 10,17 | 32,5 | 0,001 |

Результаты исследования указывают на наличие у белорусских студенток гендерной стереотипной установки в отношении обеспечения материального благосостояния семьи мужчиной и эмоционального комфорта женщиной. Корейские же студентки консервативны относительно ведущей роли мужчины в сексуальном поведении. Инициативам в сфере досуга, по мнению и белорусских, и корейских девушек, присуща эгалитарная установка, однако корейки склонны считать это скорее мужской ролью.

Сопоставление данных о гендерных установках в отношении распределения ролей в семье у белорусской и корейской групп (студентов и студенток)

также указывает на приверженность белорусской выборки гендерному стереотипу о материальном обеспечении семьи мужчиной и поддержании эмоционального климата в семье женщиной (рис. 5). О. А. Янчук было проведено исследование жителей Беларуси, данные которого также подтверждают распространенность и ригидность патриархальных стереотипов о распределении ролей в современной семье [5].

Респонденты из корейской выборки отнесли все изучаемые семейные роли к эгалитарным, предполагающим совместный и сопоставимый вклад мужчины и женщины в выполнение соответствующих обязанностей (рис. 5). На модернизацию

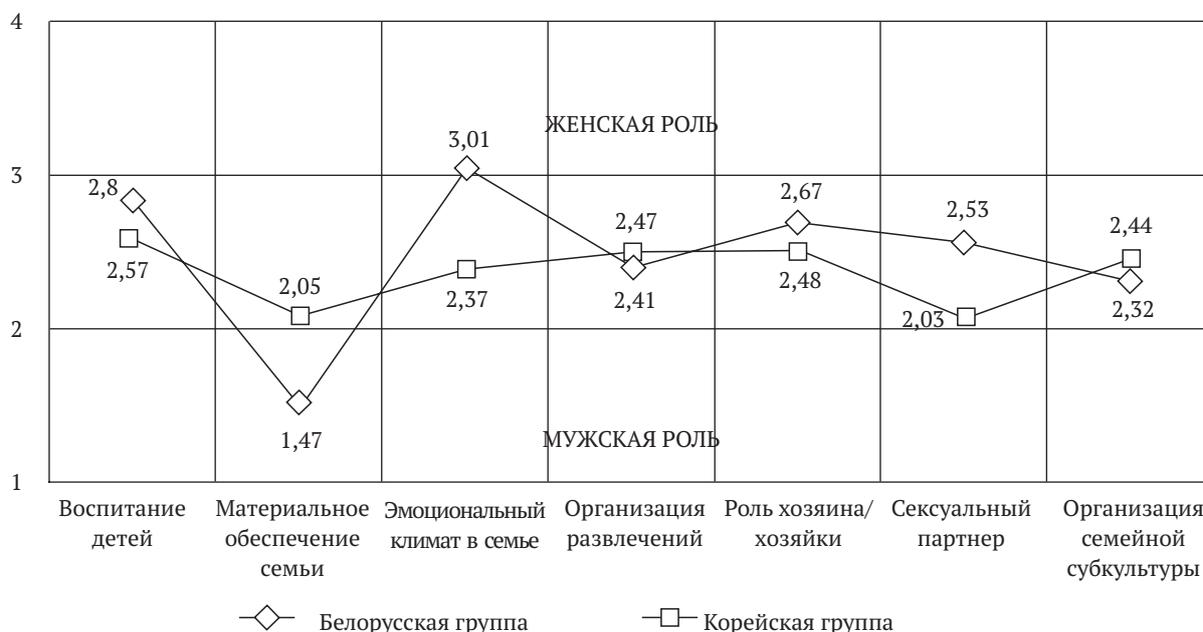


Рис. 5. Установки белорусских и корейских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Fig. 5. The attitudes of Belarusian and Korean students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

корейского общества и, как следствие, на постепенные изменения в классическом гендерном распределении семейных ролей обращает внимание М. Пак [6]. Он полагает, что современным корейцам присущи эгалитарные установки на многие гендерные роли. Данное исследование демонстрирует существенный прогресс в вопросах гендерного равенства у молодого поколения Кореи.

Согласно официальным данным Министерства по вопросам гендерного равенства и семьи Республики Корея проводимая комплексная программа по достижению общества равных возможностей приносит результаты. В 2015 г. министерством было проведено масштабное исследование среди 5018 семей по выявлению в корейском обществе гендерных стереотипов о распределении ролей в семье. Полученные результаты сравнивались с результатами 2010 г. [9].

Так, на вопрос «Должны ли отцы в равной степени с матерью заниматься воспитанием детей?» была получена оценка в 4,1 балла (из 5-и возможных), при этом согласных 20-летних респондентов было 81,3 %, 30-летних – 83,5, 40-летних – 80,8, 50-летних – 80,4 и 60-летних – 77,4. В 2010 г. аналогичный показатель оценивался в 3,7 балла.

По вопросу «Ответственны ли женщины в равной степени за пополнение семейного бюджета, как и мужчины?» в 2015 г. была получена оценка в 3,9 балла (в 2010 г. – 3,7), при этом ответивших утвердительно среди 20-летних оказалось 77,3 %, среди 30-летних – 72,2, 40-летних – 70, 50-летних – 69, 60-летних – 67,9.

Вопрос «Должны ли работающие супруги поровну разделять семейные обязанности?» в 2015 г. набрал 3,7 балла (2010 год – 3,6), при этом за равное разделение обязанностей из 20-летних респондентов высказались 68,4 %, 30-летних – 66,7, 40-летних – 61,2, 50-летних – 59,6, 60-летних – 58,2.

Заметна тенденция к преодолению стереотипных представлений о разделении семейных ролей между мужчиной и женщиной у более молодых корейцев.

Сравнительный анализ гендерных установок относительно распределения ролей в семье у белорусской и корейской групп по *U*-критерию Манна – Уитни позволил выявить значимые различия по шкалам «воспитание детей», «материальное обеспечение семьи», «эмоциональный климат в семье», «роль хозяина/хозяйки», «сексуальный партнер» (табл. 6).

Таблица 6

Значимые различия в установках белорусских и корейских студентов и студенток относительно распределения семейных ролей между мужчиной и женщиной

Table 6

Significant differences in the attitudes of Belarusian and Korean students (both boys and girls) regarding the distribution of family roles between a man and a woman

| Семейная роль | Средний ранг | | <i>U</i> -критерий Манна – Уитни | Уровень значимости |
|--------------------------------|--------------------|------------------|----------------------------------|--------------------|
| | Белорусская группа | Корейская группа | | |
| Воспитание детей | 34,3 | 26,7 | 336 | 0,078 |
| Материальное обеспечение семьи | 20,93 | 40,07 | 163 | 0,001 |
| Эмоциональный климат в семье | 41,97 | 19,03 | 105 | 0,001 |
| Роль хозяина/хозяйки | 36,53 | 24,47 | 269 | 0,005 |
| Сексуальный партнер | 36,4 | 24,6 | 273 | 0,007 |

Несмотря на то что корейская выборка в целом причисляет роль материального обеспечения и содержания семьи к эгалитарной, более детальный анализ показывает, что только корейские девушки относят эти обязанности и к мужской, и к женской ролям, в то время как корейские юноши считают это исключительно мужской ролью (см. рис. 2).

Роль сексуального партнера и белорусские, и корейские респонденты отнесли к эгалитарным, но в корейской выборке выражена тенденция считать данную роль в большей степени мужской, впрочем, это характерно именно для девушек (см. рис. 2).

Относительно психотерапевтической роли женщины в семье (обеспечение эмоционального бла-

гополучия) по белорусской выборке можно сделать вывод о том, что именно белорусские девушки придерживаются консервативных взглядов, белорусские же юноши считают эту роль эгалитарной (см. рис. 1).

Функции воспитания детей и приготовления пищи, обеспечения порядка и чистоты в доме белорусские респонденты склонны считать скорее женскими (см. рис. 1). Затраты времени на выполнение домашней работы, по данным О. А. Янчук, составляют 36,4 % у женщины и лишь 13,6 % у мужчины от общего времени их бодрствования [5]. В исследовании С. Н. Буровой была выявлена тенденция к переосмыслению степени

участия мужской части населения в ведении домашнего хозяйства. Участие мужчин в домашних делах воспринимается как нормальное явление большинством минских студентов и студенток, однако почти 30 % юношей и 12 % девушек счи-

тают, что мужчина не должен заниматься домашними делами. Вместе с тем подавляющее большинство студентов (86 %) и студенток (92 %) считают, что мужчины умеют хорошо заботиться о детях [2].

Заключение

Сравнительный анализ гендерных установок в отношении распределения ролей в семье у корейских и белорусских юношей и девушек позволил, с одной стороны, выявить наличие эгалитарных, т. е. не предполагающих строгой дифференциации установок у современных студентов относительно большинства внутрисемейных ролей, а с другой – констатировать их привержен-

ность традиционным взглядам на реализацию определенных ролей в семье мужчиной и женщиной.

Полученные результаты могут стать основой для более глобального кросскультурного исследования различий в полоролевых установках и стереотипах в контексте современных приоритетов гендерного равенства.

Библиографические ссылки

1. Торкунова О. И., Петровская М. В., Емельяненко А. А. Гендерные установки как детерминанта выбора модели семьи [Электронный ресурс] // Казан. педагог. журнал. 2016. № 1 (114). С. 198–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-ustanovki-kak-determinanta-vybora-modeli-semi> (дата обращения: 10.01.2018).
2. Бурова С. Н. Гендерные стереотипы в университетской среде Минска. Минск : Юнипак, 2014.
3. Калгина Т. П. Некоторые гендерные стереотипы у молодежи и их влияние на представление о социальных ролях мужчин и женщин // Человек. Культура. Общество : тез. докл. I Междунар. науч. конф. студентов и аспирантов (Минск, 21–22 мая 2004 г.) / отв. ред. А. А. Легчилин. Минск, 2004. С. 90–92.
4. Запотьлок Н. П. Гендерные стереотипы в представлении старшеклассников: вопросы и ответы // Народ. асвета. 2015. № 3. С. 92–96.
5. Янчук О. А. Гендерные роли в белорусской семье: стереотипы и традиции // Белорус. психол. журнал. 2004. № 4 (4). С. 10–13.
6. Park M. Development, Culture and Gender in Korea: a Sociological Study of Female Office Employees in Chaebol. Ann Arbor : thesis submitted ... dr. of philosophy (sociology) 2005. [Electronic resource]. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1818/1/U199105.pdf> (date of access: 10.01.2018).
7. Deuchler M. The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, 1995. [Electronic resource]. URL: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674160897> (date of access: 10.01.2018).
8. Ким А. С. Гендерные стереотипы в паремиях корейского и русского языков : автореф. дис. ... кандидат филол. наук : 10.02.20. Алматы, 2010.
9. Результаты исследования актуальной ситуации в корейских семьях за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mogef.go.kr/kor/skin/doc.html?fn=33602.hwp&rs=/rs...> (дата обращения 10.01.2018) (на кор.).
10. Степанова Л. Г. Гендерные роли: дихотомия или эгалитарность // Психол. журнал. 2006. № 3. С. 18–25.

References

1. Torkunova O. I., Petrovskaya M. V., Emelyanenko A. A. The gender-based settings as the determinant of the choice of family model. *Kazan. pedagog. J.* 2016. No. 1 (114). P. 198–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernye-ustanovki-kak-determinanta-vybora-modeli-semi> (date of access: 10.01.2018) (in Russ.).
2. Burova S. N. Gendernye stereotipy v universitetskoj srede Minska [Gender Stereotypes within Minsk university community]. Minsk : Unipack, 2014 (in Russ.).
3. Kalgina T. P. [Some Gender stereotypes among young people and their impact on the perception of the social roles of men and women]. *Chelovek. Kul'tura. Obshestvo* [Personal. Culture. Society] : thesis of rep. of I Int. sci. conf. of stud. and postgrad. stud. (Minsk, 21–22 May, 2004). Minsk, 2004. P. 90–92 (in Russ.).
4. Zapotylok N. P. [Gender stereotypes in vision of high schoolers: questions and answers]. *Narodnaja asveta* [Publ. educat.]. 2015. No. 3. P. 92–96 (in Russ.).
5. Yanchuk O. A. [The gender roles in the Belarusian family: stereotypes and traditions]. *Belorusskii psikhologicheskii zhurnal* [Belarus. psychol. J.]. 2004. No. 4. P.10–13 (in Russ.).
6. Park M. Development, Culture and Gender in Korea: A Sociological Study of Female Office Employees in Chaebol : thesis submitted ... doctor of philosophy (sociology). URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1818/1/U199105.pdf> (date of access: 10.01.2018).
7. Deuchler M. The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology. Cambridge, 1995. URL: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674160897> (date of access: 10.01.2018).
8. Kim A. S. Gender stereotypes in the paroemias of Russian and Korean languages : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.20. Алматы, 2010 (in Russ.).
9. The results of the research on the current situation in Korean families. URL: <http://www.mogef.go.kr/kor/skin/doc.html?fn=33602.hwp&rs=/rs...> (date of access: 10.01.2018) (in Korean).
10. Stepanova L. G. Gender roles: dichotomy or egalitarianism? *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychol. J.]. 2006. No. 3. P. 18–25 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.01.2018.
Received by editorial board 12.01.2018.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

К. И. ТАТАРКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен теоретический анализ понятия «социальные установки». Несмотря на продолжительную историю его исследования в этой области, остаются нерешенные вопросы. Показывается, что в научном сообществе присутствуют неоднозначные позиции в соотношении этой категории с терминами «аттитюд» (*attitude*), «предубеждение», «социальный стереотип», что может затруднять процедуру исследования социальных установок. Обозначены основные причины этой неопределенности. Разграничивается смысловое наполнение представленных понятий через их сопоставление. Определены нерешенные вопросы в изучении социальных установок.

Ключевые слова: аттитюд; *attitude*; предубеждение; социальный стереотип; социальная установка.

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность своему научному руководителю О. Г. Ксенде за оказываемую помощь в процессе написания статьи.

CONCEPT OF ATTITUDES IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF SOCIAL PSYCHOLOGY

К. I. TATARCO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article presents a theoretical analysis of the concept of «attitudes». Despite the long history of research of this concept, there are some unsolved questions in this area of knowledge. In the scientific community, there are ambiguous positions in the correlation of this category to the terms «attitude», «prejudice», «social stereotype», which can make it difficult to study the attitudes. The main reasons for this uncertainty are indicated. The semantic content of these concepts is delineated through their comparison. Unresolved issues in the study of attitudes have been identified.

Key words: attitude; prejudice; social stereotype.

Acknowledgements. I express my gratitude to my scientific adviser O. G. Ksionda for the assistance provided in the writing of article.

Введение

Социальные установки входят в перечень явлений, которые постоянно исследуются учеными и являются объектами их размышлений. Несмотря на активное и долготелее изучение феномена, в этой области остаются нерешен-

ные вопросы. Отсутствует единая точка зрения на понимание и определение социальных установок. В научном мире наблюдается тенденция к отождествлению социальных установок с понятиями «аттитюд» (*attitude*), «социальный сте-

Образец цитирования:

Татарко К. И. Понятие социальной установки в системе научного знания социальной психологии // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 83–88.

For citation:

Tatarco K. I. Concept of attitudes in the system of scientific knowledge of social psychology. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 83–88 (in Russ.).

Автор:

Кристина Игоревна Татарко – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О. Г. Ксенда.

Author:

Kristina I. Tatarko, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.
tatarco78@mail.ru

реотип», «предубеждение», «социальные представления». В то же время существует противоположная позиция: перечисленные явления не идентичны друг другу и имеют разное значение, отражающее многообразные проявления деятельности человека. Следовательно изобилие

противоречивых взглядов приводит психологов к неточному пониманию феномена социальных установок и отрицательно сказывается на качестве изучения.

Следует определиться с представленными понятиями, разграничив их смысловое наполнение.

Соотношение категорий «социальная установка» (*attitude*), «аттитюд»

Первоначально понятие *attitude* в социальной науке было введено У. Томасом и Ф. Знанецким и охарактеризовано как процесс переживания личностью значения социального объекта [1–3]. Вслед за первопроходцами данный феномен конкретизирует Г. Олпорт и определяет его как психологическую готовность индивида вести себя определенным образом относительно объекта. В русском языке стали встречаться такие аналоги этого понятия, как «аттитюд» (передача русскими буквами звуков английского языка) и «социальная установка». Данный факт привел к неоднозначности сопоставления понятий. Может возникнуть мнение о том, что эти термины различны по содержанию. Однако А. Г. Заливако, В. Т. Циба, В. А. Ядов отмечают, что социальная установка тождественна категории *attitude* [1; 3; 4].

В устной речи исследователей встречаются как термин «социальные установки», так и «аттитюды». Если говорить об употреблении данных терминов в научных статьях, то можно привести анализ электронного ресурса *eLIBRARY.RU*, который содержит 26 млн публикаций, из них 69 отражают проблемы аттитюдов, 2431 – социальных установок. В библиографических ссылках настоящей статьи присутствуют источники, включающие понятия и «аттитюд», и «социальные установки».

Следовательно, наличие в научном мире двух данных терминов вводит в заблуждение не только специалистов, но и людей, не связанных с психологией.

Обратимся к правилам перевода в процессе которого происходит «преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении значения» [5, с. 11]. В этом процессе наблюдается неполная передача содержания, тем не менее, несмотря на различие языковых единиц, между ними есть общий смысл. Иногда в английском языке встречаются высказывания, которых нет в русском, т. е. они не имеют подходящего лексического эквивалента. В таком случае английские звуки прописываются русскими буквами. Однако часто опыт представи-

телей различных стран о мире и жизни идентичен, что выражается и в языках [5]. Отношение к социальным группам и процессам существует во всех человеческих сообществах независимо от места проживания.

В статьях российских и белорусских авторов существуют следующие понимания социальной установки:

1) реальное и устойчивое состояние личности, отражающее отношение к социальному объекту;

2) регламенты относительно социальной сферы, распространяемые социальными институтами;

3) предрасположенность индивида воспринимать, оценивать и выстраивать определенную модель поведения относительно социальных объектов, организаций, событий;

4) социально-психологическая готовность индивида к конкретной деятельности в отношении социальных объектов и ситуаций;

5) предрасположенность индивида к действию относительно социального объекта [2; 3; 6–8].

Следовательно, категории *attitude* и «социальная установка» имеют общее значение готовности к определенной деятельности, образа, оценки относительно социальных объектов, ситуаций и организаций. В связи с этим данные понятия можно считать идентичными. Отметим, что использование слова «аттитюд» является лингвистической ошибкой, поскольку у английского понятия *attitude* существует русскоязычный эквивалент – «социальная установка». Возможно причинами использования термина «аттитюд» являются языковой барьер и стремление заимствовать иностранные термины. Помимо прочего, использование английских слов в русском языке может быть обусловлено следующими факторами:

1) попыткой сделать речь более понятной для носителей других языков;

2) стремлением человека идентифицировать себя с представителями другой культуры;

3) желанием избежать постоянного употребления одного термина (в этом случае аттитюд является синонимом социальной установки).

Соотношение понятий «социальный стереотип», «предубеждение» с понятием «социальная установка»

Одни исследователи определяют социальные стереотипы и предубеждение как установки по отношению к социальной группе [9–11], другие при-

держиваются противоположной точки зрения о том, что данные термины означают когнитивную (социальные стереотипы) и аффективную (пред-

убеждение) составляющие социальных установок [2; 4; 9; 11; 12].

Существуют различные подходы относительно элементарных составляющих социальной установки [1; 4; 7].

Первый подход предполагает, что социальные установки состоят из трех элементов (поведенческого, эмоционального и когнитивного), которые могут быть не согласованы между собой. Второй подход подвергает сомнению трехкомпонентную структуру и предлагает выделить два компонента социальной установки (когнитивный и аффективный). Представители третьего подхода считают, что с целью избежать разногласий и непонимания относительно компонентов социальной установки, необходимо оставить только эмоциональный – предубеждение. Однако такая трактовка социальных установок приравнивает их к понятию «отношение».

На сегодняшний момент отсутствует единая точка зрения на структуру социальных установок. По мнению А. Г. Асмолова, если концентрироваться на изучении отдельных компонентов этой структуры, то можно потерять из виду единый процесс. При этом, если анализировать социальные установки как целостное образование, то может утратиться и содержание [1]. Следовательно, необходимо проанализировать значение каждого элемента и их взаимосвязь. Несмотря на то что элементы

зачастую являются несогласованными, существуют исследования, демонстрирующие обратное. Необходимо объяснить причину появления противоречивых данных. Как отмечает О. А. Гулевич, структура социальных установок зависит от социального объекта. Если индивид узнал о нем в результате собственного опыта, то социальные установки будут состоять из когнитивного и эмоционального компонентов [7]. Следовательно, важную роль в этом плане играют характеристики социальных объектов и способ получения информации о них. Однако причина несогласованности компонентов социальной установки остается неясной.

Стоит отметить, что элементы социальной установки являются самостоятельными категориями (стереотипы – это мыслительный компонент, можно сказать, что у человека наблюдается стереотипное мышление, но такую формулировку невозможно применить к предубеждениям, так как они относятся к эмоциональной сфере). Несмотря на автономность перечисленных понятий, в повседневной реальности они могут проявляться одновременно, в связи с чем их трудно различить и отделить. Мнение о том, что социальная установка включает в себя три компонента: когнитивный (представлен стереотипами), аффективный (предубеждения) и поведенческий (готовность к определенной модели поведения) – представляется наиболее актуальным.

Соотношение когнитивного компонента социальной установки с понятием «социальные представления»

Ряд авторов придерживаются мнения о том, что социальный стереотип и социальные представления являются идентичными понятиями [9; 13; 14]. Такой взгляд на соотношение этих категорий можно объяснить тем, что социальные установки в середине XX в. дискредитировали себя, поскольку не оправдали ожидания ученых: социальные установки с низкой вероятностью предсказывают поведение конкретного индивида. В связи с этим стали появляться новые понятия. Преимущественно речь идет о теории социальных представлений, основоположниками которой стали представители европейской социальной психологии.

Социальные представления были сформулированы С. Московичи в 1960-х гг. как система идей, мыслей, образов, знаний, которыми руководствуются представители различных социальных групп [15]. Как отмечают К. Возллейн и К. Говарц в статье «Обзор споров о социальной теории представлений: Британские дебаты», социальные представления – это система ценностей, идей, которые позволяют человеку ориентироваться в мире и взаимодействовать с другими членами социума [16]. Данный феномен формируется через взаимные влияния, переговоры, обмен совпадающими

и несовпадающими мнениями. Затем социальные представления приобретают общий репертуар интерпретаций и объяснений, они способны в дальнейшем трансформироваться и изменяться. Социальные представления позволяют индивиду объяснять окружающий мир, они характеризуются как символы, верования и метафоры, знания здравого смысла [14; 15; 17]. Социальные представления обладают следующими особенностями:

- имеют коллективный характер (мнение группы), поскольку являются общими идеями, связывающими людей;
- безличны;
- характеризуются как должное;
- принадлежат всему миру;
- являются представлениями другого человека [14; 15; 17; 18].

В процессе ознакомления с теорией может сложиться впечатление об идентичности социальных представлений и когнитивного компонента социальных установок. В работе С. В. Трушковой «Структура, динамика и функции социальных представлений» упоминается, что стереотипы на групповом уровне могут характеризоваться как социальные представления [14]. И стереотипы, и социальные

представления действительно дают человеку знания относительно определенных элементов социального мира, однако первые являются упрощенными образами, которые распространяются на всех представителей конкретной социальной группы и не учитывают личностные характеристики индивида.

В категориальном аппарате социальных представлений не предполагается наличие эмоционального и поведенческого компонентов.

По мнению ряда авторов, основная особенность социальных представлений – это результат коллективного познания [14; 18; 19], в отличие от социальной установки, которая принадлежит единичному субъекту. Однако, по мнению других ученых, когнитивный компонент социальных установок и сами социальные установки подразделяются на

общественные и персональные [10; 12; 20]. Общественные формируются под влиянием различных социальных институтов и являются общими для большинства, персональные, в свою очередь, характерны для единичного субъекта и могут отличаться от общественных.

Мнение исследователей о том, что социальные установки формируются на уровне единичного субъекта, является не совсем верным, поскольку жизнедеятельность человека не обходится только индивидуальным опытом. Личностный опыт определяется и связан с воздействием элементов окружающей среды.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что когнитивный компонент социальных установок и социальные представления являются различными понятиями.

Выводы

Можно предположить, что основными являются следующие причины неоднозначной трактовки терминов «социальные установки» и понятий «аттитюд» (*attitude*), «социальный стереотип», «предубеждение», «социальные представления»:

- отсутствие единой платформы для трансляции результатов ученых;
- ошибки и неточности при переводе;
- проблема в определении структуры социальных установок в связи с несогласованностью элементов;
- неоправданные надежды исследователей на то, что знания относительно содержательной составляющей феномена социальной установки позволят им прогнозировать поведение человека.

Тем не менее социальные установки являются самостоятельной категорией в социальной психологии. На протяжении длительного времени их трактовки претерпевали изменения. Изначально они интерпретировались как готовность индивида вести себя определенным образом относительно социального объекта. Далее исследователи увидели более сложную структуру социальных установок, заключающуюся в том, что модель поведения выстраивается на основе знаний и отношений индивида, однако данные компоненты могут быть не согласованы. Тем не менее, *социальные установки* характеризуются предрасположенностью индивида воспринимать, оценивать и выстраивать конкретную модель поведения относительно социальных групп, процессов и явлений. Соответственно, они включают в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, каждый из которых выполняет свою роль. *Когнитивный элемент* (социальный стереотип) предоставляет человеку устойчивый и упрощенный образ социальной группы, который распространяется на всех ее представителей. *Аффективный элемент* (*пред-*

убеждение) позволяет индивиду формировать собственное отношение и оценивать определенную группу на основе имеющегося у него устойчивого и упрощенного образа (характеризуется проявлением эмоций и чувств по отношению к группе и ее представителям). *Поведенческий элемент* дает человеку возможность выстроить модели поведения в отношении представителей социальной группы.

Социальные установки позволяют человеку конструировать и упорядочивать собственную жизнь. Они организуют жизнедеятельность и наделяют существование смыслом, а значит данное явление уменьшает вероятность проявления деструкции в обществе.

Следует отметить, что социальные установки не являются изобретением ученых, они соответствуют действительности. Для человека характерно иметь обобщенные знания, отношения и модели поведения относительно объектов социальной действительности.

Однако нерешенными на данный момент остаются следующие вопросы:

- каковы причины несогласованности структуры социальных установок (выделение психологами различных компонентов этой структуры говорит о наличии проблем в данной области)?

- почему существует расхождение между общественными и персональными социальными установками? Такое расхождение приводит человека, с одной стороны, к отказу или отхождению от общественных норм, проявлению самостоятельности в высказывании собственной точки зрения, а с другой – к внутренним и внешним конфликтам личности.

Вместе с тем актуальность исследования социальных установок диктуется общественными противоречиями и конфликтами.

Библиографические ссылки

1. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М., 1977. С. 143–163.
2. Заливако А. Г. Социальные установки и жизненные позиции. Методика и методы исследования. Минск : ВА РБ, 2009.
3. Циба В. Т. Аналіз понять теорії особистості: соціальна настанова, соціальна установка, атитюд // Соціальна психологія. 2006. № 6. С. 21–34.
4. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / под ред. Е. В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международ. отношения, 1975.
6. Корж Е. М. Особенности аттитюдов к представителям других этнических групп // Актуал. пробл. психол. знания. 2016. № 2. С. 57–62.
7. Гулевич О. А. Психология коммуникации / гл. ред. Д. И. Фельдштейн. М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2007.
8. Ильюшкин В. В. Социальный стереотип как концентрированное выражение социальной установки // Вестн. науки и образования. 2015. № 1 (3). С. 87–92.
9. Нельсон Т. Психология предрассудков. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / пер. С. Комарова, А. Боршева. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003.
10. Рогач М. С. Стереотипизация личности // Актуал. пробл. психол. знания. 2010. № 4. С. 73–79.
11. Schneider D. J. The psychology of stereotyping. New York ; London : Guilford, 2004.
12. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений / гл. ред. Д. И. Фельдштейн. М. : Моск. психол.-социал. ин-т, 2007.
13. Попков В. Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Журн. социологии и соц. антропологии. 2002. № 3. С. 178–191.
14. Трушкова С. В. Структура, динамика и функции социальных представлений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 1996. № 3. С. 180–201.
15. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
16. Howarth C., Voelklein C. A Review of controversies about social representations theory: a British debate // Cult. Psychol. 2005. Vol. 11 (4). P. 431–454. DOI: 10.1177/1354067X05058586.
17. Емельянова Т. П. Социальное представление как инструмент социального познания (по материалам французской социальной психологии) // Наука и общество : тез. докл. и выступлений к Всесоюз. науч.-теорет. конф. (Иркутск, 4–6 октября 1983). Иркутск, 1983. Вып. 2. С. 5–7.
18. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987.
19. Сусанова И. А. Социальные представления и аттитюды: модель кросскультурного исследования // Вестн. ун-та. 2012. № 13. С. 321–326.
20. Минаева С. Н. Объективные и субъективные условия и факторы формирования социальных установок личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 09.00.01. Свердловск, 1984.

References

1. Asmolov A. G., Koval'chuk M. A. [On the relation between the concepts of installation in general and social psychology]. In: *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Theoretical and methodological problems of social psychology]. Moscow, 1977. P. 143–163 (in Russ.).
2. Zalivako A. G. *Sotsial'nye ustanovki i zhiznennye pozitsii. Metodika i metody issledovaniya* [Attitudes and life positions. The methodology and research methods: a handbook]. Minsk : Mil. acad. of the Repub. of Belarus, 2009 (in Russ.).
3. Tsiba V. T. [Analysis of social setting, attitude]. *Social'na psikhologija* [Soc. psychol.]. 2006. No. 6. P. 21–34 (in Ukrainian).
4. Yadov V. A. [About dispositional regulation of social behavior of the individual]. In: *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Methodological problems of social psychology]. Moscow, 1975. P. 89–105 (in Russ.).
5. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (questions of general and private translation theory)]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975 (in Russ.).
6. Korzh E. M. Features of attitudes towards other ethnic groups' representatives. *Actual probl. psikhologicheskogo znaniya* [Actual. probl. psychol. knowl.]. 2016. No. 2. P. 57–62 (in Russ.).
7. Gulevich O. A. *Psikhologiya kommunikatsii* [Psychology of communication]. Moscow : Moscow psychol.-social. inst., 2007 (in Russ.).
8. Il'yushkin V. V. [Social stereotype as a concentrated expression of attitudes]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [J. sci. and education]. 2015. No. 1 (3). P. 87–92 (in Russ.).
9. Nel'son T. *Psikhologiya predubezhdenii. Sekrety shablonov myshleniya, vospriyatiya i povedeniya* [The psychology of prejudice. Secrets of patterns of thinking, perception and behavior]. Saint Petersburg : Praym-Evroznak, 2003 (in Russ.).
10. Rogach M. S. [Stereotyping of the person]. *Aktual. probl. psikhologicheskogo znaniya* [Actual. probl. psychol. knowl.]. 2010. No. 4. P. 73–79 (in Russ.).
11. Schneider D. J. *The psychology of stereotyping*. New York ; London : Guilford, 2004.
12. Gulevich O. A. *Psikhologiya mezhgruppovykh otnoshenii* [Psychology of intergroup relations]. Moscow : Moscow psychol.-social. inst., 2007 (in Russ.).

13. Popkov V. D. [Stereotypes and prejudice: their influence on the process of intercultural communication]. *Zhurn. sotsiologii i sots. antropologii* [J. soc. and soc. anthropologie]. 2002. No. 3. P. 178–191 (in Russ.).

14. Trushkova S. V. [Structure, dynamics and functions of social representations]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser., 11. Sotsiologiya* [Soc. hum. Sci. Public. and Int. lit. Sociolog.]. 1996. No. 3. P. 180–201 (in Russ.).

15. Moskovichi S. [Social representations: historical view]. *Psikhol. zhurnal* [J. Psychol.]. 1995. Vol. 16, No. 2. P. 3–14 (in Russ.).

16. Howarth C., Voelklein C. A Review of controversies about social representations theory: a British debate. *Cult. Psychol.* 2005. Vol. 11 (4). P. 431–454. DOI: 10.1177/1354067X05058586.

17. Emel'yanova T. P. [Social representation as a tool of social cognition (on materials of the French social psychology)]. In: *Nauka i obshchestvo* [Sci. and soc.] : thesis of rep. and speeches to the All-union sci. and theoretical conf. (Irkutsk, 4–6 Oct., 1983). Irkutsk, 1983. Issue 2. P. 5–7 (in Russ.).

18. Dontsov A. I., Emel'yanova T. P. *Kontsepsiya sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii* [Concept of social representations in modern French psychology]. Moscow : Publish. house Moscow. univ., 1987 (in Russ.).

19. Susanova I. A. The social representations and attitude: the model of cross-cultural investigation. *Vestnik univ.* [Bull. Univ.]. 2012. No. 13. P. 321–326 (in Russ.).

20. Minaeva N. C. [Objective and subjective conditions and factors of formation of attitudes of personality: The course of studies] : diss. abstr. ... PhD (psychology) : 09.00.01. Sverdlovsk, 1984 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2017.
Received by editorial board 20.12.2017.

РАЗЛИЧИЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЯХ СОТРУДНИКОВ С КОНСТРУКТИВНОЙ И ДЕСТРУКТИВНОЙ СТРАТЕГИЕЙ СОВАДАНИЯ С ЗАВИСТЬЮ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Е. Б. МИКЕЛЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется неоднозначность научных трактовок конструктивности и деструктивности зависти. Показано, что конструктивное и деструктивное совладание с завистью проявляется преимущественно в эмоциональном и поведенческом компонентах реагирования. Представлены результаты сравнительного анализа реакций сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях. Отмечается, что вне зависимости от пола сотрудники с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях имеют различия по показателю активной агрессии: у сотрудников с деструктивной стратегией он выше. Раскрывается отсутствие достоверных различий в эмоциональных и поведенческих реакциях у мужчин и женщин с высоким уровнем конструктивной стратегии, однако в этом случае мужчины отличаются более высокими показателями радости, чем женщины.

Ключевые слова: зависть в служебных отношениях; эмоциональные реакции сотрудников; поведенческие реакции сотрудников; совладание с завистью в служебных отношениях; конструктивная стратегия совладания; деструктивная стратегия совладания.

DIFFERENCES IN EMOTIONAL AND BEHAVIOR REACTIONS OF EMPLOYEES WITH THE CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE ENVY COPING STRATEGY IN THE WORKPLACE RELATIONSHIP

A. B. MIKELEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ambiguity of scientific interpretations of constructiveness and destructiveness of envy is analyzed. It is shown that constructive and destructive envy coping strategy is manifested primarily in the emotional and behavioral component of the response. The results of a comparative analysis of emotional and behavioral reactions of employees with a constructive and destructive coping strategy with envy in the service relationship are presented. It is noted that regardless of gender, employees with a constructive and destructive strategy of coping with envy in official relations have differences in the indicator of active aggression: among employees with a destructive strategy, it is significantly higher. For men and women with a high level of constructive strategy, there were no significant differences in emotional and behavioral responses. With a high level of destructive strategy, men have higher rates of joy than women.

Key words: envy in working relationships; emotional reactions of employees; behavioral reactions of employees; envy coping in official relations; constructive coping strategy; destructive coping strategy.

Образец цитирования:

Микелевич Е. Б. Различия в эмоциональных и поведенческих реакциях сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 89–95.

For citation:

Mikelevich A. B. Differences in emotional and behavior reactions of employees with the constructive and destructive envy coping strategy in the workplace relationship. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 89–95 (in Russ.).

Автор:

Елена Болеславовна Микелевич – соискатель кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Alena B. Mikelevich, competitor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science. mikelena06@mail.ru

В Республике Беларусь одной из основных целей социальной политики является развитие человеческого потенциала, что предполагает решение задач по повышению эффективности использования рабочей силы, включая улучшение условий и повышение безопасности труда [1]. В «Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг.» предусмотрены «переход от политики сохранения рабочих мест к политике получения максимального эффекта от одного рабочего места, совершенствование структуры занятости путем перераспределения рабочей силы в растущие сектора экономики» [2]. При отсутствии четкой процедуры и критериев оценки максимального эффекта выполнение данных установок приводит к повышению напряженности в сфере труда. Такая ситуация, по мнению международных экспертов, является общемировой тенденцией [3]. Приоритет критерия результативности профессиональной деятельности приводит к увеличению частоты и интенсивности сравнения результатов работы сотрудников как между собой, так и с ключевыми показателями эффективности профессиональной деятельности. Анализируя усиление роли социального сравнения в современных реалиях, исследователи отмечают, что «современное общество потребления... фундировано в принцип сравнения. Это обстоятельство предстает как социальная “провокация” и подталкивает человека “быть завистником»» [4, с. 9]. Осознание в результате сравнения превосходства Другого, а также болезненное переживание этого, досада, раздражение создают предпосылки для возникновения зависти в служебных отношениях с сопутствующими ей враждебностью, агрессией, гневом, стрессом. Такая ситуация способствует ужесточению конкуренции на рынке труда, ухудшению социально-психологического климата в организациях и на предприятиях. Современные экономические и социокультурные условия осуществления профессиональной деятельности сопряжены с потенциальными детерминантами возникновения зависти на рабочем месте, являющейся мощным регулятором отношений, прямо или косвенно определяющей эффективность сотрудника и организации. Противоречие между неразработанностью проблемы зависти в служебных отношениях и ее значимостью для решения важных практикоориентированных задач в сфере труда делает эту проблему актуальной для изучения.

При исследовании зависти необходимо принимать во внимание то, что она представляет собой глобальное, универсальное, общечеловеческое явление, которое присуще подавляющему большинству людей. Наряду с признанием деструктивности и ущербности зависти существует мнение о том, что так называемая белая зависть безвредна и даже полезна, обладает мощным мотивационным потенциалом, стимулирующим личностное развитие

и активность на пути достижения позиций превосходящего Другого. По мнению К. Л. Ерофеевой, «... нельзя рассматривать зависть в качестве простого душевного изъяна, так как она обусловлена объективными противоречиями между самореализацией и самоутверждением, сущим и должным» [5, с. 335]. М. И. Розенова утверждает, что неправильно рассматривать зависть лишь сквозь призму ее деструктивного характера и смысловых характеристик, поскольку часто именно она становится мотиватором, стимулирующим совершать научные открытия, самообразовываться, достигать профессиональных успехов. Таким образом, в жизни человека зависть может выступать в качестве как катализатора развития, так и дестабилизирующей силы (в зависимости от ситуации и характерологических особенностей конкретной личности) [6].

Анализируя известную с давних времен пару «злая и незлая зависть», К. Муздыбаев отмечает, что особенностью незлой зависти является желание иметь то, что есть у Другого. Злая зависть является стремлением к тому, чтобы другой не имел того, что у него есть. Таким образом, в фокусе злой зависти находится устранение, и разрушение ее предмета. Автор отмечает, что в злой и незлой зависти желания индивида имеют разную направленность, в них содержится и общий элемент – желание преодолеть неравенство, но разными путями «тот, кем руководит незлая зависть, хочет лишь быть похожим на своего соперника. Он говорит: “Я хочу иметь то, что Вы имеете”. Тот же, кем руководит злой зависть, желает разрушить. Он говорит: “Я хочу, чтобы Вы не имели того, что имеете»» [7, с. 6].

Зависть, пишет А. В. Пилишина, выступает преимущественно как деструктивная реакция на изменяющиеся условия жизни. Однако исследователь делает оговорку: зависть может быть конструктивной, направленной на саморазвитие, рефлексию, постановку новых жизненных целей и преобразование субъективной картины мира. В этом случае она выступает как стимул роста, движения, позитивного изменения. Зависть может быть выражена как негативной эмоцией, так и амбивалентным явлением, без четко определенных позитивных или негативных границ, быть субъективным и неосознаваемым переживанием [8, с. 20].

Ряд исследователей ставит под сомнение конструктивные начала зависти. Так, Е. В. Золотухина-Аболина пишет: «...зависть бывает одна – черная, ибо зависть всегда ненависть. То, что именуется “белой” завистью, на самом деле совсем другое. Это, быть может, соревновательность, или эгоистическое сожаление по поводу отсутствия у себя неких благ и качеств, присущих другим людям, или стремление быть лучше через подражание идеалу...» [9, с. 51]. Т. В. Бескова, анализируя зависть как отношение к достижению (успеху) Другого, отмечает, что по модальности такое отношение

может быть положительным, нейтральным, амбивалентным и отрицательным. В самых общих чертах именно отрицательное отношение к успеху Другого и определяется как зависть. При этом исследователь отмечает, что исключение «амбивалентного отношения субъекта к достижениям Другого из анализа зависти представляется нам неверным в силу того, что модальность при данном типе отношения, являясь неустойчивой, может менять свой знак с положительного на отрицательный и наоборот» [10, с. 16–17].

Поведение субъекта зависти в служебных отношениях чаще является деструктивным. Завистливый человек способен на безнравственные, асоциальные поступки, однако не во всех предметных сферах зависть коррелирует с негативной этической составляющей. Т. В. Бескова установила связь приемлемости асоциального поведения с завистью к похвале значимого человека, наградам, популярности, карьере, материальному достатку, профессиональным (учебным) успехам, дорогим (модным) вещам и интеллекту [11]. Наличие зависти к параметрам профессиональной сферы в списке причин асоциального поведения характеризует деструктивную стратегию совладания с завистью, проявляющуюся в причинении ущерба превосходящему коллеге или организации, стремлении любыми способами компенсировать субъективную несправедливость, саботаже, снижении продуктивности работы, контрпродуктивном поведении. Конструктивная стратегия направлена на улучшение показателей собственной результативности для избегания дискомфорта от неблагоприятного сравнения.

Основываясь на трехкомпонентной структуре зависти, предложенной К. Муздыбаевым [12] (уровень сознания – осознание более низкого положения, уровень эмоционального переживания – чувство досады, раздражения или злобы из-за такого положения, уровень реального поведения – разрушение, устранение предмета зависти), можно предположить, что конструктивность или деструктивность зависти проявляется преимущественно в эмоциональной и поведенческой сферах. Для сравнения эмоциональных и поведенческих реакций сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях в настоящей статье были использованы следующие методики:

1) «Совладание с завистью в служебных отношениях» (*Coping with Occupational and Professional Envy – COPE*), разработанная А. Л. Бун [13] и адаптированная И. А. Фурмановым и Е. Б. Микелевич [14]. Она позволяет измерить значимость зависти в служебных отношениях, а также характерные стратегии совладания с завистью в служебных отношениях;

2) шкала провокации агрессии И. А. Фурманова, которая предполагает выявление интенсивности эмоционального реагирования по следующим эмо-

циям: ГН – злость/гнев, РД – радость, ГОР – печаль/горе, СТР – страх. Формы поведенческого реагирования – это АА – активная агрессия, ПА – пассивная агрессия, ПДА – подавленная агрессия, АР – асертивная реакция, БУ – бегство/уход из ситуации (рис. 1–3) [15]. В исследовании приняли участие 271 человек, из них 113 мужчин и 158 женщин в возрасте от 18 до 70 лет.

Сопоставление эмоциональных и поведенческих реакций сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях дало возможность выявить, что доминирующее положение занимают такие реакции, как гнев и асертивная реакция (см. рис. 1).

Сравнительный анализ позволил установить, что сотрудники с деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях имеют достоверно более высокие показатели активной агрессии ($p \leq 0,01$), чем сотрудники с конструктивной стратегией.

Агрессию в качестве деструктивного поведения завистника отмечали Л. С. Архангельская, Т. В. Бескова, Н. Н. Горшенина, Е. П. Ильин, Т. К. Касумов, С. К. Летягина, К. Муздыбаев, В. В. Муругова, П. Д. Никитенко, Ю. М. Орлов, А. В. Пилишина, М. И. Розенова, Е. Е. Соколова, Р. М. Шамионов. Субъект с деструктивной стратегией совладания испытывает озлобленность, гнев, раздражение, направленные на того, кто добился большего. Это находит выражение в таких отношениях, как враждебность, ненависть, неприязнь, подозрительность. Желание обладать недостижимым превосходством и превзойти Другого выражается в активном стремлении лишить объект зависти превосходства, что проявляется в разных формах, например, в беспочвенной критике, сплетнях, клевете, дискредитации, ущемлении в ресурсах и информации, придиричливом отношении, принижении успехов. Активная агрессия в данном случае является способом преодоления эмоционального дискомфорта, восстановления субъективной справедливости.

Полученные данные согласуются с положениями аффективно-динамической модели агрессии И. А. Фурманова, в которой предполагается, что агрессия есть реакция на кризисную ситуацию, возникающую вследствие депривации или фрустрации актуальных потребностей (такой по своей сути и является ситуация зависти) [16]. Другие ученые получили коррелирующие с вышеуказанными результаты, согласно которым существует связь аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов зависти (завистливые чувства, завистливые мысли, завистливые действия) с агрессией [17, с. 10]. В других исследованиях также отмечается, что в актуальных отношениях субъекта зависти преобладает агрессивность, основанная на страхе отвержения со стороны значимого субъекта общения [8, с. 12].

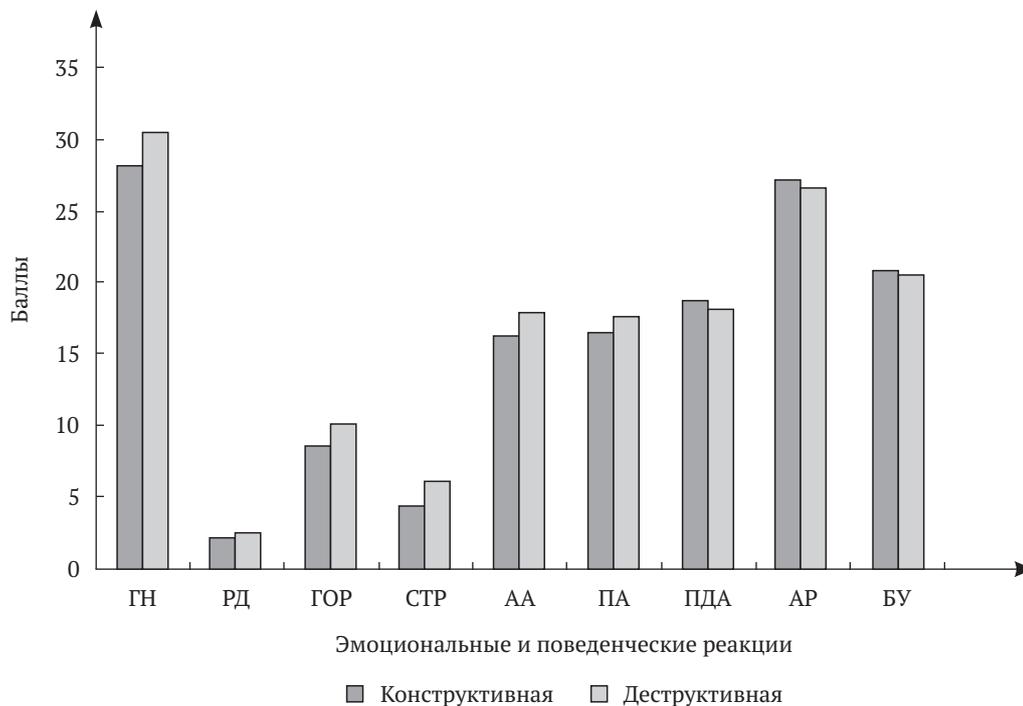


Рис. 1. Эмоциональные и поведенческие реакции сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях

Fig. 1. Emotional and behavioral reactions of employees with a constructive and destructive coping strategy with envy in the service relationship

Эмоциональные и поведенческие реакции мужчин и женщин с высоким уровнем конструктивной

стратегии совладания с завистью в служебных отношениях достоверно не различаются (см. рис. 2).

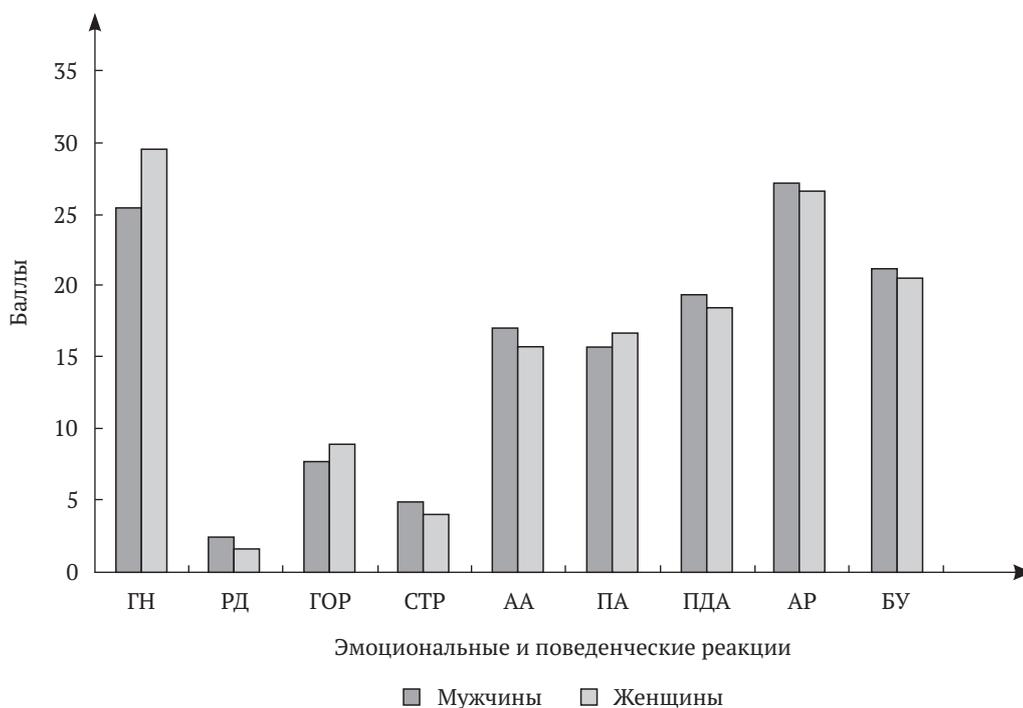


Рис. 2. Эмоциональные и поведенческие реакции мужчин и женщин с высоким уровнем конструктивной стратегии совладания с завистью в служебных отношениях

Fig. 2. Emotional and behavioral reactions of men and women with a high level of constructive coping strategy with envy in service relations

Мужчины и женщины с высоким уровнем деструктивной стратегии совладания с завистью в служебных отношениях имеют статистически достоверные различия по показателю радости ($p \leq 0,05$), у мужчин он выше (см. рис. 3).

Более высокие показатели радости у мужчин с деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях можно объяснить несколькими причинами, основанными на теории дифференциальных эмоций К. Изарда. Радость наиболее полноценно переживается в контексте других эмоций и почти никогда не возникает обособленно, в чистом виде. Как отмечает К. Изард, «разве человек ценит бы так высоко мгновения ра-

дости, если бы им не предшествовали долгие часы упорного труда или если бы он никогда не испытывал печали, не знал, что такое отчаянье?» [18]. Можно предположить, что мужчины с деструктивной стратегией совладания в большей степени предчувствуют прилив радости от потери позиций объекта зависти и, соответственно, усиления собственных позиций. Комбинация радости и презрения в ситуации зависти связана с неудачами других. Субъект с деструктивной стратегией совладания с завистью получает удовольствие от неудач другого, радуется чужим ошибкам и провалам, так как это предвосхищает радость победы, воспринимается как потеря позиций другого и укрепление собственных.



Рис. 3. Эмоциональные и поведенческие реакции мужчин и женщин с высоким уровнем деструктивной стратегии совладания с завистью в служебных отношениях

Fig. 3. Emotional and behavioral reactions of men and women with a high level of destructive coping strategies with envy in the service relationship

Мужчины с деструктивной стратегией совладания с завистью отличаются высокими показателями радости, возможно, в связи с тем, что радость часто сопровождается ощущением энергии и силы [18]. Состояние радости зачастую обусловлено комбинацией эмоций радости и интереса, так как эмоция интереса-возбуждения повышает готовность человека к активности как умственной, так и физической. В ситуации зависти всегда присутствует интерес, поскольку первая не возникает к тому, что является не значимым, т. е. не интересным.

Таким образом, в результате проведенного сравнительного анализа эмоциональных и пове-

денческих реакций у сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях можно сделать выводы о том, что вне зависимости от пола у сотрудников с деструктивной стратегией совладания с завистью выявляются достоверно более высокие показатели активной агрессии, чем у сотрудников с конструктивной стратегией. Мужчины и женщины с высоким уровнем конструктивной стратегии не имеют различий в эмоциональных и поведенческих реакциях. При высоком уровне деструктивной стратегии совладания мужчины отличаются более высокими показателями радости, чем женщины.

Библиографические ссылки

1. О социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы : Государственная Программа № 73 от 30.01.2016 [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Gosudarstvennaja-programma-na-2016-2020-1.pdf> (дата обращения: 29.12.2016).
2. Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001252_122016_1.pdf (дата обращения: 29.12.2016).
3. Стресс на рабочем месте: коллективный вызов // Всемирный день охраны труда 28 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Doklad-MOT-2016.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).
4. Мамедова Э. М. Личностная матрица зависти // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философ. науки. 2017. № 3. С. 6–12.
5. Ерофеева К. Л. Зависть: философский аспект проблемы // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, № 1. С. 328–335.
6. Розенова М. И. «Десять шагов от зависти»: модель формирования эмоциональной безопасности личности в образовательной среде // Alma mater. Вестн. высш. школы. 2014. № 8. С. 35–38.
7. Муздыбаев К. Психология зависти // Психол. журнал. 1997. Т. 18, № 6. С. 3–12.
8. Пилишина А. В. Зависть в контексте межличностных отношений : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. СПб., 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://spbu.ru/disser2/634/afthereferat/Pilishina_afthereferat..pdf (дата обращения: 04.01.2016).
9. Золотухина-Аболина Е. В. Зависть // Молод. коммунист. 1989. № 7. С. 48–56.
10. Бескова Т. В. Структурная организация отношения зависти с позиции системного подхода // Социал. психология и общ.-во. 2013. № 1. С. 15–26.
11. Бескова Т. В. Приемлемость асоциального поведения субъектом зависти // Развитие человека в современном мире : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием (Новосибирск, 17–19 апреля 2012 г.) / под ред. Н. Я. Большуновой [и др.]. Новосибирск, 2012. С. 295–299.
12. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психол. журнал. 2002. Т. 23, № 6. С. 38–50.
13. Voone A. L. The Green-Eyed Monster at Work: an Investigation of How Envy Relates to Behavior In the Workplace : thesis of diss. ... dr. of philosophy. Virginia, 2005.
14. Фурманов И. А., Микелевич Е. Б. Адаптация методики «Совладение с завистью в служебных отношениях» // Философия и социал. науки. 2016. № 2. С. 82–87.
15. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция. СПб. : Речь, 2007.
16. Фурманов И. А. Генезис расстройств поведения и приспособительных реакций: аффективно-динамическая модель агрессии [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. № 4 (39). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2016-4-39/nomer02.php (дата обращения: 10.10.2017).
17. Касумов Т. К. Зависть на пути к агрессии // Вестн. Моск. гос. открыт. ун-та. Сер. Общественно-политическ. и гуманитар. науки. 2012. № 3. С. 5–22.
18. Изард К. Психология эмоций / пер. А. Толыбаева. СПб. : Питер, 2000.

References

1. On social protection and promotion of employment of the population for 2016–2020: the State Program. No. 73 on 30.01.2016. *Ministry of Internal affairs of the Republic of Belarus*. URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Gosudarstvennaja-programma-na-2016-2020-1.pdf> (date of access: 12.29.2016) (in Russ.).
2. The main provisions of the program of social and economic development of the Republic of Belarus for 2016–2020. *Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. URL: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001252_122016_1.pdf (date of access: 29.12.2016) (in Russ.).
3. Workplace stress: a collective challenge. URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Doklad-MOT-2016.pdf> (date of access: 01.27.2017) (in Russ.).
4. Mamedova E. M. Personality Matrix of Envy. *Bull. Mosc. Reg. State Univ. Ser. Philosophy*. 2017. No. 3. P. 6–12 (in Russ.).
5. Erofeeva K. L. [Envy: the philosophical aspect of the problem]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personal. Culture. Soc.]. 2008. Vol. 10, No. 1. P. 328–335 (in Russ.).
6. Rozenova M. «Ten steps from envy»: a model of the formation of the emotional security of the person in the educational environment. *Alma mater. Vestn. vyssh. shkoly* [Alma mater. Bull. Higher School]. 2014. No. 8. P. 35–38 (in Russ.).
7. Muzdybaev K. Psychology of envy. *Psikhol. zhurnal* [Psychol. J.]. 1997. Vol. 18, No. 6. P. 3–12 (in Russ.).
8. Pilishina A. V. [Envy in the context of interpersonal relations] : diss. abstr. ... PhD (psychology) : 19.00.05. Saint Petersburg, 2015. URL: http://spbu.ru/disser2/634/afthereferat/Pilishina_afthereferat.pdf (date of access: 04.01.2016) (in Russ.).
9. Zolotukhina-Abolina E. V. [Envy]. *Molod. kommunist* [The Young Communist]. 1989. No. 7. P. 48–56 (in Russ.).
10. Beskova T. V. Structural organization of envy: a systematic approach. *Soc. psychol. societ.* 2013. No. 1. P. 15–26 (in Russ.).
11. Beskova T. V. [Acceptability of antisocial behavior by the subject of envy]. *Razvitie cheloveka v sovremennom mire* [Human Development in the Modern World] : mater. III All-Russ. sci. pract. conf. Int. Participation (Novosibirsk, 17–19 April, 2012). Novosibirsk, 2012. P. 295–299 (in Russ.).
12. Muzdybaev K. [Envious personality]. *Psikhol. zhurnal* [J. Psychol.]. 2002. Vol. 23, No. 6. P. 38–50 (in Russ.).

13. Boone A. L. The Green-Eyed Monster at Work: an Investigation of How Envy Relates to Behavior In the Workplace : thesis of diss. ... dr. of philosophy. Virginia, 2005.
14. Fourmanov I. A., Mikelevich E. B. The Adaptation of Questionnaire «Coping With Envy In Official Relations». *Filosofiya i sotsial. nauki* [J. Philosophy and Soc. Sci.]. 2016. No. 2 P. 82–87 (in Russ.).
15. Fourmanov I. A. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [Aggression and Violence: Diagnosis, Prevention, Correction]. Saint Petersburg : Rech', 2007 (in Russ.).
16. Fourmanov I. A. [Genesis of behavioral disorders and adaptive reactions: an affective-dynamic model of aggression]. *Medsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia]. 2016. No. 4 (39). URL: <http://mprj.ru> (date of access: 10.10.2017) (in Russ.).
17. Kasumov T. K. Envy on the path to aggression. *Bull. Mosc. State Open Univ. Socio-political and hum.* 2012. No. 3. P. 5–22 (in Russ.).
18. Izard K. *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg : Peter, 2000 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.01.2018.
Received by editorial board 29.01.2018.

УДК 316.64

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ШКОЛЬНОМ БУЛЛИНГЕ

Н. В. КОРОЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается важность изучения феномена школьного буллинга. Рассматриваются понятия «буллинг», «кибербуллинг», раскрываются различные подходы к формам травли, а также теории, объясняющие ее возникновение. Анализируются последствия третирования для буллеров, жертв и свидетелей. Приводятся результаты исследования представлений студентов первого курса экономического факультета Белорусского государственного университета о формах школьной травли, ее последствиях для жертвы и способах совладания с буллингом. Обращается внимание на необходимость диагностики и сопровождения детей, столкнувшихся с буллингом в школе, в виду их склонности к депрессии, тревожности и низкой самооценке.

Ключевые слова: буллинг; кибербуллинг; формы травли; последствия травли; способы совладания с буллингом.

THE REPRESENTATIONS OF STUDENTS ABOUT THE SCHOOL BULLYING

N. V. KOROL^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article emphasizes the importance of studying the phenomenon of bullying. The concept of bullying, cyberbullying, the forms of bullying, the theories of bullying and the consequences of bullying are considered. The results of the research of the Belarusian State University first year students' views on the forms of school bullying, its consequences for the victim and ways of coping with the bullying are presented. Attention is drawn to the need of diagnostics and support of children, who have encountered bullying at school, within the psychological service in higher education in view of their propensity for depression, anxiety and low self-esteem.

Key words: bullying; cyberbullying; forms of bullying; consequences of bullying; ways of coping with bullying.

Введение

Буллинг является одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкиваются современные школы, поскольку он имеет крайне негативные краткосрочные и долгосрочные последствия для всех вовлеченных сторон (жертв, буллеров, свидетелей) [1].

Школьную травлю начали исследовать более 40 лет назад. Буллинг определяется как «преднамеренные агрессивные действия, совершаемые группой или одним человеком неоднократно и в течение

длительного времени против жертвы, которая не может защитить себя» [2, р. 9]. Для того чтобы определить действие как травлю, важно наличие трех критериев агрессивного поведения: повторяемость, интенциональность (намеренность) и дисбаланс власти. Учитывая данные критерии, авторы часто определяют травлю как систематическое злоупотребление властью со стороны сверстников [3].

Российский ученый И. С. Кон определяет буллинг как запугивание, физический или психологи-

Образец цитирования:

Король Н. В. Представления студентов о школьном буллинге // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 96–100.

For citation:

Korol N. V. The representations of students about the school bullying. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 96–100 (in Russ.).

Автор:

Наталья Валерьевна Король – старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natallia V. Korol, senior lecturer in department of psychology, faculty of philosophy and social science. korolnatallia@yandex.ru

ческий террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого человека страх и тем самым подчинить себе напуганного [4]. Все действия агрессора по отношению к жертве, отмечает И. Г. Малкина-Пых, направлены на унижение посредством эмоционального, физического, экономического или сексуального насилия и агрессии [5].

Различают прямые (связанные с относительно открытыми нападениями на жертву) и косвенные (в виде преднамеренного исключения человека из группы, разговоров за спиной и распространения злонамеренных слухов) формы буллинга [6]. Прямые формы травли включают в себя физическое нападение (удары, толчки, пинки, подножки, пощечины, удушение или насильственное изъятие чего-либо у жертвы) и (или) словесные издевательства (угрозы, оскорбления, насмешки, присвоение кличек), предполагающие открытое выражение силы. Косвенная травля подразумевает социальную изоляцию, распространение слухов и другие связанные с названными пассивно-агрессивные действия [7]. Косвенные формы третирования предполагают прежде всего манипуляцию отношениями, которая включает в себя социальную изоляцию жертв, распространение сплетен, клевету, бойкот. Эти действия направлены на разрушение социальной репутации и (или) снижение статуса личности, при этом происходит утаивание личности преступника [2].

Существуют различные подходы к классификации видов школьного третирования.

Так, например, И. А. Фурманов в качестве основных выделяет физический и психологический виды школьного насилия. Под физическим насилием подразумевается применение физической силы, в результате чего возможно нанесение оппоненту телесных повреждений. Психологическое насилие направлено на ухудшение эмоционального самочувствия и благополучия жертвы [8].

В свою очередь, Т. Мерцалова выделяет физическое, эмоциональное, вербальное, психическое и сексуальное виды насилия [9].

Список расширяет Д. Олвеус, выделяя следующие формы буллинга:

- 1) вербальная травля, например, обзывания и оскорбления;
- 2) изоляция человека от группы;
- 3) физическая травля (толчки, пинки, удары);
- 4) распространение лжи, клеветы и ложных слухов;
- 5) отъем денег или других вещей и нанесение ущерба личной собственности;
- 6) угроза или принуждение другого человека делать что-то, чего он делать не хочет;
- 7) расовый буллинг;
- 8) сексуальный буллинг;
- 9) кибербуллинг [10].

Кибербуллинг включает в себя распространение враждебных или агрессивных текстовых сообщений, фотографий в неприглядном виде, сплетен и слухов с целью причинения вреда или дискомфорта жертве с помощью электронных устройств, таких как компьютеры и мобильные телефоны. Такой вид травли отличается от традиционных тем, что агрессор часто остается анонимным [11]. Кибербуллинг – это особенно коварная форма травли, которая может быть осуществлена в школе и дома, ее трудно обнаружить и проконтролировать, она быстро охватывает широкую аудиторию и легкодоступна для более чем 80 % подростков [7]. Следовательно, кибербуллинг можно назвать новой и серьезной проблемой, так как травлю через интернет легко совершить, но трудно обнаружить и преследовать в судебном порядке.

Издевательства могут иметь сильные негативные последствия для физического и психического здоровья не только жертв, но и всех сторон, участвующих в этом процессе. С. Цанг, Е. Хуэй, Б. Ло доказывают, что жертвы издевательства в школе намного больше предрасположены к депрессии, тревожности, социофобии, низкой самооценке, одиночеству и дисфункциональным отношениям, чем их сверстники. С другой стороны, буллы подвержены риску десенситизации к насилию и агрессии, участию в бандах и преступности, антиобщественному поведению и трудностям в поддержании близких отношений. Авторы также сообщают о повышенной предрасположенности агрессоров к депрессии и самоубийству в долгосрочной перспективе. Негативное влияние оказывается и на свидетелей травли. Школьники, которые видят травлю, часто испытывают чувство вины и гнева (к себе и к буллерам), кроме того, они не чувствуют себя в безопасности и направляют свое внимание не на академические достижения, а на предотвращение буллинга [12].

В психологии имеется несколько теорий, пытающихся объяснить феномен буллинга. Приведем некоторые из них.

Школа групповой динамики. Травлю В. М. Буховски, А. К. Сиппола, Э. Ф. Ньюкомб изучают с точки зрения групповой динамики. В рамках данного направления целостность, однородность и другие эволюционные изменения являются целями группы. Их достижение – главная ценность для всех членов группы. Дети, которые считаются препятствиями для достижения целей или, как предполагается, не могут их достичь, становятся жертвами и исключаются из конкретной группы. В результате у этих школьников наблюдается тревожность, они становятся социально изолированными из-за неспособности принять экологические изменения и адаптироваться к требованиям группы. Они становятся жертвами травли в школе и отвергаются

сверстниками, поскольку сознательно или бессознательно угрожают целостности группы и однородности класса [13].

Буллинг как практика социализации (теория социального порядка). Используя концепцию теории общественного порядка, Д. Хопер и М. Болтон представили иное объяснение буллингу. Люди, по мнению авторов, имеют разные роли и разную власть в обществе. Эта власть проявляется в форме агрессии [14]. Т. Терапахо и К. Салмивалли на основе двух основных форм агрессии разделили людей на физически агрессивных и вербально агрессивных. Агрессивное поведение подкрепляется, так как власть внутри группы ценится высоко. По мнению исследователей, именно высокая ценность власти стимулирует буллеров, а жертвы рассматриваются ими как отклоняющиеся по поведению и внешнему виду [15].

Травля как групповой процесс. Согласно этой теории учащиеся школы образуют социальную группу, в которой занимают разные роли. Чтобы укрепить чувства принадлежности к группе, утвердиться в своей роли и социальной иерархии, школьники могут усиливать взаимодействие травлей. Результаты исследований подчеркивают, что травля – групповой процесс, в котором всем членам группы назначаются разные роли:

- 1) буллер;
- 2) помощник буллера;
- 3) подбадриватель;
- 4) защитник;
- 5) жертва;
- 6) сторонний наблюдатель [16].

Некоторые из этих ролей связаны с агрессивной стороной взаимодействия, они инициируют и поддерживают буллинг.

С агрессией связаны первые три роли. Буллеры ответственны за оперативную агрессию против жертвы, помощники участвуют в агрессии, удерживая или преследуя жертву (они не начинают про-

цесс издевательств, но присоединяются к нему). Подбадриватели активно не помогают агрессорам, но дают положительную обратную связь буллеру, наблюдая за ситуацией, восхищаясь, смеясь, улюлюкая, снимая происходящее на видео и т. д. [17]. С ролью жертвы связаны собственно жертва агрессии сверстников и защитники – те люди, которые помогают жертве чувствовать себя лучше, активно поддерживают ее путем либо непосредственного столкновения с хулиганом, либо утешения жертвы, а также рассказывая обо всем учителю [16]. Исполняющий последнюю роль, сторонний наблюдатель, как правило, пытается избежать ситуаций, связанных с травлей, обычно он игнорирует буллинг, сталкиваясь с такой ситуацией, уходит или просто стоит в стороне. Таким образом, в результате взаимодействия всех этих ролей у индивидов могут образовываться тесные связи между хулиганами, помощниками и подбадривателями, а также жертвами и защитниками.

Когнитивный взгляд на буллинг. Когнитивисты считают, что из-за изменений в развитии ребенка очень сложно остановить или уменьшить школьный буллинг, поскольку в ходе развития когнитивных способностей человек приобретает навыки того, где, когда и как проявлять агрессию против других. Это объясняется следующими примерами:

1) со временем люди становятся все более осведомленными о том, на кого надо нацеливать агрессию, где и каким образом ее проявлять, главная цель при этом – избежать негативных последствий для себя;

2) со временем ребенок понимает, что в случае проявления прямой физической или словесной агрессии он подвергнется повышенному риску мести со стороны жертвы или защитника, а также может быть наказан взрослым. Однако если он распространяет слухи о других, то его цель достигается с минимальным риском повлечь наказание или месть [18].

Исследование

Материалы и методы. Для того чтобы более подробно изучить проблему буллинга, было проведено исследование, в котором принял участие 71 студент первого курса экономического факультета БГУ, из них 28 юношей и 43 девушки. Использовался метод завершения предложенной начальной части предложения и контент-анализ для обработки полученных результатов.

Результаты и обсуждение. Результаты показали, что 16 (23 %) студентов были жертвами буллинга в школе, еще 16 (23 %) отметили, что выступали в качестве свидетелей травли, еще 2 (3 %) признались в том, что сами являлись агрессорами. Это согласуется с данными обзора Д. Юовен, Ю. Ванг, Г. Эспиноза в котором сообщается, что приблизи-

тельно 20–25 % молодежи непосредственно участвуют в буллинге в роли агрессора, жертвы или выполняют две роли одновременно [20]. Эти цифры можно назвать достаточно тревожными, учитывая, что жертвы буллинга более склонны к проявлениям дистресса, тревоги и депрессии, а также к нарушениям социальной адаптации. У них более высокий риск снова стать жертвой издевательств, но уже в рамках средних специальных и высших учебных заведений, так как исследователи признали, что депрессия, тревожность и низкая самооценка могут быть как следствием, так и триггером для новой травли. Эти симптомы могут сигнализировать другим о том, что ребенок является легкой мишенью для агрессии [7].

Для того чтобы выявить, какие действия, на взгляд студентов, можно отнести к школьной травле, их попросили дополнить предложение «К школьной травле можно отнести такие действия, как...». Больше всего студентов (75 %) упоминали действия, связанные с вербальной формой травли. К данной категории были отнесены такие действия, как *насмешки, угрозы, обзывания, словесные оскорбления, клички, подколы, приколы, подшучивание, сравнение с чем-либо недостойным, шантаж, запугивание, сарказм, резкие высказывания, скандирование стихов/песен нецензурного характера, острые и обидные шуточки*¹.

Действия, относящиеся к физической травле, описали 63 % студентов. Это, например, *избиение, подзатыльники, подножки, нанесение телесных повреждений, толчки, пинки, удары, применение физической силы, купание в туалете головой* и др.

Про действия, связанные с изоляцией человека от группы упомянули 28 % респондентов. В числе таких действий были названы *бойкот, отказ от общения, заговор одноклассников, игнорирование, отстранение от общества, полное игнорирование, избегание человека, отделение человека от основной массы людей*.

Такая форма травли, как отъем денег или других вещей и нанесение ущерба личной собственности, была упомянута 14 % респондентов. В эту категорию вошли ответы *порча имущества, наклеить жвачку на стул, выкидывание личных вещей, изуродование личных вещей, вымогательство, отжимание денег/вещей, порча вещей, кража вещей*.

Еще 7 % указали на действия, связанные с распространением лжи, клеветы и ложных слухов: *распускание слухов, распространение ложных слухов, разнесение слухов, разговоры за спиной*. Также 7 % в качестве агрессии студентов отметили угрозы или принуждение другого человека делать то, что он не хочет.

Действия, которые можно было бы отнести к расовому или сексуальному буллингу, упомянуты не были.

Для того чтобы выявить представления студентов о последствиях школьной травли, их попросили дополнить предложение «Я думаю, что последствиями школьной травли являются...». Результаты контент-анализа показали, что 32 % респондентов считают, что третируемые в школе приводят

к замкнутости и застенчивости жертвы, 23 % – что это приводит к низкой самооценке жертвы, 18 % – что вызывает психические нарушения, 20 % – что может привести к суициду. Также отмечают следующие последствия этого негативного феномена: возникновение различных комплексов, включая комплекс неполноценности (16 %); получение психических травм (13 %); озлобленность (13 %); неуверенность в себе (11 %); страхи, тревоги и фобии (11 %); депрессия (9 %); проблемы в отношениях (9 %). Некоторые студенты (6 %) отметили, что результатом школьной травли может быть и укрепление (закаливание) характера, повышение стойкости человека. Среди ответов также можно отметить возникновение ненависти к школе (3 %) и желание отомстить обидчику (3 %), а также состояние сильного стресса (3 %).

Кроме того, респонденты продолжили фразу «Чтобы прекратить травлю жертве буллинга надо...». На основе содержательного анализа описанных действий были выделены несколько типов предложенных способов совладания с буллингом:

1) активные стратегии, направленные на решение проблемы (*дать отпор любым способом, ответить тем же, выяснить отношения, постоять за себя, утереть нос обидчикам, дать сдачи, заняться спортом, накачаться* и т. д.). Такие способы предложили 46 % ответивших;

2) пассивные стратегии, связанные с выбором бездействия, избегания, дистанцирования (*не реагировать на зачинщика, относиться к этому спокойно, не обращать внимание, избегать нападающего, не пользоваться социальными сетями, забить на всех*). Эти стратегии отметили 31 % респондентов;

3) поиск социальной поддержки (*сообщить старшим, рассказать родителям, обратиться за помощью к психологу, сообщить классному руководителю, обратиться за помощью к адекватным ребятам*). Такая техника была предложена 27 % студентов.

4) смену школы как лучший выход из ситуации буллинга отметили 11 % студентов;

5) безвыходность положения жертвы в ситуации буллинга отметили 4 % опрошенных (*ребенок-жертва ничего не сможет сделать, сложно прекратить травлю, от жертвы ничего не зависит*).

Такой вариант, как *не знаю*, прозвучал у 3 % участников исследования.

Заключение

Таким образом, школьная травля как в представлениях студентов, так и в реальной жизни может проявляться в различных формах и приводить к разнообразным негативным последствиям, таким как проявление депрессии, тревоги и дистресса, нарушения в установлении и поддержании

социальных контактов. Поэтому в работе с детьми и подростками школьным психологам и социальным работникам необходимо знать о явлении школьной травли, ее потенциально пагубных последствиях для жертв и необходимых интервенциях для предотвращения издевательств и насилия.

¹Здесь и далее курсивом приведены ответы респондентов. – Н. К.

Библиографические ссылки

1. Wolke D., Lereya S. T. Long-term effects of bullying // *Arch. Dis. Child.* 2015. Vol. 100, issue 9. P. 879–885.
2. Olweus D. *Bullying at school: what we know and what we can do.* Malden : Cambridge, 1993.
3. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions // *Psychol. Health Med.* 2017. Vol. 22, suppl. 1. P. 240–253. DOI: 10.1080/13548506.2017.1279740.
4. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться // *Семья и школа.* 2006. № 11. С. 15–18.
5. Малкина-Пых И. Г. *Психология поведения жертвы.* М. : Эксмо, 2006.
6. Olweus D. Bully/victim problems in school: facts and intervention // *European J. Psychol. Educ.* 1997. Vol. 12, № 4. P. 495–510.
7. Craig W. The relationship among bullying, victimization, depression, anxiety, and aggression in elementary school children // *Personality Individ. Differ.* 1998. Vol. 24, issue 1. P. 123–130. DOI: 10.1016/s091-8869(94)00145-1.
8. Фурманов И. А. *Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция : учеб. пособ.* Минск : Изд. центр БГУ, 2016.
9. Мерцалова Т. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? // *Директор школы.* 2000. № 3. С. 25–32.
10. Olweus D., Limber S. P. *Olweus Bullying Prevention Program: Teacher Guide.* Center City : Hazelden Publ., 2007.
11. Juvonen J., Graham S., Schuster M. A. Bullying among young adolescents: The strong, the weak, and the troubled // *Pediatr.* 2003. P. 1231–1237.
12. Tsang S. K. M., Hui E. K. P., Law B. C. M. Bystander position taking in school bullying: The role of positive identity, self-efficacy and self-determination // *Sci. World J.* 2011. Vol. 11. P. 2278–2286.
13. Burkowski W. M., Sippola L. K., Newcomb A. F. Variations in patterns of attraction to same-and other-sex peers during early adolescence // *Dev. Psychol.* 2001. Vol. 36 (2). P. 147–154.
14. Hawker D. S. J., Boulton M. J. Twenty years research on peer victimization psychosocial maladjustment: a meta-analytic review of cross-sectional studies // *J. Child Psychol. Psychiatr.* 2000. Vol. 41 (4). P. 441–455.
15. Terasahjo T., Salmivalli C. She is not actually bullied. The discourse of harassment in student groups // *Aggress. Behav.* 2003. Vol. 29 (2). P. 134–154. DOI: 10.1002/ab.10045.
16. Salmivalli C., Huttunen A., Lagerspetz K. Peer Networks and Bullying in Schools // *Scand. J. Psychol.* 1997. Vol. 38. P. 305–312. DOI: 10.1111/1467-9450.00040.
17. Salmivalli C. Feeling Good About Oneself, Being Bad to Others? Remarks on Self-Esteem, Hostility, and Aggressive Behavior // *Aggress. Violent Behav.* 2001. Vol. 6 (4). P. 375–393.
18. Afroz J., Shafqat H. Bullying in Elementary Schools: Its Causes and Effects on Students // *J. Educ. Pract.* 2015. Vol. 6, № 19. P. 43–56.
19. Juvonen J., Wang Y., Espinoza G. Bullying experiences and compromised academic performance across middle school grades // *J. early adolesc.* 2010. № 31 (1). P. 152–173. DOI: 10.1177/0272431610379415.

References

1. Wolke D., Lereya S. T. Long-term effects of bullying. *Arch. Dis. Child.* 2015. Vol. 100, issue 9. P. 879–885.
2. Olweus D. *Bullying at school: what we know and what we can do.* Malden : Cambridge, 1993.
3. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in schools: the state of knowledge and effective interventions. *Psychol. Health Med.* 2017. Vol. 22, suppl. 1. P. 240–253. DOI: 10.1080/13548506.2017.1279740.
4. Kon I. S. [What is bullying and how to cope with it]. *Sem'ya i shkola* [Family and sch.]. 2006. No. 11. P. 15–18 (in Russ.).
5. Malkina-Pykh I. G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Psychology of the behavior of the victim]. Moscow : Eksmo, 2006 (in Russ.).
6. Olweus D. Bully/victim problems in school: facts and intervention. *European J. Psychol. Educ.* 1991. Vol. 12, No. 4. P. 495–510.
7. Craig W. The relationship among bullying, victimization, depression, anxiety, and aggression in elementary school children. *Personality Individ. Differ.* 1998. Vol. 24, issue 1. P. 123–130. DOI: 10.1016/s091-8869(94)00145-1.
8. Furmanov I. A. *Sotsial'naya psikhologiya agressii i nasiliya: profilaktika i korrektsiya* [Social Psychology of Aggression and Violence: Prevention and Correction: A Training Manual]. Minsk : BSU Publ. Center, 2016 (in Russ.).
9. Mertsalova T. [Violence in school: what to oppose cruelty and aggression?]. *Direktor shkoly* [Director of the school]. 2000. No. 3 P. 25–32 (in Russ.).
10. Olweus D., Limber S. P. *Olweus Bullying Prevention Program: Teacher Guide.* Center City : Hazelden Publ., 2007.
11. Juvonen J., Graham S., Schuster M. A. Bullying among young adolescents: the strong, the weak, and the troubled. *Pediatr.* 2003. P. 1231–1237.
12. Tsang S. K. M., Hui E. K. P., Law B. C. M. Bystander position taking in school bullying: the role of positive identity, self-efficacy and self-determination. *Sci. World J.* 2011. Vol. 11 (2). P. 2278–2286.
13. Bukowski W. M., Sippola L. K., Newcomb A. F. Variations in patterns of attraction to same-and other-sex peers during early adolescence. *Dev. Psychol.* 2001. Vol. 36 (2). P. 147–154.
14. Hawker D. S. J., Boulton M. J. Twenty years research on peer victimization psychosocial maladjustment: a meta-analytic review of cross-sectional studies. *J. Child Psychol. Psychiatr.* 2000. Vol. 41 (4). P. 441–455.
15. Terasahjo T., Salmivalli C. She is not actually bullied. The discourse of harassment in student groups. *Aggress. Behav.* 2003. Vol. 29 (2). P. 134–154. DOI: 10.1002/ab.10045.
16. Salmivalli C., Huttunen A., Lagerspetz K. Peer Networks and Bullying in Schools. *Scand. J. Psychol.* 1997. Vol. 38. P. 305–312. DOI: 10.1111/1467-9450.00040.
17. Salmivalli C. Feeling Good About Oneself, Being Bad to Others? Remarks on Self-Esteem, Hostility, and Aggressive Behavior. *Aggress. Violent Behav.* 2001. Vol. 6 (4). P. 375–393.
18. Afroz J., Shafqat H. Bullying in Elementary Schools: its Causes and Effects on Students. *J. Educ. Pract.* 2015. Vol. 6, No. 19. P. 43–56.
19. Juvonen J., Wang Y., Espinoza G. Bullying experiences and compromised academic performance across middle school grades. *J. early adolesc.* 2010. No. 31 (1). P. 152–173. DOI: 10.1177/0272431610379415.

УДК 159.955;616.89

ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ У ПАЦИЕНТОВ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Ю. Г. ФРОЛОВА¹⁾, А. В. ЛАДО²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Республиканский научно-практический центр психического здоровья,
Долгиновский тракт, 152, 220053, г. Минск, Беларусь

Описаны факторы, определяющие принятие решений у пациентов с алкогольной зависимостью. Хотя по мере развития алкоголизма усиливается дефицитарность произвольного внимания, этот показатель, как и стаж заболевания, оказался несвязанным с успешностью выполнения игровой задачи. Единственным значимым фактором, позволяющим предсказать набранные в игровой задаче баллы, оказался уровень импульсивности пациента. Полученные данные свидетельствуют в поддержку разработанной П. Р. Финном когнитивно-мотивационной теории личностной предрасположенности к алкоголизму.

Ключевые слова: алкогольная зависимость; принятие решений; ситуация неопределенности; игровая задача; импульсивность; саморегуляция поведения.

Образец цитирования:

Фролова Ю. Г., Ладло А. В. Факторы принятия решений у пациентов с алкогольной зависимостью // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 101–107.

For citation:

Fralova Y. G., Lado A. V. The determinants of decision-making in alcoholic patients. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 101–107 (in Russ.).

Авторы:

Юлия Геннадьевна Фролова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Анастасия Васильевна Ладло – психолог.

Authors:

Yuliya G. Fralova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social science.

jfrolova@yandex.ru

Anastasia V. Lado, psychologist.

nastialado@gmail.com

THE DETERMINANTS OF DECISION-MAKING IN ALCOHOLIC PATIENTS

Y. G. FRALOVA^a, A. V. LADO^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bRepublican Research and Practice Center for Mental Health, 152 Doŭhinaŭski trakt, Minsk 220053, Belarus

Corresponding author: Y. G. Fralova (jfrolova@yandex.ru)

The paper describes the determinants of decision-making in alcoholic patients. Although voluntary attention deficit grows with development of alcoholism, this indicator, as well as the years of disease, was unrelated to the successful performance of Gambling Task. The only significant factor predicting scores in this task is the level of the patient's impulsivity. The results obtained support Cognitive-motivational Theory of Personality Vulnerability to Alcoholism (P. R. Finn).

Key words: alcohol dependence; decision-making; situation of uncertainty; Gambling Task; impulsivity; self-regulation of behavior.

Исследования индивидуально-психологических особенностей больных с алкогольной зависимостью направлены на решение трех основных задач:

- 1) определение характера связи между паттерном употребления психоактивного вещества и нарушениями психики;
- 2) выявление возможных факторов развития алкоголизма;
- 3) выбор целей психотерапевтического воздействия.

Известно, что алкогольный патопсихологический синдром включает в себя формально-динамические, когнитивные и личностные нарушения, а именно дефекты рабочей памяти и внимания, инертность психических процессов, резкое снижение критичности, обеднение мотивационной сферы, ориентацию в деятельности не на реальные результаты, а на собственные эмоциональные переживания, слабый самоконтроль [1; 2]. Ранее эти симптомы объяснялись токсическим поражением головного мозга, преимущественно лобно-подкорковой локализации [3]. Соответственно, основной целью лечения называлось повышение способности пациента контролировать дозу спиртного вплоть до полной абстиненции.

В последнее время все чаще выдвигаются предположения о том, что еще до начала развития зависимости у больных алкоголизмом наблюдаются некоторые нарушения личностно-мотивационной сферы и познавательных процессов. Одно из первых лонгитюдных исследований, посвященных данному вопросу, было проведено Р. Клонингером в 1988 г. на выборке шведских подростков. Три личностные черты – импульсивность, поиск возбуждения и сниженная способность избегать опасности, – выявленные у 11-летних школьников, положительно коррелировали с количеством потребляемого спиртного в возрасте 27 лет [4]. На основе этих данных П. Р. Финн разработал когнитивно-мотивационную теорию личностной предрасположенности к алкоголизму (*Cognitive-*

motivational theory of personality vulnerability to alcoholism). Согласно этой теории проблемы с регуляцией поведения являются фундаментальной характеристикой зависимых от алкоголя индивидов. Они находятся в постоянном поиске возбуждения, с трудом сопротивляются непосредственным импульсам, ориентированы на получение немедленного вознаграждения и не учитывают при принятии решений негативные последствия, которые могут наступить в будущем. К числу когнитивных факторов, опосредующих влияние импульсивности на поведение, П. Р. Финн относит слабую рабочую память, которая отвечает за регуляцию текущей активности, хранит информацию о целях и намерениях. Проблемы в функционировании рабочей памяти приводят к нарушениям рефлексии и сниженной способности учитывать разнообразные стимулы окружающей среды. В результате индивид склонен ориентироваться лишь на самый сильный и привлекательный стимул, в частности, на позитивный эффект от употребления спиртного [5].

Подтверждением теории П. Р. Финна служат результаты исследований личностной патологии у больных алкоголизмом. Чаще всего обнаруживаются корреляции зависимости и расстройств личности с высокими показателями импульсивности, со стремлением к немедленному удовлетворению своих желаний. Этим критериям удовлетворяют пограничное и диссоциальное расстройства. Так, Е. Зикос, К. Дж. Гилл и Д. А. Шарни обнаружили высокую коморбидность зависимости и пограничных черт [6]. Антисоциальные черты характера у младших подростков способствуют большей тяге к непосредственному вознаграждению, невзирая на потери в долгосрочной перспективе. Эти испытуемые употребляли большее количество алкоголя по сравнению со сверстниками [7]. М. МакГвайр продемонстрировал аналогичные результаты на выборке взрослых мужчин [8].

Есть данные о том, что регуляторные нарушения не только стимулируют злоупотребление алко-

лем, но и приводят к проблемам в мышлении. Пациенты с алкогольной зависимостью тратят меньше времени на подготовку ответов и поверхностно анализируют исходные условия задачи [9].

Таким образом, одним из важнейших критериев наличия у индивида уязвимости к алкоголизму является неспособность успешно принимать решения в условиях нехватки информации. Особенно сильно это качество проявляется, когда возникает необходимость сделать выбор между небольшим по размеру немедленным выигрышем и более значительной, но отсроченной наградой. Задания, используемые П. Р. Финном и его последователями для выявления факторов развития зависимости, предъявляют повышенные требования к вниманию и памяти, т. е. к тем познавательным процессам, которые особенно сильно страдают при алкогольной энцефалопатии. Поэтому закономерным является вопрос о характере связи между импульсивностью, когнитивным дефицитом и длительностью заболевания.

Характеристика выборки, методов сбора и анализа данных. Экспериментальная группа включала в себя 50 испытуемых с алкогольной зависимостью, проходивших стационарное лечение в Республиканском научно-практическом центре психического здоровья и Лечебно-трудовом профилактории № 1, ППО УДИН МВД Республики Беларусь по Гомельской области и имеющих стаж зависимости 1–12 лет (средний показатель – 4 года). В контрольную группу вошли 52 испытуемых со значениями по тесту *AUDIT* меньше 8 баллов, т. е. без признаков злоупотребления и зависимости от спиртного [10]. Экспериментальная и контрольная группы были сбалансированы по социодемографическим характеристикам. Средний возраст испытуемых составил 41,52 года.

Все участники выполняли задания по следующим методикам: *Компьютерная версия игровой задачи* [11], апробированная для использования на русском языке Т. В. Корниловой, Е. В. Красковой, С. А. Корниловой [12]; *Методика словесно-цветовой интерференции Струпа*; *Поиск цифр по таблицам Шульте*; *опросник «Диагностика потенциала коммуникативной импульсивности»* (А. В. Лосенков) [13].

Компьютерная версия игровой задачи была специально разработана А. Бечаром с соавторами в 1994 г. для оценки регуляторных нарушений у пациентов с поражениями фронтальной коры головного мозга. Испытуемым предлагались четыре идентичные внешне колоды (А, В, С, D) по 40 карт в каждой, было необходимо получить максимальный выигрыш, последовательно выбирая карты из любых колод, что может привести как к положительному, так и к отрицательному результату. Количество ходов ограничено (100). Колоды А и В содержат карты, способные принести большой выигрыш, но являются невыгодными в долгосрочной

перспективе, так как вероятность проиграть с ними намного превышает возможность выиграть. В колодах С и D непосредственный выигрыш меньше, чем в колодах А и В, но меньше и вероятные потери. Выполнение игровой задачи состоит из 5 блоков, в каждом из которых необходимо выбрать 20 карт. Показатель качества принятых решений вычисляется по формуле $(C + D) - (A + B)$.

Для успешного выполнения задания необходимо, чтобы испытуемые умели учитывать обратную связь и корректировать поведение. Выигрывает тот игрок, который придерживается долгосрочной стратегии, направленной на получение максимальной выгоды в будущем. Игровая задача диагностирует способность человека подавить импульсивные действия [14; 15], она также позволяет измерить дефицит системы эмоционального учения и выявить те аспекты принятия решений, которые другие тесты на регуляторные функции выявить не могут [16].

Тест Струпа (Методика словесно-цифровой интерференции) применяется в общей и клинической психологии для оценки произвольного внимания, а также степени гибкости когнитивного контроля. Основанием для выбора этой методики послужили полученные российскими учеными данные относительно связи особенностей ее выполнения с количеством баллов, набранных в игровой задаче [17]. Испытуемому последовательно предъявлялись три карты. В первой – 100 карт с написанными на них словами, которые обозначают названия четырех основных цветов, ставилась задача как можно быстрее прочесть слова. Во второй – 100 карт с разноцветными прямоугольниками тех же основных цветов, задача состояла в том, чтобы как можно быстрее назвать цвет. В третьей – 100 карт, содержащих названия цветов, не соответствующих цвету чернил, которыми написано данное слово. В последнем случае ставится двойная задача: читать слова как можно быстрее и называть цвета букв. Для оценки результатов выполнения задания использовались следующие критерии:

1) интерференция (ригидность/гибкость контроля), вычисляемая как разница во времени выполнения третьей (цветные слова) и второй (цветная карта) серии. Чем больше эта разница, тем больше выражен эффект интерференции и, соответственно, более выражена ригидность когнитивного контроля;

- 2) общее количество ошибок;
- 3) количество ошибок с коррекцией;
- 4) количество ошибок без коррекции.

Методика Шульте, активно используемая в отечественной клинической психологии, предназначена для оценки объема и концентрации внимания, рабочей памяти и умственной работоспособности.

Методика «Диагностика потенциала коммуникативной импульсивности» позволяет оценить

импульсивность как в межличностном взаимодействии, так и в поведении.

Анализ данных проводился при помощи пакетов статистических программ *SPSS v. 21.0* и *Microsoft Office Excel 2010*. Использовались частотный анализ, непараметрический критерий различия Манна – Уитни, коэффициент корреляции Спирмена и метод линейной регрессии.

Результаты исследования и их обсуждение. Статистически значимые связи между полом испытуемых, их образовательным уровнем и особенностями принятия решений в игровой задаче отсутствуют.

В целом пациенты с алкогольной зависимостью демонстрировали более низкое качество выполнения по всем предъявленным методикам (табл. 1).

Таблица 1

Средние показатели выполнения методик в экспериментальной и контрольной группах

Table 1

Average Performance Scores in Experimental and Control Groups

| Название методики | Экспериментальная группа | Контрольная группа | Значимость различий по критерию Манна – Уитни |
|---|--------------------------|--------------------|---|
| Таблицы Шульте (среднее время выполнения пяти таблиц) | 274,66 | 226,54 | 0,000 |
| Тест Струпа: | | | |
| количество ошибок с коррекцией | 1,76 | 2,73 | 0,001 |
| количество ошибок без коррекции | 42,38 | 33,71 | 0,000 |
| общее количество ошибок | 24,1 | 5,75 | 0,000 |
| Показатель интерференции | 46,88 | 43,96 | 0,000 |
| Общий показатель качества выполнения игровой задачи | -1,12 | 22 | 0,000 |

В частности, исследование сенсомоторной координации по таблицам Шульте свидетельствует о неравномерности темпа психической деятельности на фоне общей замедленности у представителей экспериментальной группы (рис. 1). Предположение о том, что такой результат является следствием постепенно развивающейся алкогольной энцефалопатии, подтверждается как наличием статистически значимой связи показате-

лей по таблицам Шульте со стажем зависимости ($r_s = 0,444$; $p = 0,015$), так и литературными данными [3].

При выполнении теста Струпа больные алкоголизмом испытывают сложности с концентрацией и переключением произвольного внимания, обнаруживают ригидность когнитивного контроля. Допуская ошибки, они либо не замечают их, либо не пытаются исправить.

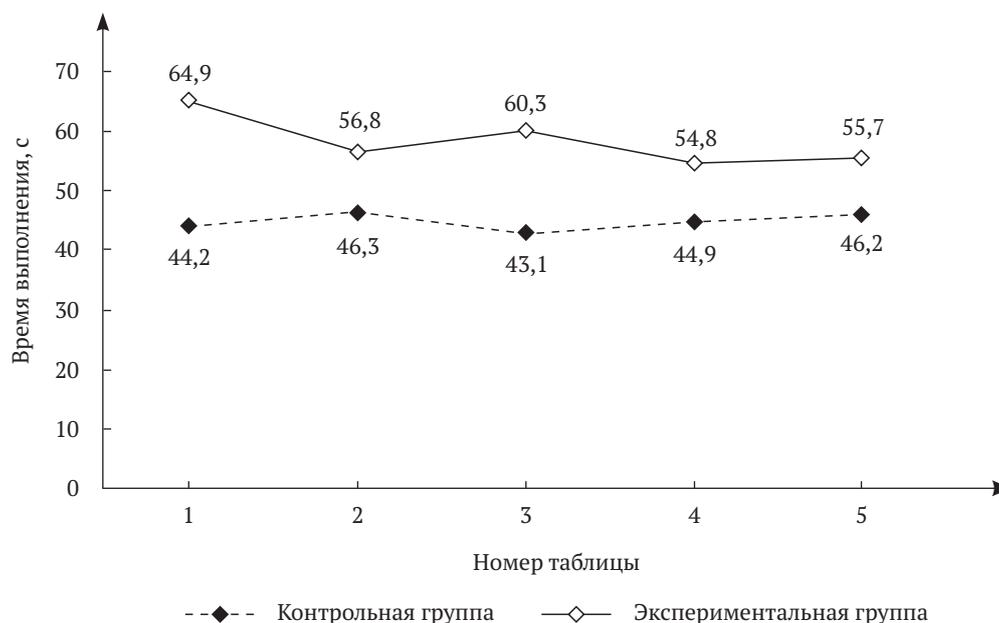


Рис. 1. Время, затрачиваемое на выполнение таблиц Шульте, с

Fig. 1. Completion time of Schulte Tables, s

Чем выше стаж зависимости, тем хуже показатели по тесту Струпа (табл. 2). В особенности это касается снижения числа корректируемых испытуемыми ошибок при общем повышении количества неправильных ответов.

Хотя уровень коммуникативной импульсивности в основной группе оказался более высоким, чем в контрольной (56,5 балла против 46,7), эти различия не являются статистически значимыми.

Таблица 2

Взаимосвязь показателей по тесту Струпа со стажем алкогольной зависимости (коэффициент Спирмена)

Table 2

Correlations between Stroop test scores and the years of alcohol dependence (Spearman coefficient)

| Показатели | Стаж зависимости |
|---------------------------------|------------------|
| Интерференция | 0,654** |
| Количество ошибок с коррекцией | -0,448** |
| Количество ошибок без коррекции | 0,578** |
| Общее количество ошибок | 0,472** |

** Соответствует $p < 0,001$.

Не только общий показатель, но и качество принятия решений на этапах 2–5 игровой задачи оказались хуже среди больных с алкогольной зависимостью. Для здоровых испытуемых характерно более быстрое научение, в то время как испытуемые из экспериментальной группы продолжали выбирать карты из невыгодных колод, несмотря на штрафы. Это видно из рис. 2, различия между экс-

периментальной и контрольной группами по блокам 2–5 значимы на уровне $p < 0,000$ по критерию Манна – Уитни.

Если у психически здоровых испытуемых качество принятия решений лишь незначительно снижалось к пятому блоку, то у больных алкоголизмом можно увидеть резкое ухудшение, что можно объяснить пресыщением, потерей интереса к заданию.

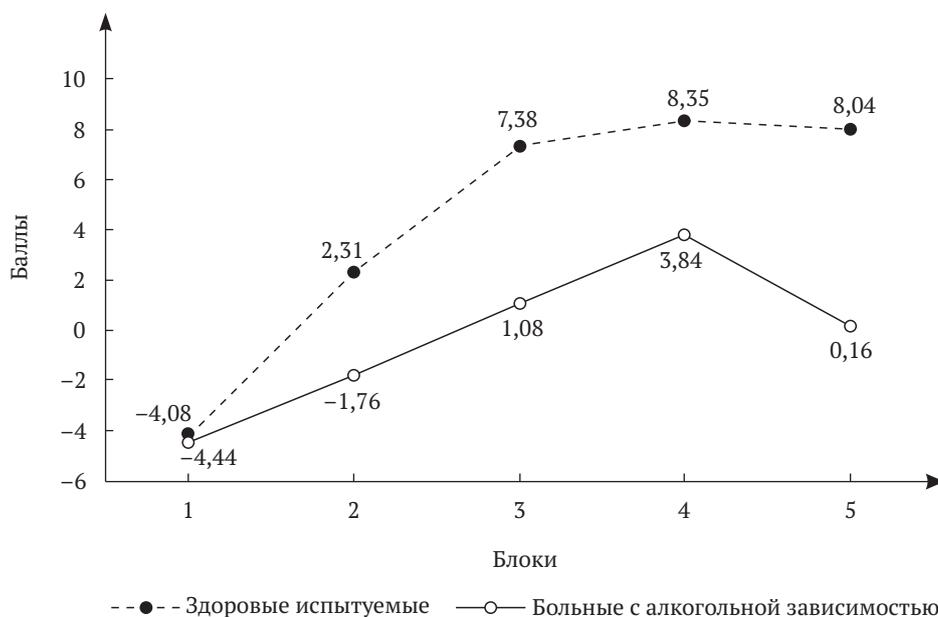


Рис. 2. Средние баллы за выполнение игровой задачи

Fig. 2. Average performance scores on Gambling Task

В отличие от таблиц Шульте и теста Струпа, успешность выполнения игровой задачи связана не со стажем алкогольной зависимости, а с импульсивностью ($r_s = -0,449$; $p = 0,001$). Независимый вклад показателя коммуникативной импульсивности в дисперсию зависимой переменной «Общий

показатель качества выполнения игровой задачи» составляет 43,6 % (метод линейной регрессии). Поскольку уровень импульсивности не коррелирует с длительностью злоупотребления алкоголем, есть основания предполагать, что проблемы с принятием решений были характерны для представителей

экспериментальной группы и до развития зависимости. В рамках настоящего исследования, в отличие от российских ученых [17], не удалось обнаружить связь между успешностью выполнения теста Струпа и игровой задачи. Можно предположить, что первая методика в большей степени направлена на оценку произвольного внимания и не позволяет обнаружить своеобразие эмоциональной сферы и личности больных алкоголизмом. Во-первых, в ней отсутствует ситуация неопределенности, а во-вторых, это задание эмоционально нейтрально, не связано с выигрышем или проигрышем.

Таким образом, по мере прогрессирования алкоголизма значительно ухудшается внимание,

снижается критичность больных к совершаемым ошибкам, замедляется время реакции, нарастают инертность психических процессов и пресыщаемость. Интересным является тот факт, что эти нарушения наблюдаются даже у молодых пациентов. Однако неспособность к регуляции поведения и вызванное ею низкое качество принятия решений в условиях риска характерно и для больных с незначительным стажем зависимости. Полученные данные свидетельствуют о необходимости ориентироваться в работе с больными алкоголизмом не только на развитие у них способности отказываться от употребления спиртного, но и на повышение общих навыков самоконтроля.

Библиографические ссылки

1. Агибалова Т. В., Рычкова О. В., Кузнецов А. Г. и др. Динамика когнитивных функций у больных с зависимостью от алкоголя // Бюл. Восточно-Сиб. Науч. Центра Сиб. отделения Рос. акад. мед. наук. 2013. № 6. С. 9–15.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
3. Левин О. С. Диагностика и лечение деменции в клинической практике. М.: Медпресс-Информ, 2010.
4. Cloninger C. R., Sigvardsson S., Bohman M. Childhood Personality Predicts Alcohol Abuse in Young Adults // *Alcohol. clin. exp. res.* 1988. Vol. 12 (4). P. 494–505. DOI: 10.1111/j.1530-0277.1988.tb100232.x.
5. Finn P. R. Motivation, Working Memory and Decision Making: a Cognitive-Motivational Theory of Personality Vulnerability to Alcoholism // *Behav. Cognitive Neuroscience Rev.* 2002. Vol. 1 (3). P. 183–205. DOI: 10.1177/1534582302001003001.
6. Zikos E., Gill K. J., Charney D. A. Personality Disorders among Alcoholic Outpatients: Prevalence and Course in Treatment // *Can. J. Psychiatry.* 2010. Vol. 55 (2). P. 65–73. DOI: 10.1177/070674371005500202.
7. Mazas C., Finn P. R., Steinmetz J. E. Decision-making biases, antisocial personality and early-onset alcoholism // *Alcohol. Clin. Exp. Res.* 2000. Vol. 24, No. 7. P. 1036–1040. DOI: 10.1111/j.1530-0277.2000.tb04647.x.
8. McGuire M., Slutske W., Taylor J. et al. Personality and Substance Use Disorders: I. Effects of Gender and Alcoholism Subtype // *Alcoholism: Clin. Exp. Res.* 1997. Vol. 21 (3). P. 513–520. DOI: 10.1111/j.1530-0277.1997.tb103797.x.
9. Копытов А. В. Алкогольная зависимость у подростков и молодых людей мужского пола (социально-психологические аспекты): монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2012.
10. Петров Д. В. Диагностика, лечение и профилактика расстройств, вызванных употреблением алкоголя. Ярославль: ЯГМА, 2003.
11. Bechara A., Damasio A. R., Damasio H. et al. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // *Cognition.* 1994. Vol. 50 (1–3). P. 7–15. DOI: 10.1016/0010-0277(94)90018-3.
12. Корнилова Т. В., Краснов Е. В., Корнилов С. А. Толерантность и интолерантность к неопределенности как предикторы принятия решений и риска в игровых стратегиях Айова-теста // VII Междунар. конф. по когнитивной науке: тез. докл. Междунар. конф. (Светлогорск, 20–24 июня 2016 г.). Светлогорск, 2016. С. 339–340.
13. Лосенков В. А. Диагностика потенциала коммуникативной импульсивности // Фетинский Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва, 2002.
14. Clark L., Cools R., Robbins T. W. The neuropsychology of ventral prefrontal cortex: decision-making and reversal // *Brain Cogn.* 2004. Vol. 55 (1). P. 41–53. DOI: 10.1016/s0278-2626(03)00284-7.
15. Claus E. D., Feldstein-Ewing S. W., Filbey F. M. et al. Behavioral control in alcohol use disorders: relationships with severity // *J. Stud. Alcohol Drugs.* 2013. Vol. 74 (1). P. 141–151.
16. Bechara A., Damasio H. Decision-making and addition (part 1): impaired activation of somatic states in substance dependent individuals when pondering decisions with negative future consequences // *Neuropsychologia.* 2002. Vol. 40, issue 10. P. 1675–1689. DOI: 10.1016/s0028-3932(02)00015-5.
17. Медведева Т. И., Большакова С. П., Зинченко О. О. и др. Принятие основанных на эмоциях решений в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] // Психол. исслед. 2015. Т. 8, № 43. С. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8v43/1190-medvedeva43.html> (дата обращения: 08.01.2018).

References

1. Agibalova T. V., Rychkova O. V., Kuznetsov A. G. et al. [Dynamics of cognitive functions in treatment of alcohol-dependent patients]. *Bull. East Siberian Sci. Center SBRAMS.* 2013. No. 6. P. 9–15 (in Russ.).
2. Bratus B. S. Anomalii lichnosti [Anomalies of the Personality]. Moscow: Mysl', 1988 (in Russ.).
3. Levin O. S. [The Diagnosis and Treatment of Dementia in Clinical Practice]. Moscow: Medpress-inform, 2010 (in Russ.).
4. Cloninger C. R., Sigvardsson S., Bohman M. Childhood Personality Predicts Alcohol Abuse in Young Adults. *Alcohol. clin. exp. res.* 1988. Vol. 12 (4). P. 494–505. DOI: 10.1111/j.1530-0277.1988.tb100232.x.
5. Finn P. R. Motivation, Working Memory and Decision Making: a Cognitive-Motivational Theory of Personality Vulnerability to Alcoholism. *Behav. Cognitive Neuroscience Rev.* 2002. Vol. 1 (3). P. 183–205. DOI: 10.1177/1534582302001003001.
6. Zikos E., Gill K. J., Charney D. A. Personality Disorders among Alcoholic Outpatients: Prevalence and Course in Treatment. *Can. J. Psychiatry.* 2010. Vol. 55 (2). P. 65–73. DOI: 10.1177/070674371005500202.

7. Mazas C., Finn P. R., Steinmetz J. E. Decision-making biases, antisocial personality and early-onset alcoholism. *Alcohol. Clin. Exp. Res.* 2000. Vol. 24 (7). P. 1036–1040. DOI: 10.1111/j.1530-0277.2000.tb04647.x.
8. McGuire M., Slutske W., Taylor J. et al. Personality and Substance Use Disorders: I. Effects of Gender and Alcoholism Subtype. *Alcohol. Clin. Exp. Res.* 1997. Vol. 21 (3). P. 513–520. DOI: 10.1111/j.1530-0277.1997.tb103797.x.
9. Kopytov A. V. Alkogol'naya zavisimost' u podrostkov i molodykh lyudei muzhskogo pola (sotsial'no-psikhologicheskie aspekty) [Alcohol dependence in teenage boys and young males (socio-psychological aspects)] : monograph. Minsk : Publ. centre BSU, 2012 (in Russ.).
10. Petrov D. V. Diagnostika, lechenie i profilaktika rasstroistv, vyzvannykh upotrebleniem alkogolya [Diagnosis, treatment and prevention of alcohol-related disorders]. Yaroslavl : Yarosl. State Med. Univ., 2003 (in Russ.).
11. Bechara A., Damasio A. R., Damasio H. et al. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex. *Cognition.* 1994. Vol. 50 (1–3). P. 7–15. DOI: 10.1016/0010-0277(94)90018-3.
12. Kornilova T. V., Krasnov E. V., Kornilov S. A. [Tolerance and intolerance for uncertainty as a predictor of decision making and risk in the game strategies in Iowa Gambling Test]. *VII mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke* [VII International conferences on cognitiuus sciences] : abstracts of VII Int. conf. (Svetlogorsk, 20–24 June, 2016). Svetlogorsk, 2016. P. 339–340 (in Russ.).
13. Losenkov V. A. Assessment of communicative impulsivity strength. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological assessment of personality development and small groups]. Moscow, 2002 (in Russ.).
14. Clark L., Cools R., Robbins T. W. The neuropsychology of ventral prefrontal cortex: Decision-making and reversal. *Brain Cogn.* 2004. Vol. 55 (1). P. 41–53. DOI: 10.1016/s0278-2626(03)00284-7.
15. Claus E. D., Feldstein-Ewing S. W., Filbey F. M. et al. Behavioral control in alcohol use disorders: relationships with severity. *J. Stud. Alcohol Drugs.* 2013. Vol. 74 (1). P. 141–151.
16. Bechara A., Damasio H. Decision-making and addition (part I): Impaired activation of somatic states in substance dependent individuals when pondering decisions with negative future consequences. *Neuropsychologia.* 2002. Vol. 40, issue 10. P. 1675–1689. DOI: 10.1016/s0028-3932(02)00015-5.
17. Medvedeva T. I., Bolshakova S. P., Zinchenko O. O. et al. The emotional decision making in the situations of uncertainty. *Psikhol. issled* [Psychol. Res.]. 2015. Vol. 8, No. 43. P. 10 URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8v43/1190-medvedeva43.html> (date of access: 08.01.2018) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию: 06.02.2018.
Received by editorial board: 06.02.2018.

Методы психологических исследований

Methods of Psychological Research

УДК 159.9.072.43:316.61:316.35

МЕТОД ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ДИАГНОСТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Э. А. СОКОЛОВА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины, ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Исследуется обоснование феноменологического анализа в диагностике психологической проблемы, который включает в себя выделение феномена психологической проблемы в совокупности его составляющих и формулирование соответствующих вопросов, помогающих раскрыть этот феномен в целостности. Устанавливаются отличия использования метода феноменологического анализа в патопсихологии и при исследовании психологических проблем.

Ключевые слова: психологическая проблема; феномен сознания; психологическая диагностика; метод; социальная группа; человек; переживания.

Образец цитирования:

Соколова Э. А. Метод феноменологического анализа в диагностике психологических проблем человека и социальной группы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 108–112.

For citation:

Sokolova E. A. Method of phenomenological analysis in the diagnostics of psychological problems of human and social group. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 2. P. 108–112 (in Russ.).

Автор:

Эмилия Александровна Соколова – кандидат медицинских наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета психологии и педагогики.

Author:

Emilia A. Sokolova, PhD (medicine), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and pedagogics.
emiliasokolova@yandex.ru

METHOD OF PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS IN THE DIAGNOSTICS OF PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF HUMAN AND SOCIAL GROUP

E. A. SOKOLOVA^a

^aFrancisk Scorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Gomel 246019, Belarus

The aim of this study is to base the usage of phenomenological analysis in the diagnostics of psychological problems. It includes a selection of the phenomenon of psychological problems in the totality of its components, and formulate relevant questions that help reveal the phenomenon in integrity. Differences between the use of the phenomenological method of analysis have been established in abnormal psychology and the study of psychological problems.

Key words: psychological problem; the phenomenon of consciousness; psychological diagnosis; method; social group; the person; experiences.

Введение

Каждый человек в своей жизни сталкивается с рядом проблем, которые включают в себя как общечеловеческие, так и имеющие значение для личности как члена определенной социальной группы. Проблемы разных социальных групп отличаются друг от друга. Существуют трудности, связанные с профессиональной деятельностью, проблемы групп разного возраста, пола, статуса, и т. д. Не всегда их удается решить, и при этом не все члены социальной группы обращаются за психологической помощью. Нерешаемые проблемы накапливаются, что может создавать психологическую напряженность членов социальной группы и находить разное выражение в ответ на эту напряженность. Накопление нерешаемых проблем профессиональной деятельности может привести к уходу специалистов из сферы деятельности. Напряженность, обусловленная психологическими проблемами группы подростков, может привести к их агрессивному поведению. В классе возможно длительное существование конфликта между детьми, связанного с наличием психологических проблем. Приведенный список примеров негативного влияния психологических проблем далеко не

исчерпывающий. В связи с этим вопрос о диагностике психологических проблем социальных групп сегодня является актуальным. При этом в научной литературе диагностика таких проблем недостаточно обоснована.

При диагностике необходимо учитывать, что человек сам решает, есть ли у него психологическая проблема, т. е. он понимает, переживает и принимает решение по взаимодействию с ней. Проблема становится феноменом сознания человека. В клинической психологии при исследовании феноменов сознания больного используется метод феноменологического анализа [1]. Обоснования этого метода в диагностике психологических проблем в настоящее время нет. Остается неясным, на каком этапе диагностики такой метод должен быть использован. Вопросы диагностики психологических проблем социальных групп, в том числе разного возраста, нуждаются в изучении.

Целью настоящего исследования является обоснование феноменологического анализа в исследовании психологических проблем. Метод исследования – теоретический анализ литературы.

Теоретические основы исследования

Как пишет Г. М. Кучинский, «вопрос “что исследовать?” всегда дополняется вопросом “как исследовать?”» [1, с. 63]. Первый вопрос касается того, что представляет собой психологическая проблема. В. А. Янчук пишет про экзистенциально-феноменологическое бытие [2], одной из составляющих которого является психологическая проблема. Общепризнанного определения психологических проблем в настоящее время нет, они рассматриваются главным образом в рамках экзистенциального подхода в психологии, основной категорией которого является «переживание» [3]. Психологическая проблема пережива-

ется, однако для этого должна осознаваться она или ее переживания [4]. Все это позволяет отнести психологическую проблему к феноменам сознания. Она становится частью внутреннего мира субъекта. При этом «главным образом в силу феноменальности — своего важного сущностного свойства, наш внутренний мир всегда принципиально доступен и познаваем “по определению”» [5, с. 13]. Это относится и к психологической проблеме как составляющей внутреннего мира, она также принципиально доступна и познаваема. Поскольку психологическая проблема относится к феноменам сознания, для ее исследования

целесообразно применить феноменологический метод.

По этому поводу Г. М. Кучинский отмечает, что «феноменологический метод должен применяться уже в самом начале эмпирического психопатологического и психологического исследования» [1, с. 63]. Из работ исследователя можно выделить следующие положения, которые необходимо учитывать при феноменологическом анализе:

- «до всякого эмпирического исследования ученый уже пользуется какими-то исходными понятиями и представлениями об изучаемом явлении <...> мы должны иметь в виду как можно больше различных направлений возможного осмысления изучаемого феномена, например, отличительные особенности, условия возникновения и т. п.» [1, с. 63, 65];

- «наша объективность будет зависеть от того, насколько многообразно, глубоко и полно будут охвачены эти различные направления анализа, обсуждения изучаемого феномена» [1, с. 65];

- «выделение психического феномена из сложного целого психической жизни и означает выделение этого психического феномена как далее не редуцируемого целого» [1, с. 64].

Как пишет А. Адлер, «только наши взгляды влияют на избираемые нами направления, а не сами факты как таковые» [6, с. 34]. Осознание и переживание психологической проблемы приводят

к определенному поведению, которое также осознается и переживается. Совместно понимание, переживание и основанный на этом способ выхода из переживаний или решения проблемы являются составляющими психологической проблемы, образующими единое целое и существующее только в единстве своих составляющих, что позволяет отнести психологическую проблему к далее не редуцируемому целому [1]. Психологическое поле (поле понимания субъектом своей психологической проблемы) включает в себя понимание самой проблемы, понимание переживаний психологической проблемы, понимание способа решения проблемы или выхода из переживаний, используемых человеком при наличии у него психологической проблемы [4].

Исследование феноменов при болезни в клинической психологии отличается от феноменологического анализа психологической проблемы. Эти отличия заключаются в том, что, как пишет Г. М. Кучинский, ссылаясь на К. Ясперса, «исследователь, разговаривая с больным, сталкивается не с отдельным феноменом, а с многообразными событиями психической жизни, которые могут представлять разные феномены» [1, с. 64]. В отличие от этого при феноменологическом анализе психологической проблемы исследователь, несмотря на разные виды психологических проблем, сталкивается с одинаковыми для них составляющими этого феномена [4].

Результаты и их обсуждение

Для получения более полной картины необходимо учитывать и отличия феноменологического анализа в исследовании патологии или заболевания от исследований психологических проблем (см. таблицу).

В результате исследования должны быть получены субъективные данные, которые «отображают психическую жизнь “изнутри” такой, какой она осознается и переживается самим человеком» [1, с. 62]. То есть процесс феноменологического анализа идет через переживания и осознание проблем. В результате такого анализа исследователь получает субъективные данные, касающиеся только выделенного, осознанного и понятого самим респондентом феномена психологической проблемы. Опора в исследовании идет на понимание этого феномена самим респондентом.

В настоящее время, как отмечает В. А. Янчук, изменяется место психолога в научных исследованиях, «вместо нейтральной позиции психолог приглашается к идентификации с позиций личности профессионала» [2, с. 179]. В клинической психологии анализ проводится с позиции личности профессионального психолога или специалиста по медицине (психотерапевта). Как пишет Д. Г. Трунов, «другой человек может сыграть специфическую

роль в прояснении моих переживаний благодаря тому, что он задает вопросы, строит какие-то предположения, касающиеся моего “внутреннего бытия”» [5, с. 17]. Это касается диагностики при работе с клиентами. При диагностике психологических проблем какой-либо социальной группы, например профессиональной, специалист тоже задает вопросы, строит предположения, касающиеся проблем членов профессиональной группы. Вопросы при исследовании психологических проблем социальной группы основываются на результатах установления их психологического поля [4].

Ученый Д. Г. Трунов считает, что «осознание внутреннего опыта в феноменологии – это не процесс, связанный с неким “проникновением”, “открытием” и т. д., как это имеет место в психоанализе, а процесс, связанный исключительно с различением-описанием внутреннего опыта, т. е. с его как можно более детализированной вербальной репрезентацией <...>. Переход от запутанного мышления к отчетливому и ясному Гуссерль называл “эксплицитным познанием”» [7, с. 46]. Различение «запутанности» и «отчетливости» играет важную роль в феноменологии различных форм осознания и выражения (в том числе вербального) [7, с. 46]. Отчетливость понимания психологической пробле-

мы респондента или социальной группы респондентов достигается посредством трактовки этой проблемы психологом. Если исследуются психологические проблемы социальной группы или человека в профессиональной деятельности, то профессионал-психолог должен обладать определенными знаниями в той деятельности, которой занимается исследуемая социальная группа. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- субкультура социальной профессиональной группы включает в себя определенную систему

ценностей, которая, как правило, не противоречит общечеловеческой, но может иметь определенную иерархию, обусловленную требованиями профессии, это диктует специфику поведения в профессии, не всегда понятную стороннему человеку [8];

- в группе имеется свой профессиональный язык, в котором ряд понятий может иметь специфическое значение, отличное от общепринятого [4].

Непонимание психологом вышеперечисленного влечет за собой непонимание психологических проблем человека.

Различия феноменологического анализа в исследовании психологических проблем и исследовании при патологии или заболевании

Differences in phenomenological analysis in the study of psychological problems and research in pathology or disease

| При патологии или заболевании | При психологических проблемах |
|---|---|
| Установление разнообразия феноменов у больного | Установление только одного феномена |
| Цель – установление психических феноменов пациента | Цель – установление феномена психологической проблемы как здорового, так и больного человека, если у него имеются помимо заболевания еще и психологические проблемы |
| Феноменологический анализ в клинических исследованиях используется при работе с пациентом | Феноменологический анализ используется для установления проблем не только у отдельного человека, но и у социальной группы [4] |
| Г. М. Кучинский указывает на то, что «феноменологию Ясперс ограничивает областью “душевных переживаний личности”, своего рода, “описательной психологией явлений сознания”» [1, с. 62]. Феноменологическое исследование в патопсихологии касается всего спектра переживаний личности, которые могут быть осознаны и описаны, и из них <i>психотерапевт</i> выделяет феномены психической жизни пациента | При феноменологическом исследовании клиент или респондент <i>сам</i> выделяет данный феномен и описывает свое понимание и переживания, относящиеся именно к этой проблеме |

Недостаточно использовать феноменологический метод только на начальном этапе исследования психологических проблем социальной группы. За ним должен следовать метод обработки текстов респондентов, в которых они описывают испытываемую психологическую проблему. Результаты анализа текстов подвергаются математической обработке, в результате чего устанавливается состав и структура психологических проблем. Полученные результаты также подвергаются феноменологическому анализу. Ссылаясь на неопубликованный доклад Д. Линшотена (г. Бонн, 1955), Р. Мэй пишет, что феноменологический анализ «выявляет наиболее существенные характеристики и сущностную структуру экспериментально исследуемого явления во временном и логическом аспектах» [3, с. 42]. При этом психологическая проблема как феномен анализируется с позиции понимания ее наиболее существенных характеристик. Из объединения личностных смыслов проблемы возникает понимание целостного феномена психологической проблемы в сознании респондентов и ее значение для исследуемой социальной группы.

Таким образом, феноменологический метод в исследовании психологических проблем используется в начале исследования как феноменологический анализ для выявления составляющих психологической проблемы и в конце как феноменологический синтез для воссоздания целостной психологической проблемы клиента в понимании ее психологом.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) исследование психологических проблем человека и социальной группы является многоэтапным процессом;

- 2) поскольку психологическая проблема относится к феноменам сознания, для ее исследования необходимо использовать метод феноменологического анализа;

- 3) метод феноменологического анализа психологических проблем включает в себя выделение феномена психологической проблемы в совокупности его составляющих, а также формулирование соответствующих вопросов таким образом, чтобы респондент мог описать свое понимание психологической проблемы, а психолог мог понять ту со-

ставляющую психической жизни респондента, которая относится к психологической проблеме;

4) феноменологический анализ психологических проблем рассматривает психологическую проблему в целостности и совокупности ее составляющих;

5) использование метода феноменологического анализа при исследовании психологических проблем имеет ряд отличий от использования его при психических заболеваниях или психической патологии;

6) метод феноменологического анализа психологических проблем профессиональной социальной группы или отдельного человека требует активного включения исследователя в процесс диагностики;

7) при использовании метода феноменологического исследования для исследования психологических проблем социальной группы профессионал-психолог должен обладать определенными знаниями в той деятельности, которой занимается исследуемая социальная группа.

Заключение

Анализ специализированной литературы позволяет установить возможности, специфику и условия использования метода феноменологического анализа при исследовании психологических проблем, а также его отличия от использования при психической патологии или заболевании.

Полученные результаты показывают ряд особенностей диагностики психологических проблем человека и социальной группы и могут быть использованы при работе практикующего психолога с психологическими проблемами человека или социальной группы.

Библиографические ссылки

1. Кучинский Г. М. Феноменологический метод в психологии. Карл Ясперс [Электронный ресурс] // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2009. № 1. С. 59–67. URL: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=186311> (дата обращения: 09.12.2015).
2. Янчук В. А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности / под ред. А. В. Брушлинского [и др.]. Минск : ЕГУ, 2003. С. 175–201.
3. Мэй Р. Р., Маслоу А., Олпорт Г. и др. Экзистенциальная психология / пер. Л. Дворко. Львов ; М. : Инициатива : Ин-т общегуманитар. исследований, 2005.
4. Соколова Э. А., Секун В. И. Психологические проблемы в понимании медицинского работника. Гомель, 2007.
5. Трунов Д. Г. Где проходят границы между «внешним» и «внутренним» опытом? [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1 (5). С. 9–21. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2011_1.pdf (дата обращения: 12.05.2016).
6. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / пер. А. А. Валеева, Р. А. Валеевой. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998.
7. Трунов Д. Г. «Ступени сознания» психологического опыта в феноменологической парадигме [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3 (7). С. 43–48. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2011_1.pdf (дата обращения: 13.05.2016).
8. Соколова Э. А. Идеальный образ и психологические проблемы как составляющие субкультуры // Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Барановичи, 22 октября 2015 г.). Барановичи, 2015. С. 194–196.

References

1. Kuchinski G. M. [The phenomenological method in psychology]. *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava.* [J. Belarus. State Univ. History. Economics. Law]. 2009. No. 1. P. 59–67. URL: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=186311> (date of access: 09.12.2015) (in Russ.).
2. Yanchuk V. A. [Psychology of Postmodern]. In: *Vremya kak faktor izmenenii lichnosti* [Time as a factor in the personality changes]. Minsk : EGU, 2003. P. 175–201 (in Russ.).
3. Mei R. R., Maslow A., Allport G., et al. *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential Psychology]. Lviv ; Moscow : Initiative : Inst. of humanit. res., 2005 (in Russ.).
4. Sokolov E. A., Sekun V. I. Psychological problems in understanding the health worker. Gomel, 2007.
5. Trunov D. G. Where do the borders between «internal» and «external» experience pass? *Vestn. Perm. un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm Univ. Her. Philos. Psychol. Sociol.]. 2011. No. 1 (5). P. 9–21. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2011_1.pdf (date of access: 12.05.2016) (in Russ.).
6. Adler A. *Vospitanie detei. Vzaimodeistvie polov* [The Education of Children. Interaction of sexes]. Rostov-on-Don : Feniks, 1998 (in Russ.).
7. Trunov D. G. «Consciousness steps» of mental experience in phenomenological paradigm. *Vestn. Perm. un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm Univ. Her. Philos. Psychol. Sociol.]. 2011. No. 3 (7). P. 43–48. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/philosophy-psychology-sociology/2011_1.pdf (date of access: 13.05.2016) (in Russ.).
8. Sokolov E. A. [Perfect image and psychological problems as constituting a subculture]. *Ideal'nyi obraz i psikhologicheskie problemy kak sostavlyayushchie subkul'tury* [Specialist of the XXI century: psycho-pedagogical culture and professional competence] : mater. of the IV Int. sci.-pract. conf. (Baranovichi, 22 Oct., 2015). Baranovichi, 2015. P. 194–196 (in Russ.).

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 141.319.8(075.8)

Хомич Е. В. **Философская антропология** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 02 01 «Философия» / Е. В. Хомич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 132 с. : табл. Библиогр.: с. 118–130. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/187582>. Загл. с экрана. Деп. 26.12.2017, № 010126122017.

В электронном учебно-методическом комплексе (ЭУМК) содержатся базовые учебные материалы по философской антропологии и философии сознания. В состав ЭУМК входят тексты лекций, задания для практических и семинарских занятий, список контрольных вопросов по курсу, тематика рефератов и контрольных работ, учебная программа и список литературы.

Адресуется студентам философского отделения факультета философии и социальных наук, а также всем, кто интересуется проблемами философии человека и философии сознания.

УДК 159.9.072(075.8)

Стволыгин К. В. **Методология и методы экспериментальных исследований в психологии** [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 80 03 «Психология», 1-23 81 04 «Социальная психология» / К. В. Стволыгин ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 127 с. Библиогр.: с. 126–127. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/193708>. Загл. с экрана. Деп. 02.04.2018, № 002402042018.

Учебно-методический комплекс включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Методология и методы экспериментальных исследований в психологии» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС «НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ»

| | |
|--|----|
| <i>Лазаревич А. А.</i> Национальная философия как феномен культурно-цивилизационного развития..... | 4 |
| <i>Оргиш В. П.</i> Только верой (религиозно-реформаторские воззрения Франциска Скорины)..... | 10 |
| <i>Воробьева С. В., Легчилин А. А.</i> Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития..... | 17 |
| <i>Добrorодний Д. Г.</i> Социокультурные условия становления сети Интернет..... | 23 |
| <i>Радевич Е. В.</i> Трансформация дискурса глобализации в современном социально-гуманитарном знании..... | 29 |

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

| | |
|---|----|
| <i>Кватаниа А.</i> Проблема пространственности мира в философии М. Хайдеггера..... | 35 |
| <i>Карако П. С.</i> «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма..... | 40 |

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

| | |
|--|----|
| <i>Поликарпов В. А.</i> Возможно ли научное познание Бытия?..... | 51 |
|--|----|

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

| | |
|--|----|
| <i>Каменская Т. Г.</i> Коммуникативная креативность и деструктивность..... | 56 |
| <i>Миронцов И. В.</i> Киберспорт как инструмент (ре)социализации..... | 62 |

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

| | |
|--|----|
| <i>Фофанова Г. А., Бутько А. Г., Солодухо А. С.</i> Рабочая мотивация программистов с различной толерантностью к неопределенности..... | 68 |
| <i>Трухан Е. А., Саливончик А. А.</i> Гендерные установки в отношении внутрисемейного распределения ролей у корейских и белорусских студентов..... | 74 |
| <i>Татарко К. И.</i> Понятие социальной установки в системе научного знания социальной психологии..... | 83 |
| <i>Микелевич Е. Б.</i> Различия в эмоциональных и поведенческих реакциях сотрудников с конструктивной и деструктивной стратегией совладания с завистью в служебных отношениях..... | 89 |
| <i>Король Н. В.</i> Представления студентов о школьном буллинге..... | 96 |

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

| | |
|---|-----|
| <i>Фролова Ю. Г., Ладю А. В.</i> Факторы принятия решений у пациентов с алкогольной зависимостью..... | 101 |
|---|-----|

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

| | |
|---|-----|
| <i>Соколова Э. А.</i> Метод феноменологического анализа в диагностике психологических проблем человека и социальной группы..... | 108 |
| Аннотации депонированных в БГУ работ..... | 113 |

CONTENTS

THE FIRST BELARUSIAN CONGRESS OF PHILOSOPHY «NATIONAL PHILOSOPHY IN THE GLOBAL WORLD»

| | |
|--|----|
| <i>Lazarevich A. A.</i> National philosophy as phenomenon of cultural-civilizational development | 4 |
| <i>Orgish V. P.</i> Only by faith (religious reformist views by Francysk Skaryna)..... | 10 |
| <i>Vorobyova S. V., Liahchylin A. A.</i> Cross-cultural bases of tendencies of civilization development | 17 |
| <i>Dabrarodni D. G.</i> Socio-cultural conditions of the Internet network becoming..... | 23 |
| <i>Radevich E. V.</i> Transformation of the discourse of globalization in modern social and humanitarian knowledge | 29 |

HISTORY OF PHILOSOPHY

| | |
|--|----|
| <i>Kvatania A.</i> The problem of spatiality of world in M. Heidegger's philosophy..... | 35 |
| <i>Karako P. S.</i> «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and its place in system of Russian cosmism..... | 40 |

METHODOLOGY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

| | |
|---|----|
| <i>Polikarpov V. A.</i> Is it possible to have scientific knowledge of Being..... | 51 |
|---|----|

SOCIAL RESEARCHES

| | |
|--|----|
| <i>Kamenskaya T. G.</i> Communicative creativity and destructiveness | 56 |
| <i>Mirontsov I. V.</i> E-sports as a tool for (re)socialization..... | 62 |

SOCIAL PSYCHOLOGY

| | |
|--|----|
| <i>Fofanova G. A., Butko A. G., Saladukha A. S.</i> Work motivation of programmers with various tolerance to uncertainty | 68 |
| <i>Truhan E. A., Salivonchik A. A.</i> Gender attitudes with regard to intra-family distribution of roles among Korean and Belarusian students | 74 |
| <i>Tatarko K. I.</i> Concept of attitudes in the system of scientific knowledge of social psychology..... | 83 |
| <i>Mikelevich A. B.</i> Differences in emotional and behavior reactions of employees with the constructive and destructive envy coping strategy in the workplace relationship..... | 89 |
| <i>Korol N. V.</i> The representations of students about the school bullying | 96 |

MEDICAL PSYCHOLOGY

| | |
|---|-----|
| <i>Fralova Y. G., Lado A. V.</i> The determinants of decision-making in alcoholic patients..... | 101 |
|---|-----|

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

| | |
|--|-----|
| <i>Sokolova E. A.</i> Method of phenomenological analysis in the diagnostics of psychological problems of human and social group | 108 |
| Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU..... | 113 |

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *О. А. Бабашова, Е. А. Логвинович*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *К. Б. Скакун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.05.2018.

Тираж 100 экз. Заказ 178.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *O. A. Babashova, E. A. Logvinovich*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreaders *K. B. Skakun, L. A. Merkul'*

Signed print 31.05.2018.

Edition 100 copies. Order number 178.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018